СНОШЕНІЯ

РОССІИ СЪ ХИВОЮ И БУХАРОЮ

ПРИ

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

—

СОЧИНЕНІЕ

А. ПОПОВА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 23-го Іюля 1853-го года.

Цензоръ Н. Пейкеръ.

Изъ IX-й книжки Записки Императорскаго Географическаго Общества.

2020140900

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Назначеніе двухъ посольствъ: въ Малую Бухарію и Хиву.....1—3

II.

Поѣздка Кн. Черкасскаго къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря; экспедиціи для открытія стараго русла Аму Дарьи; назначеніе Кожина въ экспедицію для описанія береговъ Каспійскаго моря; назначеніе Кн. Черкасскаго въ экспедицію въ Хиву; экспедиція Бухгольца къ Эркети.....3—15

III.

Снаряженіе экспедиціи Кн. Черкасскаго въ Астрахани, закладка крѣпостей въ Тюкъ-Карагани и у Красныхъ Водъ, возвращеніе Кн. Черкасскаго въ Астрахань.....15—23

IV.

Новая экспедиція въ Хиву; отправленіе къ Гурьеву городку, походъ отряда Кн. Черкасскаго по берегамъ Аральскаго моря въ Хиву; сраженія съ Хивинцами, мирные переговоры, гибель Кн. Черкасскаго и его отряда.....23—32

V.

Судьба гарнизоновъ въ новыхъ крѣпостяхъ, Бухарскій посолъ въ Петербургѣ; назначеніе Ф. Беневени посломъ въ Бухарію.....32—38

VI.

Пребываніе Ф. Беневени въ Шемахѣ, отправленіе въ Тегеранъ.....38—48

VII.

Состояніе Персіи во это время; переговоры посла съ Персидскимъ правительствомъ; Турецкій посланникъ, отправленіе Бухару.....48—54

VIII.

Состояніе Бухаріи, торжественный пріемъ посла у хана; выѣзъ изъ Бухары; возвращеніе назадъ, извѣстіи о богатствѣ и торговлѣ Бухаріи.....55—68

IX.

Переписка посла съ Хивою; тайный отъѣздъ изъ Бухары, пріѣздъ въ Хиву, встрѣча торжественный пріемъ у хана; притесненія; отъѣздъ посла.....68—80

X.

Заключеніе.....80—82

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Показанія объ экспедиціи Кн. Черкасскаго Хаджи Нефеса, Алтына Усейнова, Ѳедора Емельянова и Михаила Бѣлотѣлкина.....83—101
2. Инструкція Фл. Беневени.....102—104
3. Донесеніе Ф. Беневени изъ Шемахи 1-го окт. 1719-го года.....105—108
4. Донесеніе Ф. Беневени изъ Шемахи 5-го генв. 1720-го года.....108—110
5. Письмо Ф. Беневени къ Барону Шафирову.....111—116
6. Донесеніе Ф. Беневени изъ Шемахи 1-го іюля 1720-го года.....116—120
7. Донесеніе и реляція Ф. Беневени изъ Тегерана 25-го мая 1721-го г.120—133
8. Двѣ реляціи Ф. Беневени изъ Бухары 10-го марта 1722-го года....134—144
9. Реляціи Ф. Беневени изъ Бухары 4-го марта 1723-го года и прибавленіе къ дупликату тойже реляціи 10-го апрѣля.....144—151
10. Показаніе Н. Минера.....151—156
11. Реляціи Ф. Беневени изъ Бухары 16-го марта 1725-го года.....156—159
12. Дневникъ пребыванія Фл. Беневени въ Хивѣ.....170—188

СНОШЕНІЯ РОССІИ СЪ ХИВОЮ И БУХАРОЮ

ПРИ

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

I.

Издавна начались сношенія наши съ Среднею Азіею. Памятники о пріѣздѣ въ Москву Персидскихъ пословъ и объ отправленіи туда Московскихъ, хранящіеся въ нашихъ архивахъ, начинаются съ 1588 года. Почти въ тоже время прибылъ въ Москву и первый посолъ Бухарскій (въ 1589 г.). Сношенія, прерванныя въ смутныя времена междуцарствія и самозванцевъ, возобновились съ большимъ постоянствомъ со вступленіемъ на престолъ Московскій Дома Романовыхъ. Позднѣе, а именно съ 1670 года начались и сношенія съ Хивою; но уже въ 1700 году, прибывшій посланецъ Хивинскій вручилъ Петру Великому грамоту хана Шаніаза, въ которой просилъ принять его, со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ, въ подданство Россіи. Грамотою, отъ 30 іюня, Петръ Великій изъявилъ свое соизволеніе и подтвердилъ его впослѣдствіи, въ 1703 году, новому хану Хивинскому Аранъ-Махмету. Между тѣмъ продолжались торговыя сношенія съ Бухарою, которой Эмиръ считался прежде и владыкою Хивы. Въ 1713 году, въ Астрахань пріѣхалъ нѣкто хаджа Нефесъ, садырь одного изъ Туркменскихъ

колѣнъ и подружился съ княземъ Самоновымъ, который былъ родомъ изъ Гиляна, окрестился и принялъ это прозванье и титулъ. Въ тайной бесѣдѣ онъ передалъ ему, что желаетъ предложить Русскому Царю, чтобы онъ, съ помощію Туркменовъ, завладѣлъ страною при Аму-Дарьѣ, гдѣ будто бы находится золотой песокъ. Онъ разсказалъ, что Узбеки, владычествующіе въ Хивѣ, опасаясь Россіи, засыпали то устье, которымъ Аму-Дарья впадала въ Каспійское море, но прибавилъ, что можно безъ большихъ усилій уничтожить плотину и возвратить рѣкѣ прежнее теченіе. Въ тоже время Петръ Великій получилъ извѣстія отъ губернатора Сибирскаго кн. Гагарина о томъ, что въ Малой Бухаріи при городѣ Эркети на рѣкѣ Дарьѣ находится золотой песокъ. Эркетъ находился въ то время подъ властію Калмыковъ и близъ него кочевала 30-ти тысячная орда Контайши. Предлагая завладѣть симъ городомъ, кн. Гагаринъ считалъ нужнымъ по дорогѣ отъ Тобольска до Эркети построить крѣпости: первую на Иртышѣ близъ Ямышева озера, а потомъ по усмотрѣнію и другія. Онъ брался устроить крѣпости, составить войска и даже содержать ихъ изъ доходовъ Сибирской губерніи. Только для сопротивленія Калмыкамъ просилъ два или три полка регулярныхъ и Уфимскихъ Башкирцевъ (*). На представленія кн. Гагарина Петръ собственною рукою надписалъ: «Построить городъ у Ямышева озера и буде можно и выше и, «построя крѣпость, искать далѣе по той рѣкѣ вверхъ, пока лодки «пройти могутъ и оттоль итти далѣе до города Эркета и онымъ «искать овладѣть. Для сего опредѣлить солдатъ 2000, или по «нуждѣ 1500; также сыскать изъ Шведовъ нѣсколько чело«вѣкъ, хотя года на три, которые умѣютъ инженерства и артил«леріи, также кои хотя мало умѣютъ около минералловъ обхо«диться и офицеровъ нѣсколько, однако чтобы ихъ было не бо-

(*) Миллера извѣстія о песочн. золотѣ. Ежемѣс. сочин. 1760 г. кн. 1. стр. 7 и 8.

«лѣе трети» (*). Находившійся въ то время въ Россіи Хивинскій посолъ Ачерби, подтвердилъ показанія кн. Гагарина и предлагалъ Петру Великому, близъ того мѣста, гдѣ прежде впадала Аму-Дарья въ Каспійское море, построить крѣпость и снабдить ее гарнизономъ. «Сіи объявленія,—говоритъ Голиковъ,—казались «попечительному о благѣ Отечества Государю весьма важными «и Его Величество тогда же положилъ изслѣдовать въ обоихъ «оныхъ мѣстахъ подлинность онаго. Проницаніе его видѣло, «что если и не найдется искомое въ рѣкахъ тѣхъ золото, то по «крайней мѣрѣ найденъ будетъ новый способъ къ полученію «онаго посредствомъ торговли чрезъ тѣ страны съ самою Индіею» (**).

Всѣ изложенныя обстоятельства послужили поводомъ къ отправленію двухъ экспедицій: въ Малую Бухарію, подъ начальствомъ капитана Бухгольца, и въ Хиву, подъ начальствомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручика князя Александра Бековича Черкасскаго. Поѣздка послѣдняго послужила причиною къ посольству Флоріо Беневена, секретаря Оріентальной экспедиціи. Оба посольства вмѣстѣ представятъ полную исторію нашихъ сношеній съ Бухарою и Хивою въ государствованіе Петра Великаго.

II.

Въ 1714 году, 29 мая, Петръ Великій собственноручнымъ указомъ Сенату предписалъ: «Послать въ Хиву съ поздравле«ніемъ на ханство, а оттоль ѣхать въ Бухары къ хану, сыскавъ «какое дѣло торговое, а дѣло настоящее провѣдать про городъ «Иркеть». Того же числа съ Березовскихъ острововъ предписано было ближнему боярину и губернатору Казанскому Петру Са-

(*) Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, изд. 2, т. V. 234. Указъ 22 мая 1714 г. Миллеръ, извѣстіе о песочномъ золотѣ. Сочин. и переводы о пользѣ и увес. служащія. 1760 г. кн. I, стр. 30.

(**) Тамъ же. V. 235.

мойловичу Салтыкову дать князю Черкасскому, который и посланъ былъ съ указомъ «для нѣкотораго нужнаго дѣла въ «Астрахань и далѣе на Каспійское море, о которомъ дѣлѣ онъ «самъ объявитъ», — полторы тысячи солдатъ и пять тысячь рублей денегъ и сверхъ того указъ къ оберъ-коменданту Астраханскому, чтобъ онъ исполнилъ всѣ другія его требованія. Августа 13 онъ прибылъ въ Казань, 16-го отправился въ Астрахань, получивъ отъ Салтыкова 500 рублей денегъ, 1500 воинскихъ людей и въ томъ числѣ 100 Яицкихъ казаковъ и шестнадцать струговъ, взятыхъ у посадскихъ людей. Сверхъ того и по всей дорогѣ отъ Казани до Астрахани, онъ предписалъ, по требованію кн. Черкасскаго, давать ему струги, если гдѣ найдутся, а оберъ-коменданту Астраханскому Чирикову выдать ему остальные 4500 рублей и сверхъ того снарядить на счетъ казны суда и войска.

Прибывъ въ Астрахань, князь Бековичъ-Черкасскій, при содѣйствіи Чирикова, снарядилъ экспедицію къ 28 октября (*). Она состояла изъ двухъ шкунъ, 27 большихъ струговъ и одной бусы. При отправленіи, войско, находившееся въ его распоряженіи, состояло изъ пѣхотнаго полка полковника Зажарскаго (1487 чел.) съ отрядами изъ Саратова (95 чел.) и Самары (68) и Яицкими казаками (94 чел.), изъ 33-хъ артиллеристовъ при 19 орудіяхъ и 100 моряковъ, подъ начальствомъ флота капитана Рентеля и 10 офицеровъ. Сверхъ того при немъ находилось 14 Астраханскихъ дворянъ, 4 подъячихъ и переводчикъ.

Въ началѣ ноября (7-го), флотилія вышла изъ «Астраханскихъ черней» въ море и направилась къ Гурьеву-городку, находящемуся при впаденіи Урала въ Каспійское море. Кн. Черкасскій, увѣдомляя о своемъ движеніи Салтыкова, въ тоже время просилъ къ веснѣ выслать ему въ Гурьевъ 500 конныхъ каза-

(*) Снаряженіе всей экспедиціи въ Астрахани стоило 30,638 руб. 4 алтына съ деньгою. Доношенія въ Сенатъ Салтыкова 1714 г. окт. 19 и 1715 г. февр. 17 и апрѣля 6, Журналъ Петра Великаго, Т. II, стр. 341—345.

ковъ, а также пороху и свинцу, безъ чего,—какъ писалъ въ Сенатъ Салтыковъ,—«ему не можно дѣла совершить». Снаряженіе флотиліи, вѣроятно, такъ долго задержало выходъ въ море кн. Черкасскаго. Онъ не достигъ до Гурьева, потерялъ два струга при устьѣ Урала и два при устьѣ Терека, гдѣ ихъ затерло льдомъ, и въ декабрѣ мѣсяцѣ снова возвратился въ Астрахань. Но первая неудача не остановила его дальнѣйшихъ дѣйствій. Весною въ 1715 году (апр. 25) онъ вновь выступилъ въ море, дополнивъ свою флотилію 20 новыми бригантинами и достигъ до Гурьева. Тамъ онъ нашелъ уже 500 казаковъ, присланныхъ Салтыковымъ; но отправивъ ихъ обратно на Уралъ, двинулся къ восточному берегу Каспійскаго моря до залива Тюкъ-Караганъ. Войдя въ заливъ, онъ высадилъ на берегъ свой отрядъ, собралъ начальниковъ Туркменскихъ племенъ, кочевавшихъ вокругъ и подвластныхъ принявшему уже Русское подданство Аюкѣ-хану. Въ переговорахъ съ ними, онъ хотѣлъ собрать свѣдѣнія о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи и о томъ, нѣтъ ли возможности возвратить его въ прежнее русло. Туркмены увѣряли кн. Черкасскаго, что стоитъ только прокопать каналъ около 20 верстъ къ заливу Каспійскаго моря — Краснымъ водамъ, чтобы рѣка вновь потекла въ это море, обѣщали показать ея прежнее логовище и то урочище, откуда слѣдуетъ поворотить ея теченіе по прежнему руслу.

Основываясь на показаніяхъ туземцевъ, кн. Черкасскій нарядилъ двухъ Астраханскихъ дворянъ Ник. Ѳедорова и Ив. Званскаго, подъ руководствомъ Хаджи Нефеса, осмотрѣть мѣстность и возвратиться къ Краснымъ водамъ, гдѣ по сказанію, впадала прежде Аму-Дарья въ Каспійское море. Вслѣдъ за тѣмъ и самъ онъ отплылъ со всею флотиліею изъ Тюкъ-Карагана къ Краснымъ водамъ.

Хаджа Нефесъ былъ тотъ самый Туркменъ, который съ кн. Самановымъ ѣздилъ въ Москву съ предложеніями Петру Великому. Возвратившись на родину, съ разрѣшенія султана

Сайдали, онъ вызвался руководить Русскую экспедицію въ развѣдываніи прежняго русла Аму-Дарьи.

Экспедиція отправилась изъ Тюкъ-Карагани по караванной дорогѣ въ Хиву. По показанію Нефеса въ 11, а Ѳедорова въ 17 дней, они достигли на верблюдахъ рѣки Карагачь (*), гдѣ сходилась съ тою дорогою, по которой они слѣдовали, дорога пролегавшая отъ Астрахани въ Хиву, и начинался земляной валъ въ $1^1/_4$ арш. вышины и 3 сажени ширины. Онъ простирался верстъ на пять въ длину и шелъ верстахъ въ двухъ отъ Аму-Дарьи, какъ увѣряли туземцы; въ это же время рѣка была въ разливѣ и вода достигала самаго вала. Съ этого мѣста провожатые предложили своротить съ большой дороги вправо въ степь. Верстъ около 20 экспедиція шла степью до того мѣста, гдѣ начинался низменный долъ, продолжавшійся, по сказанію туземцевъ, до самаго Каспійскаго моря и составлявшій нѣкогда русло Аму-Дарьи. Три дня продолжали путешественники идти по этому узкому долу; по обѣимъ сторонамъ тянулись возвышенія, какъ бы берега, и на нихъ замѣтны были развалины городовъ и селеній. Кое-гдѣ въ него впадали узкіе, сухіе овраги, которые казались каналами, и вѣроятно были проведены въ прежнее время изъ рѣки для орошенія полей. Дойдя до урочища Ати-Ибрагимъ, туземцы отказались провожать экспедицію далѣе, говоря, что не ручаются за ея безопасность отъ нападеній Хивинцевъ. Хаджа Нефесъ не упоминаетъ въ своемъ показаніи о послѣднемъ урочищѣ; но говоритъ, что не доходя до рѣки Карагача за три дни, въ степи находятся развалины двухъ городовъ: Аланъ и Кой, и возлѣ нихъ озеро съ прѣсною водою. Запасшись водою въ рѣкѣ Карагачѣ, они свернули съ дороги, безводною степью, въ двѣ недѣли добрались до Красныхъ водъ, гдѣ уже находился князь Черкасскій, и сообщили ему свои на-

(*) Въ показаніи хаджи Нефеса; Ѳедоровъ же называетъ: урочище Карагачь. Журн. Петра Великаго. II. 392.

блюденія. Князю Черкасскому показались недостаточными сообщенныя экспедиціею свѣдѣнія. Отъ Красныхъ водъ онъ нарядилъ снова Астраханскаго дворянина Алексѣя Тарановскаго, по указанію Трухменцевъ осмотрѣть часть предполагаемаго русла Аму-Дарьи отъ урочища Ата-Ибрагимъ до Каспійскаго моря. Но провожатые, подъ тѣмъ же предлогомъ, какъ и прежніе, не довели Тарановскаго до назначеннаго урочища; ему удалось осмотрѣть только одну часть узкой долины, доходившей до моря. Однакоже осмотры мѣстности Русскими и единогласныя показанія Туркменцевъ, кажется, убѣдили князя Черкасскаго, что дѣйствительно этотъ долъ составлялъ нѣкогда русло Аму-Дарьи, а пятиверстный валъ служилъ плотиною, посредствомъ которой ея воды были отведены въ другую сторону и теченіе отъ Каспійскаго моря повернуто къ Аральскому.

Въ то время, какъ совершались изложенныя выше экспедиціи, морскіе офицеры сняли и положили на карту часть восточнаго берега Каспійскаго моря. Эту карту, съ извѣстіями объ открытіи стараго русла Аму-Дарьи, князь Черкасскій отправилъ къ Петру Великому, а самъ со всею флотиліею возвратился, 9 октября 1715 года, въ Астрахань.

Извѣстія и карта князя Черкасскаго послужили поводомъ Петру Великому къ отправленію вновь къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря, флотскаго поручика Кожина, 27 генваря 1716 года. Въ инструкціи ему поручено было:

1) «Ѣхать въ Астрахань и тамъ взявъ двѣ скампавеи или «иныя суда, кои потребны ему будутъ и на оныхъ всѣ берега «того моря описать, также рѣки, гавани и острова, близъ бере«говъ лежащіе и сдѣлать карту.

2) «Гдѣ станетъ приставать и будутъ спрашивать отъ та«мошнихъ людей и ему сказать указъ данный и къ тому сло«вами говорить: что онъ посланъ для описанія того моря, дабы «лучше торговымъ людямъ ходъ былъ извѣстенъ, а не для «чего иного, дабы сомнѣнья въ нихъ не было».

3) «Посмотрѣть описи и карты Бековичевы и если прямо «сдѣланы, то туда не ѣздить; ежели жъ не прямо, то самому то «учинить».

4) «Когда берега опишетъ, то взявъ судно поболѣе морское «и все море крюйсовать и положить на карту».

Кожину съ одной стороны поручалось повѣрить описанія князя Черкасскаго, съ другой дополнить ихъ составленіемъ полной карты Каспійскаго моря. Его порученіе, соприкасаясь съ дѣйствіями экспедиціи Бековича, имѣло однакоже самостоятельное значеніе. Опредѣлительно и ясно обозначая въ инструкціяхъ цѣль предпріятія, Петръ Великій, однакоже, не стѣснялъ дѣйствія исполнителей его воли. Инструкція Кожину оканчивалась такъ: «Хотя жъ чего здѣсь и не положено, а увидитъ «къ пользѣ государственной, то учинить какъ доброму и чест«ному человѣку надлежитъ» (*). Но личные переговоры Петра Великаго съ возвратившимся изъ Астрахани княземъ Черкасскимъ дали другой оборотъ назначенію Кожина.

Изъ Астрахани князь Черкасскій возвратился въ Москву въ генварѣ 1716 года. Тамъ онъ узналъ, что Государь изъ С. Петербурга отправился въ Ригу, и получивъ указъ Сената отъ 31 генваря, чтобы ѣхать въ Петербургъ, немедленно туда отправился. Оттуда поѣхалъ вслѣдъ за Государемъ, чтобы лично ему представить отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ.

Въ это время продолжалась война со Швеціею; между тѣмъ здоровье Государя было разстроено; онъ оставилъ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы ѣхать лечиться на воды, а въ тоже время дѣйствовать сильнѣе на своихъ союзниковъ въ войнѣ противъ Шведовъ и особенно Данію. На дорогѣ, въ Либавѣ его встрѣтилъ князь Черкасскій, сообщилъ собранныя имъ свѣдѣнія о Хивѣ и Бухарѣ, объ изслѣдованной имъ мѣстности на восточномъ берегу Каспійскаго моря и въ тоже время новыя

(*) Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго. Томъ VI, стр. 79—80.

извѣстія о положеніи Кавказа, которыя придали особенное значеніе его прежнимъ намѣреніямъ.

Въ доношеніи, поданномъ Государю, Бековичъ писалъ, что «его братья» пишутъ къ нему изъ «земли Черкасской», что тамошніе князья и владѣтели находятся въ большомъ смущеніи по случаю происковъ Турціи и Персіи. Вслѣдствіе приказанія Султана, Крымскій Ханъ присылалъ нарочныхъ пословъ «къ вольнымъ князьямъ, имѣющимъ владѣніе близъ горъ, между Чернымъ и Каспійскимъ» морями, сначала въ Большую Кабарду, потомъ къ Кумыцкимъ и Шафкальскимъ владѣльцамъ, чтобъ пригласить ихъ войти въ подданство Оттоманской Порты. Въ Кабардѣ Крымскіе посланцы не нашли сочувствія; но многіе изъ владѣльцевъ Кумыцкихъ и Шафкальскихъ, подкупленные деньгами и дарами, склонились къ ихъ желанію. Противъ нихъ возстали другіе и возникло «великое нынѣ между тѣхъ народовъ несогласіе»,—писалъ князь Черкасскій. «Ежели Ваше Величество соизволите»—предлагалъ онъ Петру Великому, — «чтобъ оный народъ не допустить подъ руку Турецкую, но паче привесть подъ область свою, то надлежитъ не пропуская времени, о томъ стараться. А когда Турки ихъ подъ себя утвердятъ, тогда уже будетъ поздно и весьма невозможно того чинить, какъ сами о томъ изволите разсудить». Напоминая, что прежде Кумыки и Шафкалы были въ подданствѣ Россіи и только впослѣдствіи «незнаніемъ или неискусствомъ воеводъ «сей интересъ государственный по се время оставленъ», совѣтовалъ немедленно дѣйствовать.

Доношенія князя Черкасскаго рѣшили Петра Великаго назначить новую экспедицію въ Хиву, опять подъ предводительствомъ Бековича. За оказанныя услуги, онъ получилъ въ это время чинъ капитана гвардіи и подробное наставленіе, собственноручно самимъ Петромъ написанное, какъ ему дѣйствовать. Въ указѣ Сенату, отъ 14 февраля, поручалось распорядиться по данному князю Черкасскому наставленію, объ изготовленіи экс-

педиціи и сверхъ того, еслибъ онъ чего потребовалъ сверхъ наставленія, «чинить ему во всемъ отправленіе безъ задержанія». Вслѣдъ за симъ указомъ, послѣдовалъ другой, при которомъ Петръ Великій препроводилъ въ Сенатъ списокъ съ донесенія князя Черкасскаго о горскихъ народахъ, поручая ему «учинить «съ совѣта какимъ образомъ лучше ихъ при нашей сторонѣ «удержать» (*).

Наставленіемъ, состоявшимъ изъ 13 статей, кн. Черкасскому поручалось устроить крѣпость на тысячу человѣкъ, близъ прежняго устья Аму-Дарьи, т. е. у Красноводскаго залива. Потомъ, въ качествѣ посла ѣхать къ Хивинскому Хану, стараясь держаться не въ далекѣ отъ Аму-Дарьи, чтобъ осмотрѣть ея теченіе, берега и плотину. Если окажется возможность обратить снова теченіе рѣки по старому руслу и запереть ея протокъ къ Аральскому морю, то отчислить сколько нужно людей для того, чтобъ прежнюю плотину перекопать и устроить новую, и такимъ образомъ обратить теченіе рѣки къ Каспійскому морю. Около плотины осмотрѣть мѣсто, чтобы удобно было построить крѣпость, а если будетъ возможно, то и построить. По пріѣздѣ въ Хиву, стараться склонять Хана къ вѣрности и подданству Россіи, обѣщая ему наслѣдственное владѣніе своими областями; предложить ему гвардію изъ Русскихъ, которую однакоже онъ долженъ содержать на свой счетъ. Если послѣднее условіе ему покажется тяжелымъ, то дать войску содержаніе отъ Россіи; но только на одинъ годъ. Если Ханъ склонится къ выгодамъ Россіи, то просить его, чтобы послалъ нѣсколько своихъ людей съ двумя Русскими по Сыръ-Дарьѣ вверхъ до Эркети, для изслѣдованія песочнаго золота, и далъ бы нѣсколько судовъ, на которыхъ по Аму-Дарьѣ отправить купцевъ въ Индію. Имъ предписать, чтобъ шли рѣкою пока возможно, по-

(*) Журн. Петра Великаго. Т. II, стр. 349 — 356. Инструкція и первый указъ Сенату подписаны въ Либавѣ 14 февр., послѣдній на кораблѣ Св. Екатерины изъ Березовскихъ острововъ « » мая.

томъ продолжали бы путь сухимъ путемъ и весь свой путь взадъ и впередъ описывали подробно.

Во время пребыванія въ Хивѣ развѣдывать о Бухарскомъ Ханѣ: нельзя ли и его, если не склонить къ подданству Россіи, то по крайней мѣрѣ къ дружественнымъ сношеніямъ. Въ Бухаріи Ханы тоже «бѣдствуютъ отъ подданныхъ» и потому предложить ему также Русскую гвардію. Для исполненія возлагаемаго порученія, Петръ Великій предписывалъ дать въ распоряженіе князя Черкасскаго 4 тысячи человѣкъ регулярнаго войска, изъ морскихъ офицеровъ Кожина, пять или болѣе навигаторовъ, двухъ инженеровъ, 1500 Яицкихъ казаковъ, 500 Гребенскихъ, 100 драгунъ и купцевъ. Подъ видомъ провожанія торговаго каравана, они должны были отправиться изъ Астрахани и дойдя до плотины, отдѣлявшей отъ Каспійскаго моря теченіе Аму-Дарьи, приступить къ строенію города. Съ тамошними жителями предписывалось «обходиться ласково и безтягостно». Какъ эту экспедицію Петръ Великій считалъ важною, тому служатъ доказательствомъ послѣднія строки инструкціи, имъ собственноручно приписанныя: «по симъ пунк-«тамъ господамъ Сенату съ лутчею ревностію сіе дѣло, какъ «наискорѣе отправить, понеже зѣло нужно».

Инструкціи и указъ Царскій сопровождало письмо Государственнаго Канцлера, въ которомъ онъ предлагалъ Сенату снабдить князя Черкасскаго грамотами къ Бухарскому и Хивинскому Ханамъ (*).

Поѣздка въ Индію поручена была Петромъ Великимъ поручику Кожину, который и получилъ особое, въ пяти статьяхъ наставленіе. Онъ долженъ былъ ѣхать по усмотрѣнію князя Черкасскаго «подъ видомъ купчины, а настоящее дѣло дабы «до Индіи путь водяной открыть». Когда нельзя будетъ идти водою, то продолжать путешествіе сухимъ путемъ, развѣды-

(*) Журн. Петра Великаго. Ч. II, стр. 354.

вать кратчайшіе пути къ Каспійскому морю, описать дорогою и положить на карту, развѣдывать о товарахъ и «прочее, что «здѣсь не написано, а въ чемъ можетъ быть интересъ государ- «ства, смотрѣть и описывать».

Въ наставленіи князю Черкасскому велѣно уговорить Хивинскаго Хана нарядить своихъ людей вмѣстѣ съ двумя Русскими въ Малую Бухарію къ Эркети. Поводомъ къ такому порученію послужила неудачно окончившаяся экспедиція капитана Бухгольца.

Послѣдняя эта экспедиція началась почти въ одно время съ первою поѣздкою князя Черкасскаго. На основаніи предложеній князя Гагарина, подкрѣпленныхъ свидѣтельствомъ Хивинскаго посла, рѣшившись отправить Бухгольца къ Эркети, Петръ Великій поручилъ ему находиться въ распоряженіи князя Гагарина, но далъ особое наставленіе въ шести статьяхъ (*). Ему поручалось ѣхать въ Тобольскъ, взять у Сибирскаго губернатора 1500 человѣкъ военныхъ, идти съ ними къ Ямышъозеру и устроить тамъ крѣпость. Поставивъ людей на зимовье, будущею весною уже идти къ Эркети и завладѣть городомъ. Во время пути изыскивать наиболѣе выгодныя дороги и въ удобныхъ мѣстахъ строить редуты для провіанту и сообщенія. Каждый редутъ долженъ отстоять отъ другаго не болѣе какъ отъ пяти до семи дней ходьбы; въ нихъ оставлять стражу. По взятіи Эркети, городъ укрѣпить и развѣдать: «какъ въ рѣкѣ «Дарьѣ промышляютъ золото и куда рѣка впадаетъ». Съ сею цѣлью изъ плѣнныхъ офицеровъ Шведскихъ ему поручалось взять съ собой изъ Тобольска нѣсколькихъ знающихъ артиллерію и металлургію. Изъ Преображенскаго полка Петръ Великій далъ Бухгольцу сержанта и 7 солдатъ, а въ Москвѣ подъ его начальство поступилъ майоръ, два капитана, два поручика и 2 прапорщика.

(*) Подписанное 22 мая 1714 г. на галерѣ Св. Наталія. Миллеръ, Извѣст. о песочн. золотѣ. Стр. 31.

Въ августѣ мѣсяцѣ того же года Бухгольцъ выѣхалъ изъ Москвы; но продолжая путь водою по рѣкамъ, прибылъ въ Тобольскъ только 30 ноября и потому не могъ отправиться съ экспедиціею ближе іюля 1715 года.

Въ то время, какъ въ Тобольскѣ приготовлялась экспедиція къ озеру Ямышъ и Эркети, пріѣхали туда посланцы отъ Контайши-Хана по дѣламъ торговымъ. Когда князь Гагаринъ имъ объявилъ, что экспедиція Бухгольца отправляется съ цѣлію устроить крѣпости по Иртышу, они отвѣчали: если со стороны Русскихъ не будетъ оказано непріятельскихъ дѣйствій, то и Ханъ не будетъ противиться назначенію сей экспедиціи. Вручивъ Бухгольцу тоже наставленіе, которое онъ еще прежде получилъ отъ Государя, князь Гагаринъ прибавилъ къ нему только: «если непріятель будетъ оказывать сопротивленіе при постройкѣ крѣпостей, то, прося у Бога милости, идти противъ него. Если же онъ будетъ сильно наступать, то просить о прибавкѣ людей, посылая въ Тобольскъ или Тары и Томскъ, куда уже отправлены указы о томъ, чтобы оказывали ему всякую помощь.» Съ отрядомъ, простиравшимся вмѣстѣ съ рабочими людьми до 3 тысячь человѣкъ, на 32 дощаникахъ и 27 лодкахъ отправилась экспедиція изъ Тобольска по Иртышу. Къ ней присоединились 12 дощаниковъ купеческихъ съ товарами.

Путь къ Ямышеву озеру, обильному солью, давно былъ извѣстенъ Сибирскимъ жителямъ; ежегодно они отправлялись туда на ярмарку, вывозили соль и торговали съ Бухарцами и Калмыками. Въ Тарѣ онъ получилъ конный отрядъ въ 1500 человѣкъ, который шелъ берегомъ рѣки. Къ 1 октября экспедиція благополучно прибыла къ Ямышеву озеру и заложила крѣпость между симъ озеромъ и другимъ прѣснымъ, находящимся близъ него ближе къ Иртышу. Въ непродолжительное время, валъ, нѣсколько казармъ для помѣщенія и анбары для запасовъ были готовы. Бухгольцъ въ построенной вновь крѣпости остановился съ отрядомъ на зиму.

Между тѣмъ Калмыцкіе посланцы, на дорогѣ изъ Тобольска, были ограблены Киргизъ-Кайсаками и пришли къ Ямышеву озеру. Ихъ изумило появленіе новой крѣпости; опасаясь, чтобы Ханъ не счелъ такого поступка за нарушеніе мира, (ибо эту землю онъ считалъ своею), они совѣтовали Бухгольцу отправить къ нему посольство и увѣрить его, что никакихъ непріятельскихъ дѣйствій со стороны Русскихъ не будетъ. Бухгольцъ по ихъ совѣту отправилъ поручика Маркела Трубникова вмѣстѣ съ Калмыцкими посланцами. Но это посольство не достигло своей цѣли: Киргизъ-Кайсаки его ограбили и взяли въ плѣнъ.

Между тѣмъ Бухгольцъ началъ опасаться враждебныхъ дѣйствій со стороны Калмыковъ. Онъ долженъ былъ оставить часть отряда въ новой крѣпости и съ остальными идти весною къ Эркети. Ему казалось, что силы его малы и похода онъ предпринять не можетъ; потому отъ 26 декабря писалъ къ Государю и просилъ усилить его войско. Изъ Копенгагена, уже отъ 7 августа слѣдующаго года, онъ получилъ указъ, а князь Гагаринъ предписаніе, чтобъ послѣднему вмѣстѣ съ Бухгольцомъ сдѣлать всевозможныя распоряженія дабы предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ. Но между тѣмъ дѣла приняли худой оборотъ и до полученія указовъ Царскихъ экспедиція уже окончилась.

Контайша, получая извѣстія о постройкѣ крѣпости и намѣреніи Русскихъ продолжать походъ далѣе въ его земли, рѣшился предупредить движеніе, собралъ до 10 тысячь войска и осадилъ новую крѣпость. Онъ напалъ на масляницѣ; осажденные, застигнутые въ расплохъ, не выдержали и перваго натиска. Калмыки заняли крѣпость; но вскорѣ Русскіе ихъ выгнали, отразили всѣ нападенія, и громъ еще невѣдомыхъ имъ пушекъ, заставилъ ихъ прекратить осаду. Они обложили крѣпость со всѣхъ сторонъ и рѣшились, прервавъ сообщенія, стоять вокругъ нея до тѣхъ поръ, пока Русскіе, истощивъ всѣ запасы, принуждены будутъ оставить укрѣпленіе. Они взяли въ плѣнъ и торговый караванъ, ко-

торый шелъ къ Ямышеву озеру и везъ запасы и деньги осажденнымъ.

Послѣ долгой осады, средства осажденныхъ дѣйствительно истощились; съ появленіемъ весны, начались между ними болѣзни. На военномъ совѣтѣ рѣшено было срыть крѣпость и возвратиться назадъ. Калмыки не противились. 28 апрѣля, отрядъ, состоявшій уже не болѣе, какъ изъ 700 человѣкъ, на 18 дощаникахъ поплылъ по Иртышу. Несмотря на неудачу, Бухгольцъ не считалъ дѣла окончательно потеряннымъ. Прибывъ къ устью рѣки Оми, онъ увѣдомилъ о своемъ отступленіи князя Гагарина и предложилъ ему устроить крѣпость близъ этой рѣки, если только намѣреніе идти со временемъ къ Эркети не будетъ оставлено. Князь Гагаринъ согласился съ его предложеніемъ и отправилъ ему 1500 человѣкъ для усиленія его отряда (*).

Давая наставленіе кн. Черкасскому при отправленіи его въ новую экспедицію, Петръ Великій не могъ еще имѣть извѣстій объ осадѣ и отступленіи Бухгольца; но ему могло уже быть извѣстнымъ, что Бухгольцъ съ тѣми силами, которыя находились въ его распоряженіи, не считалъ возможнымъ продолжать своего похода къ Эркети.

III.

Въ то время, когда Бухгольцъ сидѣлъ въ осадѣ, кн. Черкасскій, готовясь въ новую экспедицію, представилъ въ Сенатъ (**) «доношеніе», въ которомъ требовалъ, чтобы на основаніи полученнаго имъ отъ Государя наставленія, предписано было дать ему 1500 драгунъ, 2500 пѣхоты и 2000 казаковъ, съ одеждою, пищею и жалованьемъ на три года. Для войска, которое пойдетъ сухимъ путемъ, требовалъ онъ подводъ, а для экспедиціи по Каспійскому морю судовъ, и просилъ послать ука-

(*) Миллеръ. О песочномъ золотѣ. Тамъ же кн. 2, стр. 99.

(**) Марта 4, 1716 г.—Журн. Петра Великаго, томъ II, стр. 257—259.

зы въ Казань и Астрахань, чтобы тамошніе начальники исполняли его требованія. Сверхъ того, для предписанныхъ экспедицій по Сыръ-Дарьѣ къ Эркети и Аму-Дарьѣ въ Индію, просилъ денегъ на проѣздъ и товаровъ; ибо послѣдняя поѣздка будетъ совершенно подъ видомъ купеческой, для торговли; просилъ грамотъ къ Моголу и Ханамъ Хивинскому и Бухарскому; содержанія на 500 человѣкъ гвардіи къ Хивинскому Хану, если онъ ее потребуетъ, 24 пушкарей, 2 инженеровъ, 3 лекарей съ лекарствами и наконецъ для себя и своихъ спутниковъ прогоновъ или права брать подводы и суда, безъ платы и конвоя. Правительствующій Сенатъ, «слушавъ оныхъ пунктовъ», приговорилъ: дать въ распоряженіе кн. Черкасскаго 4000 войска, 100 драгуновъ, 1500 Яицкихъ казаковъ и 500 Гребенскихъ, снабдить ихъ пищею, одеждою и жалованьемъ; назначилъ при войскахъ особыхъ чиновниковъ для раздачи жалованья и фискаловъ. Въ Казань губернатору и въ Астрахань коменданту предписано было исполнять всѣ требованія кн. Черкасскаго (*).

Между тѣмъ кн. Черкасскій прибылъ 23 марта въ Москву и потомъ поѣхалъ въ Астрахань. Тамъ онъ нашелъ Бухарскаго посла и написалъ о немъ Государю. Петръ Великій указомъ изъ Шверина (**) предписалъ Сенату принять посла ласковѣе и задержать до возвращенія князя Черкасскаго. Сенатъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе о пріемѣ его въ Астрахани и отправленіи чрезъ Саратовъ въ Москву (***).

Еще въ концѣ февраля мѣсяца (22) прибылъ въ Астрахань съ 62 человѣками свиты Бухарскій посолъ Ханъ Кули-Бекъ Тобчи-баша. Слухъ о намѣреніи Россіи построить городъ на берегахъ Каспійскаго моря достигъ и до Бухаріи. Ханъ въ письмѣ къ Астраханскому оберъ-коменданту Чирикову писалъ, что

(*) Тамъ же. 14 марта 1716 года, стр. 259 — 262. — Указъ Сената Салтыкову 15 марта.

(**) Тамъ же. Указъ 13 мая 1716 года, стр. 364—365.

(***) Указъ 14 іюля. Тамъ же, стр. 365.

одобряетъ намѣреніе Россіи построить этотъ городъ для того, чтобы обезопасить торговыя сношенія и самъ посылаетъ съ своей стороны посольство для тѣхъ же торговыхъ цѣлей. Чириковъ еще до полученія Сенатскаго указа сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи посольства въ Москву. Долго оно тянулось туда на 120 подводахъ, долго задержано было въ Москвѣ въ ожиданіи возвращенія Государя и только къ 26 іюня 1717 года прибыло въ Петербургъ.

Между тѣмъ кн. Черкасскій и еще прежде его отправившійся въ Астрахань Кожинъ сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія для экспедиціи.

Изъ Москвы еще поручикъ Кожинъ отправилъ штурмана Невельскаго въ Казань, снабдивъ его спискомъ съ утвержденной Государемъ ему инструкціи и письмомъ къ тамошнему губернатору Салтыкову. Онъ писалъ, что посылаетъ Невельскаго, съ тѣмъ, чтобы приготовилъ какъ въ Казани, такъ и въ Астрахани суда и людей, съ запасами, одеждою и пищею для экспедиціи въ Каспійское море. Начавъ приводить въ исполненіе требованія Невельскаго, Салтыковъ однакоже донесъ о томъ Сенату, испрашивая разрѣшенія, изъ какихъ суммъ производить расходы на приготовленія экспедиціи. Въ отвѣтномъ указѣ Сенатъ предписывалъ (*) исполнять всѣ требованія князя Черкасскаго, а поручику Кожину назначено по имянному указу находиться въ его распоряженіи.

Дѣйствія Кожина указываютъ на разладъ между нимъ и кн. Черкасскимъ, продолжавшійся во все время экспедиціи. Быть можетъ вѣсть о томъ дошла и до высшаго правительства, какъ это можно предполагать по письму генералъ-адмирала графа Апраксина къ Салтыкову (**). Графъ Апраксинъ увѣдомлялъ послѣдняго, что Кожинъ получитъ особое назначеніе,

(*) Письмо отъ 1 марта; рапортъ Салтыкова въ Сенатъ отъ 24 марта; указъ Сената отъ 16 мая 1716 г. Журналъ Петра Великаго. Томъ II, стр. 366—369.

(**) Письмо отъ 7 іюля. Тамъ же стр. 371.

а на его мѣсто къ князю Черкасскому назначается поручикъ Травинъ. Но Кожинъ однакоже сопутствовалъ кн. Черкасскаго въ экспедиціи по Каспійскому морю. Стало быть предположеніе о замѣнѣ его другимъ офицеромъ не состоялось.

Прибывъ въ Астрахань, кн. Черкасскій сосредоточилъ тамъ всѣ ввѣренныя его распоряженію войска и приготовилъ суда. Для этихъ приготовленій, вызвалъ онъ изъ Казани Кожина и поручилъ ему устроить суда для перевоза 4200 человѣкъ, провіанта на $1\frac{1}{2}$ года и лѣсу для постройки избъ.

Назначенный въ походъ отрядъ, состоялъ изъ пѣхотнаго полка, находившагося въ Астрахани, подъ начальствомъ полковника Кушникова, въ 1373 человѣка; изъ полка, пришедшаго изъ Казани, въ 1244 челов. подъ начальствомъ полковника Хрущева; изъ полка, пришедшаго изъ Азова, въ 1100 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Фонъ-деръ-Видена. Сверхъ того князь Черкасскій вытребовалъ отъ Салтыкова 500 Пензенскихъ драгунъ, подъ командою полковника Фонъ-Франкенберга, къ которымъ присоединилось еще 100 Астраханскихъ. Изъ двухъ казачьихъ полковъ, Яицкій состоялъ подъ начальствомъ походнаго атамана Никиты Трифонова Бородина, а Гребенской — Басманова. Артиллерійская команда состояла изъ 26 человѣкъ при 22 орудіяхъ разнаго калибра, морская изъ 217 матросовъ; при нихъ находились: капитанъ Рентель, поручики Кожинъ и Лебедевъ, подпоручикъ Давыдовъ, штурманъ Брандтъ, 2 шкипера, 4 ученика геометріи, 1 навигаторъ, 2 парусные швеца и 1 мачтовый ученикъ. Для руководства при построеніи крѣпостей находились при отрядѣ инженеръ и два ученика, а при трехъ пѣхотныхъ полкахъ лекари съ походными аптеками. Сверхъ того при кн. Черкасскомъ для особыхъ порученій состояло 20 Астраханскихъ дворянъ, 15 подьячихъ и толмачи, и присоединился еще къ экспедиціи стольникъ князь Самановъ, упомянутый выше. Про-

(*) Письмо къ Кожину отъ 12 іюля 1715 года.

віантъ-мейстеромъ при отрядѣ князь Черкасскій назначилъ Казанскаго дворянина Акинфова. Для раздачи жалованья, при каждомъ полку были опредѣлены коммисары, подчинявшіеся одному бригадъ-коммисару майору Волкову; при нихъ для наблюденія состояли фискалы изъ дворянъ, назначенные Салтыковымъ. Флотилія, поступившая въ распоряженіе князя Черкасскаго, состояла изъ 4 шнявъ, 21 бригантины, 10 шкунъ, 31 бусы и 3 лѣсныхъ паусковъ.

Снаряженіе экспедиціи обошлось 218,081 руб. «30 алтынъ съ полушкою», взятыхъ изъ доходовъ Казанской губерніи (*).

Въ половинѣ сентября, посадивъ часть отряда на суда, князь Черкасскій отплылъ изъ Астрахани; но за противными вѣтрами оставался въ морѣ до 6 октября, и только къ 9 октября прибылъ въ заливъ Тюкъ-Караганъ, гдѣ встрѣтилъ Русскую флотилію Хаджа Нефесъ.

Высадивъ на берегъ Казанскій полкъ Хрущева, князь Черкасскій поставилъ его лагеремъ на песчаной косѣ, глубоко вдающейся въ море. Въ этомъ мѣстѣ онъ предписалъ тому же полку строить крѣпость, хотя о построеніи этой крѣпости и не было упомянуто въ данномъ ему наставленіи. Быть можетъ положеніе залива Тюкъ-Карагани, почти на половинѣ пути между Астраханью и Красными водами, казалось удобнымъ князю Черкасскому для устройства крѣпости. Оттуда пролегала притомъ и старая дорога въ Хиву. Но Кожинъ находилъ мѣсто неудобнымъ, на безплодной песчаной косѣ, безлѣсной и безводной. Вода, добываемая изъ колодцевъ, была такъ солона, что почти негодна для употребленія. Посланные въ Хиву этою дорогою Астраханскіе дворяне Иванъ Воронинъ и Алексѣй Святой, по сказкѣ Кожина, объявили, что и дорога не проѣздна для телѣгъ и даже затруднительна для вьючныхъ верблюдовъ.

(*) Журналъ Петра Великаго. Томъ II, стр. 376 — 377. Доношеніе въ Сенатъ Салтыкова 10 мая 1717 года.

Прежде дальнѣйшаго движенія флотиліи къ Краснымъ водамъ, князь Черкасскій нарядилъ посольства къ Бухарскому и Хивинскому Ханамъ. Въ Хиву онъ отправилъ сначала Ивана Воронина съ грамотами къ Хану, чтобъ обвѣстить мирную цѣль своего посольства, а потомъ Алексѣя съ письмомъ и подарками Колумбаю, одному изъ могущественныхъ Узбековъ въ Хивѣ, родственнику Ханскому. Къ Хану Бухарскому назначенъ былъ посломъ дворянинъ Давыдовъ. Поручику Кожину поручено было отвезти его на судахъ до Астрабата, откуда Давыдовъ уже долженъ продолжать путь по суху. Кожинъ отплылъ 18 октября изъ Тюкъ-Карагани, а вслѣдъ за нимъ, 24 числа того же мѣсяца отправился и князь Черкасскій со всею флотиліею къ Краснымъ водамъ, оставивъ, для продолженія начатыхъ крѣпостныхъ работъ и охраненія ихъ, Казанскій полкъ съ 11 пушками.

Прибывъ 3 ноября въ Красноводскій заливъ, князь Черкасскій занялся приготовленіемъ къ устройству новаго укрѣпленія. Между тѣмъ изъ подъ Астрабата возвратился Кожинъ, не исполнивъ порученія. Онъ объявилъ князю Черкасскому, что приблизившись къ Астрабату, октября 27, Давыдовъ посланъ въ городъ съ письмами, въ которыхъ просилъ, чтобы его приняли, а потомъ отпустили въ Бухарію. Но чрезъ двѣ недѣли начальники Астрабата отвѣчали, что этого сдѣлать нельзя по случаю возмущеній въ Персіи. Получивъ такой отвѣтъ, Кожинъ при первомъ попутномъ вѣтрѣ отплылъ къ Краснымъ водамъ, куда и прибылъ благополучно 10 ноября. Вѣроятно не довѣряя Кожину, князь Черкасскій отправилъ вновь въ Астрабатъ кн. Саманова съ тѣмъ же порученіемъ. Такое недовѣріе можно предполагать, потому что разладъ между ними продолжался по прежнему. Впослѣдствіи при допросѣ, разсказывая о мѣстѣ при Красноводскомъ заливѣ, которое избралъ князь Черкасскій для постройки крѣпости, Кожинъ говорилъ, что это «мысъ песчаный отъ горъ, знатно невдавнѣ намыло водою, и на томъ мѣстѣ ни лѣса, ни воды

«свѣжей, ни травы нѣтъ, кромѣ той травы, которою верблюдовъ «кормятъ. И то мѣсто непотребное и знатно, что временемъ поем-«ною водою смывается. Притомъ же пришелъ глухой заливъ, «гдѣ вода морская стоячая и вонючая». На этомъ мѣстѣ князь Черкасскій поручилъ полковнику Фонъ-деръ-Видену строить крѣпость, не смотря на представленія Кожина, какъ онъ разсказывалъ, и другихъ офицеровъ.

Едва начались крѣпостныя работы при Красноводскомъ заливѣ, какъ князь Черкасскій поспѣшилъ отправиться въ Астрахань для приготовленія къ новой экспедиціи. Онъ отпустилъ напередъ себя на верблюдахъ, 16 декабря, Кожина; на другой день выѣхалъ самъ и догналъ его невдалекѣ отъ урочища Кара-бугасъ, 25 декабря. Генваря 18 они прибыли къ Тюкъ-Карагани и нашли уже готовою значительную часть укрѣпленія, которое князь Черкасскій назвалъ крѣпостію Св. Петра. Во все продолженіе пути, они брали подводы у Туркменовъ подвластныхъ Аюкѣ-Хану и прибыли въ Астрахань 20 февраля.

Вслѣдъ за княземъ Черкасскимъ возвратился туда же и князь Самановъ, посланный имъ въ Астрабатъ и объявилъ: когда Кожинъ прибылъ въ гавань, Ханъ Астрабатскій выслалъ проводниковъ для пріема Русскихъ пословъ и лошадей, на которыхъ они могли бы ѣхать въ городъ. Но Кожинъ не поѣхалъ и другихъ не пустилъ, а сдѣлавъ нападеніе на стадо буйволовъ, которое паслось на берегу, отплылъ въ море обратно. По возвращеніи въ Астрахань, Кожинъ не хотѣлъ исполнять порученій князя Черкасскаго и требовалъ особаго порученія, предписаннаго указомъ Царскимъ, а не хотѣлъ участвовать въ предполагаемой экспедиціи, доказывая, что она не удастся. Кромѣ простаго нерасположенія къ князю Черкасскому, Кожинъ имѣлъ дѣйствительно поводъ думать, что предполагаемые въ походъ отряды будутъ поставлены въ опасное положеніе. Онъ получилъ письмо отъ Аюки-Хана, который извѣщалъ, что въ Хивѣ собираютъ войска и встрѣтятъ Русскихъ съ оружіемъ.

Предостерегая, что тамъ ни воды, ни сѣна не найдутъ, Ханъ писалъ: «какъ бы худа не было», и просилъ извѣстить о томъ Государя. Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ отъ него нарочный гонецъ, который, подтверждая тоже самое, прибавлялъ, что Хивинцы хотятъ идти на Красноводское укрѣпленіе, и посланныхъ княземъ Черкасскимъ гонцевъ держатъ «не въ чести».

Кожинъ извѣстилъ объ этомъ Государя, генералъ-адмирала и князя Меньшикова, а самъ не принимая участія въ походѣ, взялъ подорожную у Казанскаго губернатора и возвратился въ Петербургъ. За такой самовольный поступокъ, онъ былъ преданъ суду, но впослѣдствіи, какъ кажется, прощенъ.

Впрочемъ и князь Черкасскій не могъ находиться въ заблужденіи о предстоявшей ему опасности. Слухи, сообщенные Аюки-Ханомъ, подтвердило и письмо изъ Хивы, полученное имъ въ Астрахани отъ Воронина и Святаго.

Воронинъ, пріѣхавъ въ Хиву, долго дожидался Хана, который былъ въ походѣ и возвратился только 2 февраля. Вслѣдъ за тѣмъ, 14 февраля, прибылъ въ Хиву и Алексѣй. Большіе снѣга долго задержали его въ дорогѣ; у него палъ одинъ верблюдъ, а другой едва дотащилъ вьюки; самъ онъ долженъ былъ идти пѣшкомъ. Воронина держали подъ карауломъ до прибытія Хана. Колумбай скоро принялъ письма и подарки отъ Святаго; но Ханъ допустилъ Воронина къ себѣ для свиданія только 10 марта и потомъ, принявъ грамоты и дары, не далъ ему никакого отвѣта и не отпускалъ обратно въ Россію, не смотря на просьбы обоихъ гонцевъ. Потомъ призвали ихъ и спрашивали зачѣмъ Русскіе строятъ крѣпости на чужой землѣ. Въ письмѣ къ князю Черкасскому, они увѣдомляли, что въ Хивѣ собираются войска и уже отправленъ передовой отрядъ въ 1000 человѣкъ на встрѣчу Русскимъ. Такимъ образомъ князь Черкасскій зналъ о приготовленіяхъ Хивинцевъ; но вѣроятно надѣялся съ ними справиться — и надѣялся не безъ основанія.

IV.

Изъ Астрахани князь Черкасскій доносилъ Сенату о построенныхъ имъ укрѣпленіяхъ, объ оставленныхъ тамъ гарнизонахъ и просилъ предписанія, чтобы снабдили ихъ провіантомъ и жалованьемъ на 1717 годъ. Между тѣмъ онъ привелъ въ порядокъ остальную часть своего отряда, присоединилъ къ нему 49 юртовскихъ Татаръ, 12 человѣкъ Армянъ, 5 Бухарцевъ и 5 Хивинцевъ, изъ проживавшихъ въ Астрахани и нѣсколько Русскихъ купцовъ. Съ Кавказа къ нему пріѣхали два его брата Сіюнчь и Акъ-Мурза съ 20 узденями. Гурьевъ-городокъ онъ назначилъ сборнымъ мѣстомъ для своего отряда и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ уже отправилъ туда Яицкихъ и Гребенскихъ казаковъ и юртовскихъ Татаръ, подъ начальствомъ Мурзы Булата Тинбаева. При немъ немного осталось изъ нихъ и сверхъ того баталіонъ спѣшенныхъ драгунъ съ секундъ-майоромъ Пальчиковымъ и Астраханскимъ дворяниномъ Михайломъ Керейтовымъ. Съ казаками отправился торговый караванъ и военный обозъ съ верблюдами и съ лошадьми оставшихся при князѣ Черкасскомъ драгуновъ и казаковъ.

Вскорѣ отъ Тюкъ-Карагани и Красныхъ-водъ приплыли суда, на которыхъ и самъ князь Черкасскій отправился моремъ къ Гурьеву-городку со всѣми остававшимися при немъ войсками, съ княземъ Самановымъ, дворянами Астраханскими, подъячими, толмачами и 7 пушками (*).

Собравшись у Гурьева городка, отрядъ расположился лагеремъ въ 4 верстахъ отъ города. Прежде отправленія въ походъ, князь Черкасскій отдѣлилъ одну часть во 100 человѣкъ для пополненія гарнизоновъ въ Тюкъ-Карагани и у Красныхъ водъ. Въ нарочно вырываемыхъ колодцахъ въ два-три дни вода портилась такъ, что становилась негодною для употребленія. Ихъ зарывали и дѣлали новые. Недостатокъ помѣщенія, уси-

(*) По сказкѣ Нефеса; а по сказкѣ Алтына Усейнова 6 пуш.

ленныя крѣпостныя работы, и наконецъ самый климатъ — все это вмѣстѣ производило болѣзни и сильную смертность въ людяхъ, оставленыхъ въ устроенныхъ вновь укрѣпленіяхъ. Въ одномъ Тюкъ-Караганскомъ гарнизонѣ къ маю мѣсяцу 1717 года число умершихъ простиралось до 500 человѣкъ, а въ Красноводскомъ еще болѣе. Чтобы поддержать только-что устроенное укрѣпленіе, слѣдовало усилить гарнизонъ его.

Но убавляя свой отрядъ, князь Черкасскій надѣялся его дополнить Туркменами. Съ сею цѣлію онъ послалъ къ Аюкѣ и подвластному ему Султану Даржи, Астраханскаго дворянина Мартемьянова, чтобы просить его присоединить часть своихъ подданныхъ къ его отряду. Они однакоже прислали только въ проводники Русскому отряду Манглая Кашку съ 10 Туркменцами въ видѣ посольства въ Хиву; но отказали прислать военныхъ людей, отговариваясь сильными жарами. Туркмены уже снеслись съ Хивою, не хотѣли держать ни той, ни другой стороны, чтобы потомъ присоединиться къ тѣмъ, на чьей сторонѣ останется побѣда. Такъ и поступили они впослѣдствіи.

Надежда на помощь со стороны Туркменовъ оказалась напрасною, а сверхъ того появились неожиданно новые враги. Каракалпаки, кочевавшіе близъ Гурьева, напали на казацкіе табуны, угнали ихъ въ степь и взяли въ плѣнъ 60 казаковъ. Князь Черкасскій отправился за ними въ погоню, догналъ, отбилъ табуны и плѣнныхъ, и самъ взялъ въ плѣнъ 4 Каракалпаковъ.

На седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи, отрядъ, простиравшійся до 2200 человѣкъ, выступилъ въ походъ. Оставивъ въ-лѣвѣ большую Хивинскую дорогу, по которой издавна ходили караваны въ Хиву, онъ слѣдовалъ новою, малою дорогою, болѣе удобною для отыскиванья конскаго корма и воды. Въ первый день пути ночевали близъ рѣки Акъ-Мурзы, потомъ въ семь дней достигли Эмбы, гдѣ отрядъ остановился на два дня для

отдыха и устройства плотовъ для переправы (*). Чрезъ два дни пути отъ Эмбы отрядъ пришелъ къ урочищу Богочату, гдѣ вышелъ на большую Хивинскую дорогу и по ней, на 5-й день, достигъ до горъ Иркетскихъ. Подъ этимъ названіемъ въ сказкѣ Татарина Ахметева разумѣются Чинкъ или берегъ Усть-Урта, который проходя утесистыми скалами по всему западному берегу Аральскаго моря, простирается далѣе до самаго Каспійскаго, составляя границы плоской возвышенности, раздѣляющей оба моря (**).

Взбираясь на плоскую возвышенность, дорога идетъ близъ берега Аральскаго моря. По ней отрядъ шелъ 7 недѣль (***). На половинѣ пути, у колодца Чилданъ, Туркменецъ Кашка, бывшій проводникомъ отряда, вмѣстѣ со всѣми другими бѣжалъ изъ лагеря. Часть изъ нихъ возвратилась въ свои улусы, другіе же обошли лагерь и напередъ отправились въ Хиву. Хаджа Нефесъ сдѣлался проводникомъ отряда, который слѣдовалъ чрезъ колодцы Санъ, Косшегозе, Бѣлявли, Дурали до колодца Ялгызу, гдѣ князь Черкасскій отдѣлилъ сто казаковъ и отправилъ ихъ впередъ вмѣстѣ съ Карейтовымъ. Онъ долженъ былъ отвезть письмо къ Хану съ увѣреніями въ мирной цѣли посольства. При каждомъ колодцѣ отрядъ дѣлалъ привалы; отрывали новые колодцы, чтобы добыть лучшей воды. Оставивъ 1000 казаковъ, для поправленія усталыхъ лошадей, при послѣднемъ колодцѣ, отрядъ двинулся далѣе чрезъ колодезь Шеммилдунъ, рѣку Каракумметь къ рѣчкѣ Аккулъ (****), по показанію Хаджи Не-

(*) Сказка Ахметева: «отъ Гурьева до Эмбы 10 дней, а разстояніемъ, напримѣръ верстъ съ 300». Сказка Хаджи Нефеса: отъ Гурьева до Эмбы 8 дней, и отдыхали 2 дни.

(**) Сказка Ахметева: «наприкладъ будетъ верстъ 1500». Хаджи Нефесъ не упоминаетъ о горахъ, а разсказываетъ, что отъ Богоча отрядъ шелъ на колодцы Дучканъ, Мансульмасъ, Чилданъ.

(***) Сказка Ахметева: «горами ходу было 7 недѣль, а напримѣръ будетъ «верстъ съ 800».

(****) Впрочемъ послѣднюю рѣку онъ также называетъ урочищемъ.

феса вытекающей изъ Аму-Дарьи. Сюда прибыли въ отрядъ два узбека отъ Хивинскаго Хана и казакъ отъ Керейтова. Имъ объявили: что посолъ находится сзади, а это только передовой отрядъ. Только по прибытіи, чрезъ два дни, остававшихся 1000 казаковъ, князь Черкасскій принялъ посланцевъ, привезшихъ ему дары отъ Хана: коня, кафтанъ и овощи, и увѣрилъ ихъ, что ѣдетъ мирнымъ посломъ, о цѣли же посольства объявитъ самому Хану. Князь Черкасскій дожидался пока соберется весь отрядъ вѣроятно съ тѣмъ, чтобы не дать Хивинцамъ ложнаго понятія о силѣ своихъ войскъ.

Отрядъ продолжалъ идти далѣе и прибылъ наконецъ къ урочищу Карагачь, гдѣ предполагалось устроить крѣпость. Хаджи Нефесъ называетъ это урочище рѣкою, выходящею изъ Аму-Дарьи, въ разстояніи 4 дней пути отъ Хивы. Татаринъ Ахметевъ разсказываетъ только, что горами отрядъ шелъ семь недѣль, верстъ около 800; потомъ выйдя изъ горъ, чрезъ два дни «пришли Дарьи-рѣки къ озерамъ на Успеньевъ день, т. е. 15 августа по утру, а Хивинскаго владѣнья у нихъ городы какъ они шли, остались у нихъ въ правой сторонѣ». На картахъ не опредѣлены тѣ урочища, которыя упоминаются въ приведенныхъ нами показаніяхъ; а потому остается неразрѣшеннымъ вопросъ, гдѣ остановился для основанія крѣпости отрядъ князя Черкасскаго?

Слѣдуя по караванной дорогѣ, близъ береговъ Аральскаго моря, отрядъ могъ спуститься съ плоской возвышенности въ двухъ мѣстахъ: по спуску Тайлы между Аральскимъ моремъ и озеромъ Лауданомъ и войти въ долину Аму-Дарьи, или продолжая путь тѣмъ же самымъ горнымъ берегомъ плоской возвышенности, простирающимся и по берегу озера Лаудана, сойти по спуску Айбугиръ. Послѣднимъ путемъ впослѣдствіи пролегала дорога и пролегаетъ до настоящаго времени. Урочище Карагачь, до котораго 17 дней ѣхалъ отъ Каспійскаго моря въ 1716 году Ѳедоровъ, могло находиться около этого мѣста; ибо такъ называемое изсохшее русло Аму-Дарьи тянется тутъ же непо-

далеку берега или Чинка плоской возвышенности. Не могло бы возникнуть и сомнѣнія, еслибъ показанія Ахметева въ этомъ случаѣ не подавали къ этому повода. Все Аральское озеро простирается въ длину около 250 верстъ; плоская возвышенность между нимъ и Каспійскимъ моремъ составляетъ до южнаго конца Аральскаго моря немного большее пространство; между тѣмъ, по тому же показанію, отрядъ шелъ горами семь недѣль, около 800 верстъ. За тѣмъ «пришли къ Дарьи-рѣки къ озерамъ»; озеро къ которому прежде всего могъ приблизиться отрядъ, есть Лауданъ или Айбугиръ. Но оно не имѣетъ ничего общаго съ Аму-Дарьею; напротивъ отдѣляется плоскимъ премежуткомъ отъ Аральскаго моря, съ которымъ сливается при малѣйшемъ подъемѣ воды не только во время весны, но даже и при вѣтрѣ. Чинкъ плоской возвышенности продолжается и по западному берегу этого озера. Оно простирается въ длину на 125 верстъ и до новѣйшаго времени считалось продолженіемъ Аральскаго моря. Если предположить, какъ весьма вѣроятно, что Ахметевъ считалъ это озеро продолженіемъ Арала, то значитъ надо искать другаго озера, гдѣ остановилась экспедиція князя Черкасскаго. Въ этомъ случаѣ и длина пройденной горами дороги и число дней пути становятся правдоподобными. Тогда и показанія Ахметева являются согласными съ показаніями Нефеса: отрядъ пройдя всю плоскую возвышенность, спустился въ долину Аму-Дарьи по спуску Айбугиръ или, по крайней мѣрѣ, около этой мѣстности.

Хивинскій Ханъ, возбуждаемый къ подозрѣнію слухами, долго не зналъ, идетъ ли Русское посольство, или войско для завоеванія. По сказаніямъ Ахметева, его неудоумѣніе разрѣшено было пріѣздомъ Туркменцевъ, тайно бѣжавшихъ въ Хиву изъ отряда князя Черкасскаго. Только послѣ ихъ пріѣзда, Ханъ собралъ войско для отпора Русскому отряду. Но, кажется, онъ не вполнѣ довѣрялъ и Туркменцамъ и потому для полнаго удостовѣренія отправилъ съ казакомъ отъ Керейтова своихъ узде-

ней къ князю Черкасскому съ дарами, какъ къ послу. Кн. Черкасскій показалъ узденямъ весь Русскій отрядъ; по возвращеніи къ Хиву, они, вѣроятно, увѣдомили Хана, что идетъ въ Хиву не одинъ посолъ, но войско. Потому едва остановился отрядъ близъ озера, какъ появилась Хивинская конница и сдѣлала нападеніе. Еще наканунѣ, посланные кн. Черкасскимъ для рыбной ловли 30 казаковъ попались въ плѣнъ. Изъ нихъ ушелъ одинъ и объявилъ о приближеніи Хивинскихъ войскъ. Въ ожиданіи нападенія, отрядъ одною стороною примкнулъ къ озеру, а съ другихъ укрѣпился на скорую руку обозными арбами и телѣгами.

Не входя въ переговоры, Хивинцы напали на отрядъ; бой продолжался съ утра до вечера. Наконецъ Хивинцы отступили и расположились станомъ верстахъ въ двухъ отъ Русскихъ. Въ продолженіе ночи князь Черкасскій обвелъ валомъ и рвомъ свой станъ и устроилъ баттарею. На другой день бой возобновился и продолжался два дни. Хивинцы были разбиты. Число ихъ войска опредѣлить трудно; они сами говорили, что простирается отъ 60 до 100 тысячъ; выходцы же изъ участниковъ въ походѣ Русскихъ, опредѣляютъ различно: 13, 15 и 24 тысячи. Самъ Ханъ Ширгазы предводительствовалъ войскомъ. Разбитый, онъ былъ еще въ недоумѣніи о томъ, какъ дѣйствовать, когда явился къ нему его казначей Бухарецъ Досимъ-бей съ совѣтами. «Нельзя надѣяться на побѣду надъ Русскими»,—говорилъ онъ;—«ихъ всѣ почитаютъ непобѣдимыми; надо войти съ «ними въ переговоры, заманить къ себѣ предводителя. Если онъ «будетъ въ нашихъ рукахъ, тогда и все войско его будетъ на«ше (*)». Ширгазы принялъ совѣтъ съ согласія своихъ узбековъ и вошелъ въ переговоры. Посланный имъ въ Русскій станъ Ишимъ-Хаджа, объявилъ кн. Черкасскому отъ лица Хана, что нападеніе Хивинцевъ на Русскій отрядъ произошло безъ его воли, до прибытія его къ войску; что если кн. Черкасскій идетъ къ нему мирнымъ посломъ, то Ханъ готовъ вступить съ нимъ въ переговоры.

(*) Показанія Соймонова и Тевкелева. Ежемѣс. сочиненія 1763 г., кн. 1 стр. 27.

Князь Черкасскій не хотѣлъ вступать въ переговоры; другіе офицеры раздѣляли его мнѣніе; но совѣты князя Саманова одержали верхъ. Князь Черкасскій отправилъ къ Хану Татарина Алтына Усейнова объявить, что дѣйствительно идетъ посломъ и при свиданіи представитъ ему грамоты и объяснитъ цѣль посольства. Татаринъ возвратился вмѣстѣ съ Ишимъ-Хаджею, который сказалъ, что Ханъ назначилъ совѣтъ съ своими приближенными и потомъ дастъ отвѣтъ.

Между тѣмъ Хивинцы напали снова на Русскій станъ. Кн. Черкасскій послалъ того же Татарина къ Хану требовать объясненія. Ханъ немедленно отозвалъ свое войско и объяснилъ посланному, что Туркменцы и Аральцы безъ его позволенія сдѣлали нападеніе и что виновные будутъ наказаны. За тѣмъ князь Черкасскій отправилъ снова къ Хану Татаръ Смайла и Худайкула требовать, чтобъ онъ прислалъ въ Русскій станъ ближнихъ своихъ людей Колумбая и Назара-Хаджу для переговоровъ. Ханъ исполнилъ требованіе, а между тѣмъ въ виду посланцевъ водили на тонкой веревкѣ, продернутой одному въ ноздрю, а другому въ ухо, двухъ Хивинцевъ, виновныхъ будто въ послѣднемъ самовольномъ нападеніи на Русскій станъ.

Колумбай и Назаръ-Хаджи, прибывъ въ Русскій станъ, составили мирный договоръ и клялись на коранѣ, а князь Черкасскій цѣловалъ крестъ, чтобы хранить условія ненарушимо. На другой день Ханъ пригласилъ князя Черкасскаго въ свой станъ для переговоровъ и подтвержденія съ своей стороны договора. Въ сопровожденіи 700 казаковъ (*) и драгунъ, вмѣстѣ съ княземъ Самановымъ, дворянами Экономовымъ и Званскимъ, маіоромъ Волковымъ и своими братьями, князь Черкасскій отправился въ Хивинскій станъ.

По пріѣздѣ Русскихъ, Хивинское войско раздѣлилось на двѣ части, пропустило ихъ въ средину стана къ шатрамъ Хан-

(*) 500 Яицкихъ казаковъ. Тамъ же стр. 30.

скимъ. Тамъ расположился отрядъ; князю Черкасскому отведены были особые шатры.

На другой день Ханъ принялъ посла, который подалъ ему грамоту и подарки. Ханъ клятвою на коранѣ подтвердилъ договоръ, заключенный Колумбаемъ и Назаръ-Хаджею, увѣрялъ о своемъ расположеніи къ Русскимъ, и угощалъ князя Черкасскаго съ товарищами обѣдомъ.

Потомъ все войско съ Ханомъ двинулось назадъ въ Хиву; съ ними вмѣстѣ и Русскій отрядъ. Князь Черкасскій послалъ Званскаго извѣстить Франкенберга и Пальчикова объ успѣшномъ окончаніи переговоровъ и предписывалъ идти за ними слѣдомъ. Чрезъ урочища старую Хиву и Аральскія пашни Ханъ приблизился къ рѣкѣ Порсунгунъ и остановился лагеремъ. Франкенбергъ и Пальчиковъ приблизились также къ Хивинскому стану и расположились за буграми, въ верстѣ или двухъ отъ него.

Здѣсь князь Черкасскій имѣлъ вновь свиданіе съ Ханомъ и вручилъ ему новые подарки. Первые Ханъ возвратилъ назадъ, говоря что они не соотвѣтствуютъ обозначеннымъ въ Царской грамотѣ. Князь Черкасскій ему отвѣчалъ, что это подарки отъ него самаго, а Царскіе онъ вручитъ ему послѣ. Принявъ подарки, Ханъ объявилъ, что такого многочисленнаго войска онъ не можетъ поставить на квартирахъ въ одномъ городѣ и проситъ князя Черкасскаго раздѣлить отрядъ на части и расположить его по городамъ ближайшимъ къ Хивѣ.

Къ удивленію, кн. Черкасскій согласился исполнить желаніе Хана и предписалъ о томъ Франкенбергу и Пальчикову. Они возражали, два раза не послушали письменнаго приказа и только послѣ личныхъ совѣщаній съ княземъ Черкасскимъ рѣшились исполнить его приказаніе. Отрядъ былъ раздѣленъ на пять частей и выступилъ въ походъ, предводимый Узбеками. По сказкѣ Хаджи Нефеса, первую часть въ 600 чел. повелъ Узбекъ Азарысъ;

вторую въ 600 чел. Узбекъ Аралъ; третью въ 400 чел. Узбекъ Ургенчи; четвертую въ 400 чел. Узбекъ Хива; пятую въ 400 чел. Хивинскій Туркменецъ Юшутъ.

Хивинцы только того и ожидали. Едва удалились Русскіе отряды, князь Черкасскій еще не сошелъ съ коня, какъ они бросились на Русскихъ, частію ихъ изрубили и частію взяли въ плѣнъ. Князь Черкасскій, Экономовъ и Самановъ были убиты въ глазахъ Хана. Голову перваго онъ отослалъ къ Бухарскому Хану. Но тотъ не принялъ пословъ, велѣлъ ихъ встрѣтить на дорогѣ и сказать: «если ихъ Ханъ людоѣдъ, то пусть обратно отнесутъ ему голову; а я не принимаю участія въ его поступкѣ». Двѣ другія головы были выставлены на висѣлицѣ у Адарскихъ воротъ въ Хивѣ. По возвращеніи въ Хиву, Ханъ назначилъ казнить публично 40 чел. Русскихъ плѣнныхъ; но Хивинскій Айхунъ, высшее духовное лице, выпросилъ имъ помилованіе и свободу, порицая открыто поступокъ Хана и нарушеніе клятвы (*).

Отдѣльные отряды Русскіе подверглись той же участи: многихъ изъ нихъ перебили, большую часть оставили въ плѣну; немногіе возвращаясь отъ времени до времени въ Россію, приносили разсказы о печальномъ окончаніи экспедиціи. Изъ показаній выходцевъ, свидѣтелей происшествія, возвратившихся въ 1717 году, Хаджи Нефеса, юртовскаго Татарина Алтына Усейнова, Яицкихъ казаковъ Уразмета Ахметева, Ѳедора Емельянова и Михаила Бѣлотелкина и наконецъ Кожина, составленъ изложенный выше разсказъ о происшествіи.

(*) Полковникъ Данилевскій говоритъ, что кн. Черкасскій и его сподвижники были убиты въ городѣ Порсу; вѣроятно заимствовалъ онъ это извѣстіе изъ преданій мѣстныхъ, впрочемъ весьма вѣроятныхъ; ибо сраженія съ Хивинцами происходили не далеко отъ рѣки Порсунгунъ. Этимъ именемъ вѣроятно называется каналъ, при которомъ стоитъ городъ; онъ проведенъ изъ Аму-Дарьи. Записки Русск. Геогр. Общ. V. 110.

V.

Скоро достигла вѣсть до Россіи объ участи экспедиціи князя Черкасскаго. Прежде всѣхъ узнали о ней гарнизоны, оставленные въ новыхъ укрѣпленіяхъ при Тюкъ-Карагани и Красныхъ водахъ. Въ крѣпость Св. Петра пришелъ изъ Хивы Хаджи Нефесъ и разсказалъ о судьбѣ экспедиціи. Тамъ крѣпостныя работы еще продолжались; на другой день послѣ его прибытія, трехъ человѣкъ, посланныхъ за глиною, Туркменцы взяли въ плѣнъ. Хотя они возвратили немедленно плѣнныхъ, однакоже гарнизонъ началъ опасаться нападеній. На военномъ совѣтѣ рѣшено было прекратить постройку крѣпости въ предположенныхъ размѣрахъ и убавивъ пространство, застроить его между готовыми уже стѣнами казармами и заборомъ и обвести валомъ и рвомъ. Въ крѣпости мало было дровъ; ихъ можно было привезти только изъ Астрахани. Съ этою цѣлью подполковникъ Анисимовъ отправилъ туда капитана Кемецкаго, 13 октября. Онъ прибылъ въ Астрахань въ восемь дней; но возвратиться назадъ уже не могъ, ибо море покрылось льдомъ.

Въ Красноводской крѣпости узнали объ окончаніи экспедиціи князя Черкасскаго, отъ Туркменовъ, которые не замедлили сдѣлать нападеніе. Еще въ августѣ мѣсяцѣ, изъ посланнаго на бригантинахъ отряда за дровами, Туркменцы взяли въ плѣнъ 26 человѣкъ. За тѣмъ подступили къ крѣпости и требовали чтобы къ нимъ выслали переводчика для переговоровъ. Переводчику они объявили, что отрядъ князя Черкасскаго уже не существуетъ и что они намѣрены приступомъ взять крѣпость. Сентября 10, со стороны моря и съ суши они напали на крѣпость и ворвались въ нее. Но Русскіе защищались упорно и выгнали ихъ изъ крѣпости. По распоряженію полковника Фонъ-деръ-Видена, перешеекъ, отдѣлявшій Красноводскій мысъ отъ твердой земли, былъ укрѣпленъ валомъ изъ мучныхъ кулей. Нѣсколько нападеній Туркменцевъ были отбиты съ успѣ-

хомъ; но малочисленный гарнизонъ не былъ въ силахъ сопротивляться долго. На военномъ совѣтѣ положено было оставить укрѣпленіе и возвратиться, на омелѣвшихъ при крѣпости судахъ, въ Астрахань. Октября 3, весь отрядъ сѣлъ на суда и отплылъ въ море; но буря разнесла суда. Нѣкоторыя изъ нихъ погибли, другіе прибило къ устьямъ Куры, гдѣ они провели зиму и только весною 1718 года возвратились въ Астрахань.

Между тѣмъ, еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1717 года, въ Астрахань пришельцы изъ Хивы принесли вѣсть о Хивинской экспедиціи. Астраханскій и Саратовскій коменданты Чириковъ и Бахметевъ извѣстили о томъ Правительствующій Сенатъ и просили разрѣшенія: оставаться ли въ устроенныхъ вновь крѣпостяхъ тѣмъ гарнизонамъ, которые тамъ находятся по распоряженію князя Черкасскаго; а въ тоже время отправили въ Тюкъ-Карагань и Красныя воды подполковника Даветьціака и капитана Бекетова, собрать свѣдѣнія о случившихся происшествіяхъ и состояніи крѣпостей (*).

Сенатъ сообщилъ извѣстіе Государю и получивъ предписаніе усилить гарнизоны въ Тюкъ-Карагани и Красныхъ водахъ, предписалъ о томъ Казанскому губернатору Салтыкову. Но прежде нежели могло быть исполнено повелѣніе, гарнизоны уже оставили укрѣпленія и возвратились въ Астрахань. Назначенная оттуда экспедиція для изслѣдованія, не достигла цѣли. Деветціанъ и Бекетовъ, отправленные 20 октября, по случаю показавшагося на морѣ льда, ноября 3 возвратились назадъ въ Астрахань.

Петръ Великій находился за границею и прибылъ въ Петербургъ только 10 октября 1717 года. Съ 26 іюля Бухарскій посолъ ожидалъ его прибытія и уже торопился ѣхать назадъ; ибо Ханъ назначилъ ему не болѣе 15 мѣсяцевъ на путешествіе. Послѣ торжественнаго пріема сенаторами, когда потребовали

(*) Журн. Петра Великаго. II, стр. 394—397.

отъ него Ханской грамоты и объявленія о порученныхъ ему дѣлахъ, то посолъ отвѣчалъ: что Ханъ приказалъ ему подать грамоту и о секретныхъ дѣлахъ донести лично Государю.

По возвращеніи въ Петербургъ, Петръ Великій 20 октября назначилъ Бухарскому послу пріемъ въ Сенатѣ, куда прибылъ поутру до обѣдни и ожидалъ въ Верхней палатѣ, стоя на возвышенномъ мѣстѣ противъ дверей. Посолъ, войдя въ двери, сталъ на колѣни и поклонился отъ лица Хана. Потомъ хотѣлъ вынуть изъ особаго сундука грамоту, но ея тамъ не оказалось. Попросивъ прощенія у Государя, онъ отправилъ за грамотою на свою квартиру; а между тѣмъ поздравлялъ съ побѣдою надъ Шведами и представилъ подарки. Когда принесена была грамота, Петръ поднялъ надъ нею руку, а принялъ грамоту подканцлеръ Шафировъ.

Ханъ просилъ освободить Бухарцевъ Астраханскихъ, которые судились въ это время за сношенія съ Турціею; желалъ мира и торговыхъ сношеній съ Россіею. Въ словесныхъ переговорахъ, посолъ объявилъ, что по случаю побѣдъ, одержанныхъ Государемъ надъ Шведами, Ханъ проситъ его прислать ему 9 Шведокъ, и отправить посла въ Бухарію, «разумнаго человѣка».

Послѣднее предложеніе послужило поводомъ къ посольству Флоріо Беневени. Въ переговорахъ посолъ Бухарскій объяснилъ, что при свиданіи съ княземъ Черкасскимъ въ Астрахани, онъ предупреждалъ его, совѣтуя опасаться Хивинцевъ, которые собираются встрѣтить Русскихъ съ оружіемъ. Но болѣе всего совѣтовалъ опасаться Туркменцевъ; ибо самъ видѣлъ письмо Аюки-Хана къ Хану Хивинскому, въ которомъ первый предупреждалъ послѣдняго, что подъ видомъ посольства идетъ Русское войско для завоеванія.

Посолъ отпущенъ былъ изъ Петербурга 18 марта 1718 года; но удержанъ въ Астрахани до пріѣзда Флоріо Беневени.

Между тѣмъ Кожинъ находился подъ судомъ за самовольную отлучку отъ князя Черкасскаго. Въ оправданіе онъ говорилъ, что стараго русла Аму-Дарьи, о которомъ извѣщалъ князь Черкасскій, вовсе не существуетъ на дѣлѣ. Это показаніе представлялось Государю весьма важнымъ, и потому вновь былъ наряженъ осмотрѣть восточный берегъ Каспія поручикъ князь Урусовъ вмѣстѣ съ Кожинымъ; они отправились въ маѣ 1718 года. Почти въ тоже время рѣшено было отправить въ Бухару и Персію Беневени. Указомъ 5 іюля Московскому Посольскому Приказу предписывалось выдать ему на жалованье 3000 руб., на подарки и на раздачу — соболей и другой мягкой рухляди на 1000 руб. Сверхъ того на покупку «пристойныхъ» для Хана подарковъ 2000 руб. Съ нимъ отправлялись инженеръ, толмачь, подъячій и лекарь.

Въ инструкціи (*) ему поручалось ѣхать немедленно, чтобы застать Бухарскаго посла въ Астрахани и потомъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ; ѣхать въ качествѣ посла или подъ другимъ именемъ, смотря по обстоятельствамъ. На пути и особенно во владѣніи Бухарскаго Хана замѣчать всѣ мѣста, пристани, города и укрѣпленія, также какія рѣки впадаютъ въ Каспійское море. Ему поручалось «все то присматривать прилежно и про«вѣдывать искусно, такъ чтобъ того не признали Бухаряне». По пріѣздѣ въ Бухару, настаивать на томъ, чтобы ему оказаны были тѣ же почести, которыя тамъ оказываются посланникамъ Турецкимъ, увѣрять Хана въ дружбѣ и пріязни Россіи и, буде возможно, заключить съ нимъ «оборонительный аліанцъ» о взаимной помощи противъ всѣхъ враговъ и особенно противъ Хивинцевъ. Но прежде «развѣдать прилежно» въ какихъ отношеніяхъ находится Бухарскій Ханъ съ Турками, Персіею и Хивою, не опасается ли отъ кого изъ нихъ нападеній, самовластителенъ ли онъ и не склонны ли его подданные къ бунту»,

(*) Подписана Государемъ іюля 13 дня 1718 г. въ Кронштотѣ.

какое у нихъ правленіе, съ кѣмъ граничатъ, сколько у нихъ крѣпостей, войска, гдѣ оно расположено и въ какомъ порядкѣ, есть ли артиллерія? За тѣмъ предложить, не нужно ли Хану особой гвардіи изъ Русскихъ и обнадежить, что Государь можетъ ему дать гвардію.

Кромѣ политической цѣли, это посольство имѣло и цѣль торговую, — существенную въ собственномъ смыслѣ, для которой политическая служила только средствомъ. Петра Великаго постоянно занимала мысль о торговлѣ съ Индіею, мысль, которую еще гораздо прежде него преслѣдовали Государи Московскіе. Для этой цѣли была наряжена экспедиція князя Черкасскаго и Флоріо Беневени, которому поручалось развѣдать, какіе товары «имѣютъ у себя Бухаряне», откуда ими торгуютъ и нѣтъ ли возможности умножить тамъ Русскую торговлю, какими способами и куда изъ Бухары можетъ еще далѣе простираться торговля.

Наконецъ и слухи о золотѣ, находимомъ въ рѣкахъ Хивы и Бухаріи привлекали вниманіе. Широкіе размѣры, въ которые Петръ Великій поставилъ государственную жизнь Россіи, требовали новыхъ источниковъ дохода; Сибирь въ то время еще не представляла тѣхъ богатствъ, которыя открылись впослѣдствіи. Изыскивая всѣ способы къ умноженію доходовъ государственныхъ, Петръ Великій поручилъ снова своему послу развѣдывать въ Бухаріи о рѣкахъ златоносныхъ, и можно ли тамъ, въ Хивѣ устроить крѣпость; съ одной стороны выгодно ли это будетъ для Россіи, достаточное ли количество можно пріобрѣсть золота; съ другой — не будетъ ли это противно видамъ Бухарскаго Хана.

Съ такимъ наставленіемъ выѣхалъ изъ Москвы Флоріо Беневени, секретарь Оріентальной экспедиціи Посольскаго Приказа. Онъ былъ дѣйствительно оріенталистъ, зналъ языки Персидскій и Турецкій и могъ исполнить возложенное на него порученіе по опытности въ дѣлахъ посольскихъ. Въ сентябрѣ

мѣсяцѣ онъ выѣхалъ изъ Москвы водою въ Астрахань. Казанскому губернатору Салтыкову предписано было его принять и препроводить въ Астрахань и оттуда моремъ, вмѣстѣ съ Бухарскимъ посломъ, къ Персидскому берегу (*). Флоріо Беневени шелъ водою только до Чернаго Яру. Тамъ, по причинѣ льда, который уже началъ покрывать рѣку, онъ долженъ былъ оставить струги и продолжать путешествіе сухимъ путемъ. 13 ноября онъ прибылъ въ Астрахань и въ тотъ же день видѣлся съ Бухарскимъ посломъ, чтобы рѣшить вмѣстѣ съ нимъ какимъ путемъ удобнѣе имъ ѣхать.

Бухарскій посолъ сказалъ, что не худо бы ѣхать на Хиву; что онъ не имѣетъ на то приказанія Хана, но уже писалъ въ Бухару и просилъ указа на возвращеніе черезъ Хиву. Флоріо Беневени отвѣчалъ, что если онъ и получитъ указъ, то и тогда не поѣдетъ съ нимъ на Хиву; напротивъ, предлагалъ ему ѣхать на Шемаху или Астрабадъ до Мешхеда. Оттуда, если придется опасаться набѣговъ Хивинцевъ, можно попросить конвоя у Персидскаго Хана. Бухарецъ отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно опасается Хивинцевъ и готовъ ѣхать съ нимъ чрезъ Персію.

Условившись въ пути съ Бухарскимъ посломъ, Флоріо Беневени написалъ къ канцлеру и подканцлеру и просилъ ихъ прислать грамоты къ Персидскому Шаху и вмѣстѣ съ тѣмъ предписать, чтобы имъ данъ былъ военный конвой для провожанія (**). Его просьба была исполнена немедленно и 15 апрѣля получилъ онъ грамоты и предписаніе о снабженіи его конвоемъ во время путешествія по морю. Но по медленности въ сборахъ Бухарскаго посла и приготовленія судовъ, Флоріо Беневени только въ концѣ іюня отправился изъ Астрахани и къ 4 іюля прибылъ къ Персидскому берегу (***). Беневени

(*) Указъ 3 сентября 1718 года.

(**) Письмо изъ Астрахани отъ 13 декабря 1718 года.

(***) Письмо Флоріо Беневени отъ 20 іюня 1719 года.

увѣдомилъ Хана о своемъ прибытіи вмѣстѣ съ посломъ Бухарскимъ, и получилъ въ отвѣтъ ласковое письмо; но только чрезъ 20 дней присланы были подводы, на которыхъ послы должны были отправиться въ Шемаху.

VI.

Въ Шемахѣ долгое время задержали пословъ; попеременно обходились съ ними то дурно, то хорошо. Увѣряли «манными словами», — какъ писалъ Беневени, — что не отпускаютъ ихъ въ дальнѣйшій путь потому только, что не получаютъ указа отъ Персидскаго Шаха, а между тѣмъ не давали имъ содержанія и продержали около года, на своихъ издержкахъ.

Беневени не понималъ причины перемѣнъ въ обхожденіи съ нимъ и приписывалъ это разнымъ извѣстіямъ, которыя доходили до Шемахинскаго Хана о состояніи Россіи (*).

«Сначала, — писалъ онъ въ донесеніи Государю, — насъ приняли хорошо, но потомъ всякая противность показана». Причина перемѣны, — какъ полагалъ онъ, — произошла отъ того, что прибывшіе вслѣдъ за нимъ изъ Астрахани торговцы, Жиды и Армяне, распустили слухъ, будто бы Россія занята войнами съ государствами Европейскими и потому не можетъ быть страшна востоку. Такъ думалъ Флоріо Беневени, полагая что востокъ только изъ одного страха способенъ оказывать благорасположеніе. Но потомъ пришли новыя извѣстія о побѣдахъ Русскихъ надъ Шведами и близъ Низовой прошла невдалекѣ флотилія поручика Фонъ-дер-Видена, занесенная туда непогодою, на возвратномъ пути отъ Красноводскаго укрѣпленія въ Астрахань. Мнѣніе о Россіи начальниковъ Шемахинскихъ измѣнилось и они стали ласково обходиться съ посломъ. Но эта ласка не имѣла однакоже послѣдствій: ни требованія его, ни угрозы, ни просьбы не исполнялись. Онъ желалъ, чтобы отправили его и Бухарскаго посла

(*) Дон. отъ 1 октября 1719 года, получено въ Петербургѣ 20 генваря 1720 года.

какъ можно скорѣе къ Шаху; но его держали въ Шемахѣ, отговариваясь, что не получили объ его отправленіи повелѣнія Шаха; а между тѣмъ распрашивали его о послѣ Бухарскомъ, зачѣмъ онъ пріѣзжалъ въ Россію и почему возвращается назадъ иною дорогою.

Враждебныя въ это время отношенія Персіи къ Бухарѣ давали поводъ предполагать, что и Русскаго посла задерживаютъ потому, что съ нимъ ѣхалъ посолъ Бухарскій. Посолъ требовалъ, чтобы по крайней мѣрѣ дозволили ему послать гонца къ Шаху съ Императорскою грамотою; но Ханъ ему отказалъ и даже предписалъ не пропускать на заставахъ никакого гонца отъ Беневени. Послы жили на своихъ издержкахъ; это было одною изъ понудительныхъ причинъ, почему безпрерывно они требовали, чтобъ ихъ отпустили въ дальнѣйшій путь. Ханъ только обѣщалъ, не исполняя обѣщаній. «На ихъ ласку и обѣ-«щанія, — писалъ въ донесеніи Государю Беневени, — надѣяться «не возможно; понеже люди самые лгуны и весьма въ словѣ не-«постоятельны, что часто слово перемѣняютъ».

Такимъ образомъ проходило время; оканчивалась осень; море скоро должно было покрыться льдомъ; наставалъ послѣдній срокъ къ отплытію судовъ отъ Низовой къ Астрахани. Беневени явился къ Хану и требовалъ, чтобы его немедленно отправили, угрожая въ противномъ случаѣ возвратиться въ Россію. Ханъ отвѣчалъ, что на сихъ дняхъ ожидаетъ приказанія Шаха и тогда немедленно и со всѣми почестями, приличными его званію, отправитъ его въ путь; но снова обѣщанія не исполнилъ.

Наконецъ Беневени рѣшился тайно отправить отъ себя гонца съ извѣстіемъ о прибытіи и задержаніи своемъ въ Шемахѣ, къ Шаху и Ихтиматъ-Девлету. Гонецъ пробрался чрезъ заставы; но долго не было отъ него извѣстій. Вслѣдъ за тѣмъ Беневени отправилъ другаго, который однакожъ былъ задержанъ на заставѣ и только третій возвратился благополучно. Ихтиматъ-Девлетъ отвѣчалъ, что предписываетъ Шемахинскому Хану не-

медленно отправить посла. При свиданіи Ханъ повторилъ Беневени прежнее обѣщаніе, но по прежнему его не исполнилъ.

Тщетно стараясь разузнать о причинахъ такого поведенія Персіянъ, Беневени приписывалъ это поступкамъ Русскаго гонца Димитраки Петричиса, который въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1719 года прибылъ въ Шемаху и также былъ задержанъ. «Въ первыхъ «числахъ ноября, — писалъ Беневени къ барону Шафирову, — «мы были подлинно готовы къ отъѣзду отсюда; но пріѣздъ гос- «подина Димитракія достойнаго курьера, попортилъ гораздо до- «брое Ханово намѣреніе».

Еще съ 1712 года, когда резидентомъ нашимъ въ Персіи находился Артемій Волынскій, бывшій во время посольства Беневени уже Астраханскимъ губернаторомъ, Шахъ Гуссейнъ, угрожаемый возмущеніями, просилъ помощи у Петра Великаго и заключилъ торговый договоръ съ Россіею (*). По возвращеніи Волынскаго, Петричисъ, родомъ Грекъ, переводчикъ Посольской канцеляріи, отправленъ былъ съ объявленіемъ объ утвержденіи договора Императоромъ и предложеніемъ о помощи Хану. Прибывъ въ Низовую, какъ писалъ Беневени, онъ сталъ выдавать себя за важнаго человѣка, облеченнаго особенною довѣренностію и узнавъ о пребываніи въ Шемахѣ Беневени и Бухарскаго посла, говорилъ, что по предписаніямъ, имъ даннымъ, слѣдовало имъ ѣхать вовсе не чрезъ Персію, а чрезъ Хиву. Прибывъ въ Шемаху, Петричисъ обходился грубо съ Персіянами, ссорился съ Беневени и распускалъ о немъ невыгодные слухи. Въ это время прибыли въ Шемаху два Калмыка, посланцы Аюки-Хана къ Персидскому Шаху. Они собирались ѣхать въ Астрахань. Желая отправить съ ними письма, Петричисъ послалъ попросить къ себѣ одного изъ нихъ — Абдулахъ-Бея. Но тотъ былъ занятъ и отвѣчалъ, что не можетъ придти. На другой день Петричисъ послалъ снова просить его къ себѣ. У

(*) Голиковъ. VI. стр. 622 и слѣд.

Абдулахъ-Бея были гости и онъ снова отказался. Вслѣдъ за тѣмъ, Петричисъ прислалъ за нимъ въ третій разъ. Тогда Абдулахъ-Бей, полагая, что ему очень нужно говорить съ нимъ, оставилъ своихъ гостей и отправился къ Петричису.

Недовольный тѣмъ, что посланецъ по первому зову къ нему не явился и еще болѣе тѣмъ, что онъ раза три уже былъ у Беневени, а у него ни разу, Петричисъ встрѣтилъ его бранью и когда тотъ хотѣлъ отвѣчать, то приказалъ своимъ слугамъ бить его плетью. Слуги немедленно исполнили приказаніе; 150 ударовъ плетей вынесъ Татаринъ. Потомъ Петричисъ заперъ его въ своей квартирѣ и выпустилъ только по требованію Шемахинскаго Хана, который въ противномъ случаѣ обѣщалъ освободить его вооруженною рукою; увѣщаній Флоріо Беневени онъ не слушалъ.

Показаніе одного Беневени въ этомъ случаѣ могло бы казаться пристрастнымъ; но Бухарскій посолъ въ письмахъ къ своему дядѣ, находившемуся въ Астрахани, князю Уракову, подтверждалъ достовѣрность происшествія и увѣдомлялъ о постоянныхъ ссорахъ Петричиса съ Беневени. Еще болѣе подтверждаютъ обвиненія Беневени, слова самаго Петричиса. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ преданъ суду и при допросѣ показалъ, что съ Беневени не ссорился и слуховъ о немъ никакихъ не распространялъ, а напротивъ, по прибытіи къ Шаху хлопоталъ объ его отправленіи изъ Шемахи. Что же касается до посланца Аюки-Хана, то отвѣчалъ, что онъ не былъ посланникъ, а просто Астраханскій Татаринъ; однакоже, осердясь за его грубые отвѣты и не стерпя такихъ словъ, онъ велѣлъ его драгунамъ раздѣть и бить плетьми, а сколько ударовъ дано, онъ не считалъ (*). Такое происшествіе дѣйствительно не могло внушить Персіянамъ добраго расположенія къ Русскимъ и способствовать намѣреніямъ Беневени.

(*) Допросъ произведенъ въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 1721 года 10 генваря.

Бухарскій посолъ, скучая долгимъ пребываніемъ въ Шемахѣ, писалъ къ своему Хану, писалъ и въ Астрахань князю Уракову, прося сообщить его жалобы Императору. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ жаловался однакоже и на Беневени. Когда пріѣхали въ Низовую пристань, то посланникъ взялъ съ собою всѣхъ торговыхъ людей, прибывшихъ въ одно время съ нимъ, назвалъ ихъ посольскими людьми и вытребовалъ для нихъ подводы и верблюдовъ до Шемахи. «Мнѣ же, — писалъ онъ, — верблюдовъ и лошадей далъ немного и то съ половины дороги, а до половины дороги люди мои шли пѣшкомъ. Имнѣ въ томъ стыдъ есть для того, что торговыхъ отправилъ, а меня покинулъ». Когда же пріѣхали въ Шемаху «и тѣ купецкіе люди, Армяне и Греки, отъ него отстали и сказались купецкими людьми, а не посланниковыми; и въ томъ ему посланнику стыдъ стало быть».

Этому случаю и ссорѣ Беневени съ Петричисомъ, Бухарскій посолъ приписывалъ, что Персіяне такъ долго задерживаютъ ихъ въ Шемахѣ. Бухарскій Ханъ, узнавъ о задержаніи своего посла и Русскаго, который къ нему ѣхалъ, отправилъ нарочнаго посла къ Персидскому Шаху и просилъ объ ихъ пропускѣ.

Долго держали и Петричиса; наконецъ онъ вышелъ изъ терпѣнія и выѣхалъ съ своими людьми за городъ, объявивъ, что отправляется назадъ въ Астрахань. Ханъ Шемахинскій въ это время былъ смѣненъ и на его мѣсто назначенъ новый. Не смотря на то, что новый Ханъ еще не прибылъ въ Шемаху, намѣстникъ ханскій выслалъ своихъ людей къ Петричису просить возвратиться, обѣщая черезъ четыре дня отправить его въ Казбинъ. Хотя вмѣсто четырехъ дней прошло около четырехъ недѣль, однакоже Петричису дали подводы и 23 апрѣля онъ выѣхалъ изъ Шемахи. Прибывъ въ Казбинъ, спрашивалъ онъ Ихтиматъ-Девлета, по какой причинѣ такъ долго задерживаютъ Русскаго и Бухарскаго пословъ въ Шемахѣ. Тотъ отвѣчалъ:

они уже въ дорогѣ. Получивъ извѣстія отъ Беневени, что онъ находится въ прежнемъ положеніи, Петричисъ въ другой разъ спросилъ Ихтиматъ-Девлета. «Они уже въ дорогѣ»,—снова отвѣчалъ онъ; но когда гонецъ ему замѣтилъ, что онъ получилъ извѣстіе отъ самаго посла, который увѣдомляетъ, что его до сихъ поръ задерживаютъ въ Шемахѣ; то онъ сердито отвѣтилъ: «я давно уже приказалъ отпустить его», и обѣщалъ вновь послать предписаніе къ Шемахинскому Хану. Сообщая объ этомъ Беневени, Петричисъ писалъ, что Шахъ и не знаетъ, что онъ находится въ Шемахѣ.

«Нынѣшнее здѣшнее управленіе,—доносилъ Государю Беневени изъ Шемахи, — самое худое, а лучше сказать варварское; «сей новый Ханъ ничего не дѣлаетъ; другіе, которые при немъ, «своевольно управляютъ дѣлами и обиды великія дѣлаютъ въ «народѣ».

Въ послѣдующихъ письмахъ Беневени говоритъ уже: «Слыш- «но и въ Казбинѣ, при дворѣ Шаховѣ, великое возмущеніе; одни «говорятъ будто хотятъ Шаха перемѣнить и вмѣсто его хотятъ «поставить брата его, который въ Испаганѣ запертъ обрѣтается «и будто партизаны его бунтъ подняли. Другіе говорятъ, что «въ Казбинѣ бунтъ подняли противъ Ихтиматъ-Девлета, нала- «гая на него вину, что онъ разоряетъ Персидское государство «своимъ непорядочнымъ правленіемъ». Сіи послѣднія извѣстія, кажется, гораздо болѣе прежнихъ предположеній Беневени и Бухарскаго посла объясняютъ причину: почему пословъ такъ долго задерживали въ Шемахѣ. «Мы здѣсь въ Шемахѣ нахо- «димся въ большомъ страхѣ, — писалъ Беневени,— отъ Лезгин- «цевъ, которые угрожаютъ нападеніемъ на городъ. Ближайшія «къ Шемахѣ деревни всѣ опустѣли и жители собрались въ «Шемаху; дальнѣйшія уже опустошены Лезгинцами. Говорятъ, «они разбили Персидское войско и вообще Персіянъ ни во что «ставятъ. Ханъ нѣсколько разъ получалъ предписаніе воевать съ «ними, но до сихъ поръ не ѣдетъ. Опасаются даже возстанія

«въ Шемахѣ, противъ Хана и особенно Назыря, который зави-«ситъ отъ Ихтаматъ-Девлета, мѣшается во всѣ дѣла и грабить «народъ».

Вѣроятно между прочимъ и по этой причинѣ Ханъ былъ смѣненъ; въ Шемаху прибылъ новый, 15 мая, съ предписаніемъ немедленно выступить противъ Лезгинъ. Но и онъ медлилъ и также не отпускалъ пословъ, ни Русскаго, ни Бухарскаго. Носился слухъ, что онъ отговаривался, чтобъ не ѣхать въ походъ именно тѣмъ, что занятъ приготовленіями къ отпуску иностранныхъ пословъ.

Въ это время находился въ Шемахѣ и прибывшій въ Персію Французскій консулъ. Между тѣмъ, какъ пословъ «прово-«дили и обманывали добрыми словами», возмущенія распространялись болѣе и болѣе. Около Дербента народъ возсталъ противъ Персіянъ, занялъ дорогу отъ Шемахи къ Низовой и разграбилъ торговый караванъ, въ которомъ находился толмачъ Павелъ Дмитріевъ, отправленный нашимъ посломъ Беневени въ Россію съ письмами. Потомъ мятежники напали на городъ Ширванъ и взяли его. Прибывшій туда Ханъ изъ Дербента едва ушелъ съ немногочисленною свитою. Только войско, высланное Шамхаломъ, нѣсколько прекратило возмущеніе.

Подтверждая показанія Беневени, и Бухарскій посолъ писалъ къ канцлеру графу Головкину: «Въ Шемахѣ непостоянство ве-«ликое и междоусобная брань».

Беневени просилъ Хана произвести слѣдствіе объ убитомъ толмачѣ; Ханъ обѣщалъ и ничего не сдѣлалъ. «Такой проклятый «народъ, — говоритъ Беневени въ своихъ донесеніяхъ, — сколь бо-«лѣе обманываетъ и безъ никакого стыда вдругъ запирается въ «своихъ словахъ; такъ что ни о какомъ дѣлѣ съ Кизильбашами «говорить не возможно».

Наконецъ и Французскаго консула, прибывшаго въ Шемаху пять мѣсяцевъ спустя послѣ Беневени, снарядили въ путь. Беневени вышелъ изъ терпѣнія, явился къ Хану и требовалъ рѣ-

шительно, чтобы онъ объявилъ, почему его съ Бухарскимъ посломъ такъ долго здѣсь задерживаютъ и упрекалъ, что такимъ образомъ съ сосѣдями поступать не слѣдуетъ. Ханъ сложилъ всю вину на своего предмѣстника и обѣщалъ черезъ четыре дни все приготовить къ ихъ отъѣзду. Но четыре дни прошли и ничего не было готово; подводы отдали Французскому консулу. Тогда Беневени объявилъ, что отправляется назадъ въ Россію, выслалъ за городъ своихъ людей и свою палатку, а самъ долженъ былъ выѣхать на другой день.

Это было наканунѣ Петрова дни, именинnаго дня Императора. Получивъ о томъ извѣстіе, Ханъ въ самый Петровъ день, выслалъ двухъ капитановъ и Доругу (коменданта) съ войскомъ и велѣлъ окружить дворъ, въ которомъ жилъ Беневени. Бухарскій посолъ явился къ нему въ этотъ день съ поздравленіемъ и приглашалъ къ себѣ на вечеръ, куда должны были съѣхаться многіе изъ Шемахинскихъ начальниковъ. Едва онъ выѣхалъ со двора, какъ Персіяне, окружавшіе жилище Беневени, начали стрѣлять по Русскимъ. «Видя такое ихъ дикое намѣреніе»,—говоритъ Беневени, — «наши схватились за ружья и отвѣчали пальбою». Хотя изъ Русскихъ было владѣвшихъ оружіемъ только 16 человѣкъ, не смотря на то, Персіяне скоро всѣ разбѣжались; пять человѣкъ изъ нихъ было убито, а Доруга раненъ въ бокъ. Изъ нашихъ убито было трое.

Ханъ не полагалъ, что дѣло можетъ такъ кончиться и сильно оробѣлъ. Беневени прекратилъ всякое съ нимъ сношеніе. Нѣсколько разъ Ханъ присылалъ къ Бухарскому послу и просилъ помирить его съ Русскимъ посломъ. Спустя нѣсколько времени, Беневени объявилъ, что согласится на миръ, только въ томъ случаѣ, если его съ Бухарскимъ посломъ немедленно отправятъ къ Шаху. Ханъ далъ обѣщаніе. «Если бы я посланъ «былъ только въ Персію,—писалъ Беневени,—то ни за что бы «не согласился выѣхать изъ Шемахи, не получивъ повелѣнія изъ «Россіи; но *на моихъ рукахъ иной интересъ;* потому полагаю, что

«лучше отправиться ко двору Шаха и отъ этихъ проклятыхъ «людей освободиться».

Между тѣмъ три письма, отправленныя посломъ въ Россію, дошли по назначенію. Извѣстіе о послѣднемъ происшествіи послужило поводомъ къ указу, который посланъ былъ къ Беневени изъ Посольской канцеляріи. Въ этомъ указѣ, отъ 20 сентября 1720 года, за подписью графа Головкина, Шафирова, Остермана и Степанова, ему писано, что усматривая изъ его донесеній и особенно изъ послѣдняго, какъ долго задержали ихъ въ Шемахѣ и «какой великой афронтъ учинили, яко отъ сущаго «непріятеля», предписываемъ: «если ты получилъ разрѣшеніе про«должать путь, то продолжай; если же еще находишься въ Ше«махѣ, то возвращайся назадъ къ нашему двору». При этомъ указѣ къ Беневени, послана была и грамота отъ Государственнаго Канцлера къ Шемахинскому Хану съ «выговоромъ».

Но указъ еще не успѣлъ дойти, какъ Шемахинскій Ханъ, 10 августа, получилъ предписаніе Шаха немедленно отправить пословъ къ его двору. Не смотря однакоже на предписаніе, Ханъ все еще медлилъ, увѣряя, что дорога до переправы чрезъ Куру не безопасна и что тамъ могутъ ихъ ограбить Лезгины. Но Беневени объявилъ, что непремѣнно поѣдетъ или къ Шаху, или назадъ въ Россію. Августа 11 онъ выѣхалъ за городъ. Между тѣмъ отъ Низовой приближались къ городу Лезгины, подъ начальствомъ Даутъ-Бея и Сурхая. Ханъ выслалъ посланца къ Беневени, прося его немедленно возвратиться назадъ въ городъ; ибо непріятели приближаются. Но тотъ отвѣчалъ, что слишкомъ уже долго жилъ въ городѣ, что городъ ему надоѣлъ и что гораздо пріятнѣе оставаться въ полѣ. Къ вечеру въ тотъ же день прибылъ новый посланецъ, которому Ханъ поручилъ сказать: если посолъ не хочетъ возвратиться въ городъ, то въ ночь отправлялся бы въ путь: непріятели приближаются. Беневени отвѣчалъ, что онъ готовъ ѣхать, только ожидаетъ верблюдовъ и лошадей. На другой день послѣ полудня пришли верблюды и лошади; по-

солъ двинулся въ путь и едва отъѣхалъ съ полверсты, какъ съ противоположной стороны, съ горъ, верстахъ въ трехъ отъ Шемахи показались непріятели.

Въ городѣ поднялась тревога; готовились къ защитѣ; ближнія деревни мгновенно опустѣли, всѣ жители бѣжали въ Шемаху. Тщетно Бухарскій посолъ, струсивъ, умолялъ Беневени возвратиться назадъ; но тотъ продолжалъ путь и доѣхавъ до ближней деревни, пріостановился до вечера и смотрѣлъ оттуда на осаду Шемахи.

Первоначально подступилъ къ городу небольщой отрядъ Лезгинъ, человѣкъ въ 1000. Противъ нихъ выѣхалъ Муханскій Ханъ съ отрядомъ тысячи въ три. Лезгины бросились на него и сбили; обративъ тылъ, онъ спасался въ городъ, преслѣдуемый по пятамъ непріятелемъ. Лезгины хотѣли только грабить; вслѣдъ за нимъ они ворвались въ городъ. Но узкія улицы въ срединѣ города, около Ханскаго дворца, были преграждены завалами изъ бревенъ. Конные Лезгины не могли проникнуть туда, гдѣ находились богатые караванъ-сараи торговцевъ. Разграбивъ кое-какіе дома съ урономъ, они возвратились назадъ къ Даутъ-Бею, который только-что свелъ свои войска съ горъ къ Шемахѣ. Во всю ночь продолжалась пальба безполезная. На другой день на зарѣ Лезгины вновь ворвались въ городъ, чтобы разграбить Индѣйскіе гостинные дворы; но «лютые или городская каналія»,—какъ выражается Беневени,—ихъ отбили. Отбивъ Лезгинъ, они однакоже сами принялись грабить тѣ же гостинные дворы; изъ Индѣйскихъ уцѣлѣлъ только одинъ и еще одинъ Русскій; остальные всѣ были ограблены. Ханъ со своими приближенными, хотѣлъ бѣжать; но караулъ ихъ не выпустилъ изъ города. Потомъ они распускали слухъ, что ходили осматривать караулъ.

Два дни нашъ посолъ, неизвѣстно почему, стоялъ на мѣстѣ и смотрѣлъ, — какъ онъ самъ выражается, — «на Шемахинскую трагедію». На третій день, видя, что «никакого побѣжденія не

«учинено», отправился онъ въ дальнѣйшій путь. Въ 18 часовъ караванъ прибылъ къ Курѣ, переправился благополучно и чрезъ Гилянъ, 9 октября прибылъ въ Казбинъ. Но Шахъ за 15 дней до его прибытія отправился въ Тегеранъ. За нимъ поѣхалъ и Беневени, проживъ мѣсяцъ въ Казбинѣ, и 14 ноября прибылъ въ Тегеранъ.

VII.

Персія находилась въ положеніи государства погибающаго въ то время, когда прибылъ Ф. Беневени; не было извѣстно, чѣмъ окончится повсѣмѣстное волненіе. Еще властвовалъ тотъ же Шахъ Гуссейнъ, который впослѣдствіи принужденъ былъ отказаться отъ трона и окончить власть рода Софи въ Персіи. Послѣ Сулейманъ Шаха, онъ былъ возведенъ на тронъ въ 1694 году, помимо старшаго своего брата Абасса. Ему было 25 лѣтъ, когда провозгласили его Шахомъ; онъ былъ кротокъ, набоженъ, но слабъ и нерѣшителенъ. Внутреннее управленіе находилось въ рукахъ евнуховъ; злоупотребленія достигли до такой степени, что повсюду негодованіе и ропотъ доходили до возмущеній.

Въ такомъ положеніи находилось государство, когда предводитель племени Авганскаго Гаджи, знаменитый впослѣдствіи Миръ-Вейсъ, собравъ значительную шайку, убилъ Гуркейнъ Хана—владыку Грузіи и правителя Кандагара и провозгласилъ себя султаномъ Кандагарскимъ. Жители области охотно признали его власть и покорились (въ 1713 году). Ни мирными переговорами, ни военными дѣйствіями Персидскій дворъ не принудилъ его къ послушанію. Въ переговоры онъ не хотѣлъ вступать; войска, посылаемыя противъ него, бѣжали разбитые. Онъ владычествовалъ въ Кандагарѣ до смерти (въ 1715 году), не

признавая власти Персіи. Послѣ его смерти, братъ его Миръ-абдъ-ель-Азисъ-Ханъ намѣревался покориться Шаху Персидскому. Но узнавъ объ его намѣреніи, сынъ Миръ-Вейса, Миръ-Махмудъ-Галки, убилъ его и провозгласилъ себя султаномъ.

Состояніе Персіи со дня на день становилось затруднительнѣе; слабость государственнаго управленія продолжалась по прежнему; злоупотребленія увеличивались болѣе и болѣе и естественно возбуждали къ большимъ возмущеніямъ. Племя Абдалли взбунтовалось. Возмутители взяли Гератъ (въ августѣ 1716 года), разбили Персидское войско и образовали независимое владѣніе. Ихъ примѣру послѣдовали и другія племена: Арабы въ Москатѣ, Курды, Лезгины и Узбеки волновались и громили пограничныя области Персіи.

Въ это время, съ значительнымъ войскомъ и съ намѣреніемъ завоевать Персію, Миръ-Махмудъ вошелъ въ Керманъ и овладѣлъ всею областію. Но Персидское войско, подъ предводительствомъ Лутфъ-Али-Хана разбило его шайку. Этотъ военачальникъ былъ первымъ министромъ и любимцемъ Шаха; его ненавидѣли за злоупотребленія. Противники обвинили его передъ Шахомъ въ измѣнѣ; онъ былъ лишенъ зрѣнія и смѣненъ. Войско Персидское разбѣжалось; Миръ-Махмудъ снова овладѣлъ Керманомъ, а Лезгины взяли Шемаху. Миръ-Махмудъ пошелъ на Испагань и наконецъ принудилъ Шаха отказаться отъ престола (въ 1722 году) (*).

Въ такое время находился въ Персіи Флоріо Беневени. По пріѣздѣ въ Тегеранъ его ласково принялъ Ихтиматъ-Девлетъ. Нѣсколько разъ онъ присылалъ къ нему просить, чтобы не доводилъ до свѣдѣнія Шаха о тѣхъ непріятностяхъ, которыя случались съ нимъ въ Шемахѣ. Но владычество Ихтимата

(*) Chardin. Voyages en Perse, ed. de Langlès. 1818. vol. II. pag. 199 и слѣд.

скоро кончилось; чрезъ 12 дней послѣ пріѣзда Беневени въ Тегеранъ, внезапно былъ смѣненъ Ихтиматъ-Девлетъ и мѣсто его занялъ Курчи-Баши. Хотя Персіяне давно негодовали на управленіе Ихтиматъ-Девлета, однакоже внезапная его перемѣна для всѣхъ составляла загадку. До сего времени онъ пользовался полною довѣренностію Шаха. Носились разные слухи: въ дружеской бесѣдѣ съ Михри-Ханомъ Тавризскимъ и Тюфенкчи-Агаси онъ будто говорилъ, что не знаетъ какъ ладить съ Шахомъ, который такъ непостояненъ, что гораздо бы лучше можно поправить состояніе Персіи, избравъ Шахомъ брата его. Михри-Ханъ донесъ объ этомъ Курчи-Башѣ, тотъ подослалъ письмо отъ Ихтимата-Девлета къ Михри-Хану объ этомъ и чрезъ муллу показалъ его Шаху. Другіе говорили, что дѣйствительно Ихтиматъ-Девлетъ далъ увѣрительныя письма Тюфенкчи-Агасѣ и Михри-Хану, что въ случаѣ перемѣны Шаха и его собственнаго избранія Шахомъ, онъ сдѣлаетъ одного Ихтиматъ-Девлетомъ, другаго Курчи-Башею. Онъ будто бы велъ переписку съ своимъ дядею Спасаларемъ, который шелъ съ 20-ю тысячами войска изъ Шираза въ Испагань, гдѣ долженъ былъ освободить изъ заключенія Шахова брата и провозгласить его Шахомъ. Однимъ словомъ, «помянутаго Ихтиматъ-Девлета вина не очень ясна», — писалъ Беневени; — «Шахъ самъ не знаетъ навѣрное за что наказалъ его. Онъ ни въ чемъ не признался. Еслибъ его не такъ скоро ослѣпили, то вѣроятно Шахъ, который такъ любилъ его и вообще такъ скоро измѣняетъ свои мнѣнія, простилъ бы его». Но въ нѣсколько дней онъ былъ уже ослѣпленъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ, его имѣнія конфискованы, его родные всѣ взяты къ допросу.

Это происшествіе замедлило пріемъ нашего посланника. Только 18 декабря пригласили его къ Шаху для врученія грамоты. Воспользовавшись свиданіемъ, посланникъ жаловался на Шемахинскихъ начальниковъ и требовалъ удовлетворенія. Слу-

шая жалобы, Шахъ изъявилъ удивленіе; отвѣчалъ, что ничего объ этомъ не зналъ и что прикажетъ разыскать немедленно.

На другой день послѣ пріема, новый Ихтиматъ-Девлетъ пригласилъ къ себѣ посланника и объявилъ, что задержаніе его въ Шемахѣ произошло отъ злонамѣренности его предшественника по должности, который всѣми силами хотѣлъ поссорить Персію съ Россіею; но Шахъ, напротивъ, желаетъ съ нею мира и союза. Потомъ просилъ, чтобы посланникъ, увѣдомляя о томъ своего Государя, прибавилъ, что виновные уже преданы наказанію, и увѣрилъ, что въ скоромъ времени, его отправятъ вмѣстѣ съ Бухарскимъ посломъ въ дальнѣйшій путь. Обѣщаніе однакоже не было исполнено; вслѣдствіе безпрерывныхъ возмущеній и безпорядковъ въ управленіи, его продержали еще долго, не смотря на безпрерывныя требованія его.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1721 года, посланникъ получилъ указъ, въ которомъ повелѣвалось ему безостановочно продолжать путь въ Бухарію; а если не получитъ пропуска чрезъ Персію, то немедленно возвратиться назадъ въ Россію. При дворѣ Персидскомъ получена была въ тоже время и грамота отъ Государственнаго Канцлера къ Шемахинскому Хану о задержаніи нашего посольства. Ихтиматъ-Девлетъ, пригласивъ къ себѣ посланника, выговаривалъ ему: «зачѣмъ онъ жаловался своему Государю; Шахъ никогда не отказывалъ въ проѣздѣ чрезъ свое государство, и не зналъ даже о его прибытіи въ Персію; это случилось отъ коварства стараго Ихтиматъ-Девлета. Если же и произошло замедленіе, то это не отъ нихъ, а отъ Бога». Когда посланникъ настаивалъ, чтобъ отпустили его немедленно въ Россію, Ихтиматъ-Девлетъ отвѣчалъ: «изъ грамоты къ Хивинскому Хану мы видимъ, что Русскій дворъ желаетъ, чтобы ты продолжалъ путь въ Бухару», и обѣщалъ чрезъ пять дней отправить. Въ присутствіи посла, Ихтиматъ-Девлетъ сдѣлалъ распоряженія о томъ, чтобы приготовлены были подводы и все необходимое къ его отъѣзду; онъ говорилъ также, что замедленіе произо-

шло отчасти и отъ того, что дороги не безопасны; что теперь идетъ наше войско отъ Мешхеда къ Герату и что дороги будутъ очищены.

Между тѣмъ въ Тегеранъ прибылъ Турецкій посолъ. Возмущенія въ самой Персіи, торговые ея договоры съ Россіею и Франціею, война съ племенами Кавказскими и наконецъ слухи о союзѣ оборонительномъ съ Россіею, принудили Турцію вмѣшаться въ Персидскія дѣла. Такое вмѣшательство было непріятно Персіянамъ; они опасались Турціи. Долго Шахъ не хотѣлъ принять посла, стараясь напередъ развѣдать въ чемъ заключались его порученія. Помощію подарковъ имъ удалось узнать. Турецкій посолъ, какъ писалъ Беневени, былъ «человѣкъ зѣло къ деньгамъ похотливъ». Бывъ знакомъ съ нимъ еще въ Царьградѣ, Беневени съ своей стороны развѣдалъ съ какими порученіями онъ пріѣхалъ и увѣдомилъ о томъ Петра Великаго.

Еще въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михаиловича заключенъ былъ договоръ о провозѣ изъ Персіи шелка въ Россію чрезъ Астрахань. Эта торговля производилась прежде черезъ Смирну и доставляла большіе доходы Портѣ. Съ усиленіемъ сбыта въ Россію, Смирнскій путь началъ падать. Нѣсколько разъ Порта хотѣла принудить Персію прекратить торговлю съ Россіею; но это не удавалось. Въ настоящее время, пользуясь разстроеннымъ состояніемъ Персіи, Порта поручила своему послу требовать того же. Кромѣ того Турки хотѣли также прекратить торговлю Персіи съ Франціею въ Персидскомъ заливѣ и обратить ходъ торговыхъ каравановъ чрезъ свои земли. Чтобы придать силу своимъ требованіямъ, они объявляли притязанія на Эриванскую область и выговаривали Персіи за излишнюю дружбу съ Россіею, особенно же за то, что дозволила ей построить крѣпость — Низовую, на своей землѣ.

Въ отношеніи къ торговлѣ, послу отвѣчали Персіяне, что не могутъ заставить торговцевъ насильно избрать одинъ путь;

они ѣздятъ съ товарами туда, гдѣ имъ выгоднѣе продавать. «Съ Франціею заключены о торговлѣ договоры, которыхъ нарушить нельзя; но можно заключить новый торговый договоръ съ Турками. Что же касается до крѣпости, построенной Русскими, то Персія никому не дозволяла строить на своихъ берегахъ крѣпостей. Низовая не крѣпость, а мѣстечко для пристанища судовъ и притомъ выстроена въ безплодной степи, съ торговою цѣлью». Хотя съ Турецкимъ посломъ обходились ласково, угощали его и дарили, но избѣгали отвѣчать рѣшительно на требованія его и обѣщали отправить своего посла въ Константинополь для дальнѣйшихъ переговоровъ. Долго ожидая его отправленія, Турецкій посолъ, испуганный слухами о новыхъ возмущеніяхъ въ Персіи, отправился назадъ въ Константинополь. При свиданіи съ нашимъ посломъ, онъ жалѣлъ о смѣнѣ прежняго Ихтиматъ-Девлета, называлъ новаго глупымъ и говорилъ, что стоитъ Турціи поддержать Лезгиновъ со стороны Эривани, а Россіи съ моря ударить на Персію, чтобы она окончательно погибла.

Не смотря на всѣ обѣщанія отправить немедленно Беневени, его продержали еще долго. Персія желала союза съ Россіею и боялась его; назначила было своего посла въ Россію и не отправила его; радовалась слухамъ о войнѣ со Швеціею и возможной будто бы скоро войнѣ Россіи съ Турками. Беневени письменно требовалъ, чтобы его отправили, или чтобъ объявили причины, по которымъ задерживаютъ. Въ отвѣтъ ему прислали на имя Государя письмо, въ которомъ извинялись въ томъ, что задержали посла не по волѣ Шаха, а по винѣ Ихтимата-Девлета, который за это наказанъ, и потому, что дороги не безопасны. «Нынѣшнее Персидскаго двора поведеніе описать невозможно»,— писалъ въ Россію Беневени;—«ибо въ непостоянствѣ обрѣтается «и нынѣ по дирекціи въ доброе состояніе дѣла привесть весьма «трудно; всѣ министры генерально смотрятъ на свою прибыль, «и разсужденія объ интересѣ государственномъ никакого не

«имѣютъ, и такіе лгуны, что удивительно: на единомъ моментѣ «и слово даютъ и съ божбою запираются».

Беневени три раза имѣлъ свиданіе съ Шахомъ и жаловался, что его долго задерживаютъ. Раза три Шахъ при немъ приказывалъ Ихтиматъ-Девлету немедленно со всѣми почестями его отправить. Но время шло и посланника не отправляли. Наконецъ войска Персидскія двинулись къ Мешхеду; за ними хотѣлъ ѣхать самъ Шахъ; но получивъ внезапно извѣстіе о возмущеніи въ Испаганѣ, на-легкѣ отправился туда 23 апрѣля.

Опасаясь, чтобы до возвращенія Шаха не быть задержаннымъ въ Тегеранѣ, Беневени рѣшился лично говорить съ Шахомъ и настоятельно требовать отпуска. Въ тотъ же день онъ выѣхалъ за городъ, встрѣтилъ Шаха на дорогѣ, подалъ ему записку и требовалъ окончательнаго рѣшенія своей участи. Увидя посла, Шахъ остановился, смотрѣлъ на него съ изумленіемъ и принявъ записку сказалъ: «я думалъ, посланникъ, ты давно отправленъ; не сомнѣвайся: я немедленно прикажу исполнить твои требованія». Ихтиматъ-Девлетъ, находившійся подлѣ Шаха, поблѣднѣлъ, когда Шахъ, обратясь къ нему съ гнѣвомъ, спрашивалъ: для чего посланникъ до сихъ поръ не отправленъ?

На другой день Ихтиматъ-Девлетъ позвалъ назначеннаго для нашего посла пристава, вручилъ ему указъ объ отправленіи посланника и о подводахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ сказать Беневени, что ему не слѣдовало бы лично утруждать Шаха просьбою; во всякомъ случаѣ онъ получилъ бы въ тотъ же день указъ объ отпускѣ.

Однакоже и послѣ указа, около мѣсяца пришлось Беневени провести въ Тегеранѣ, пока собрано было достаточное число подводъ для его поѣзда. Наконецъ 25 мая 1721 года, онъ выѣхалъ въ Бухарію.

VIII.

Въ 1721 году, въ первыхъ числахъ ноября, Ф. Беневени прибылъ въ Бухару и принужденъ былъ оставаться тамъ до 8 апрѣля 1725 года. По пріѣздѣ, онъ принятъ былъ весьма ласково: за 10 верстъ отъ Бухары встрѣтилъ посла Топчи-баша съ 50 придворными служителями и проводилъ въ назначенный ему для помѣщенія загородный домъ. Но впослѣдствіи измѣнились къ нему отношенія, если не самаго Хана, то нѣкоторыхъ изъ сильнѣйшихъ Узбековъ, во власти которыхъ находился Ханъ.

Ханомъ въ Бухарѣ въ это время былъ молодой Сеите-Абулъ-Ѳеизъ-Мухамедъ-Богадырь-Ханъ, наслѣдовавшій власть послѣ отца Супханъ-Кули-Хана и брата своего Убадулага. Возведеніе его на Ханство не обошлось безъ смутъ; многіе изъ Узбековъ взбунтовались; часть ихъ сосредоточилась въ Балхѣ и избрала новаго Хана; другіе производили разбои по дорогамъ, задумали было погубить и самаго Хана и на его мѣсто посадить Хивинскаго Ширгазы. Но Абулъ-Ѳеизъ узналъ о заговорѣ, пригласилъ всѣхъ участниковъ къ себѣ въ гости и велѣлъ своей гвардіи умертвить ихъ. Изрублено было по повелѣнію Хана до 416 главнѣйшихъ Узбековъ. Гвардія же Хана состояла изъ Русскихъ плѣнныхъ, потомковъ ихъ и Калмыковъ; поданнымъ своимъ Ханъ не довѣрялъ. Вслѣдствіе сего происшествія Узбеки, всѣ болѣе или менѣе согласные въ намѣреніяхъ между собою, негодовали на Хана и на Русскихъ. Тогда прибылъ посолъ въ Бухару и поставленъ былъ на загородномъ дворѣ. Аталыкъ Фераетъ составилъ заговоръ, увѣдомилъ своего сына, который разбойничалъ въ степяхъ, чтобъ онъ напалъ на городъ и притомъ ограбилъ бы посла. Но Ханъ узналъ о заговорѣ, предалъ Аталыка смерти, а меньшаго сына посадилъ въ заключеніе. Въ тотъ же день нашему послу велѣно было въѣхать въ городъ и занять домъ убитаго Аталыка. Послѣ умерщвленья Узбековъ

успѣлъ убѣжать въ степь одинъ изъ сильнѣйшихъ между ними, Аталыкъ Каръ, собралъ шайку и захватилъ всѣ дороги въ Бухару. Долгое время ни откуда не могли провезти туда запасовъ. Городъ такъ обѣднялъ припасами, цѣны на нихъ такъ возвысились, что опасались уже всеобщаго возстанія; но во время прибытія нашего посла уже многіе изъ бунтовщиковъ Узбековъ помирились съ Ханомъ. Главнѣйшимъ образомъ возмущалъ Бухарцевъ Ширгазы Ханъ Хивинскій; но и Бухарцы платили ему тѣмъ же: они возмутили недовольныхъ имъ Аральцевъ, Узбековъ, обитавшихъ близъ Аральскаго моря, на островахъ, образуемыхъ Аму-Дарьею. Къ нимъ пристали нѣкоторые изъ Узбековъ Хивинскихъ и избрали Ханомъ 14-лѣтняго Темиръ-Султана, сына бывшаго Мусы-Хана, убитаго Хивинцами, возведшими послѣ него на Ханство Ширгазы. Его дѣти проживали по смерти отца въ Бухарѣ. Одинъ изъ нихъ избранъ былъ Ханомъ Аральцами; другой, старшій братъ—Балхинцами. Но Ширгазы владѣлъ большими сокровищами, и щедро награждая своихъ приверженцевъ, имѣлъ значительныя силы и могъ держаться. Всѣми способами хотѣлось ему извести Темиръ-Султана и отмстить Бухарцамъ. Онъ нанялъ Туркменовъ и поручилъ имъ напасть на его приверженцевъ. Но Туркмены, взявъ деньги съ одного Хана, заблагоразсудили надуть его, взяли также деньги съ Темиръ-Султана и ушли въ свои кочевья. Ширгазы придумалъ хитрость: отправилъ къ Темиръ-Султану своего любимца съ 4 Узбеками, Колумбая, того самаго, который былъ главнымъ виновникомъ погибели князя Черкасскаго. Явившись къ Темиръ-Султану, они сказали, что хотятъ служить ему и даже доставятъ случай погубить Ширгазы. Повѣривъ измѣнникамъ, Темиръ-Султанъ наградилъ Колумбая и по его совѣту хотѣлъ уже идти къ назначенному имъ мѣсту съ войскомъ, гдѣ будто бы можно было поймать и взять въ плѣнъ Хивинскаго Хана. Между тѣмъ Колумбай увѣдомилъ Ширгазы-Хана куда прибудетъ Темиръ-Султанъ, чтобы тамъ схватить его. Но письмо было перехвачено и досталось

въ руки Темиръ-Султана, который отрубилъ Колумбаю и четыремъ его товарищамъ головы и отправилъ ихъ къ Бухарскому Хану, увѣдомивъ о коварствѣ Ширгазы.

Нѣсколько разъ приходилось плохо то одному, то другому изъ Хивинскихъ Хановъ. Темиръ-Султанъ два раза нападалъ на самый городъ Хиву. Опасаясь своихъ Узбековъ, Ширгазы почти никому не довѣрялъ и всѣхъ опасался. Но его богатства еще удерживали ихъ въ повиновеніи. Узбеки брали деньги съ того и другаго Хана, и тому и другому измѣняли поперемѣнно. Темиръ-Султанъ находился постоянно въ дружескихъ сношеніяхъ съ Бухарою; Ширгазы за покровительство Темиръ-Султану, хотѣлъ было воевать съ Бухарою; но Узбеки отказались; онъ принужденъ былъ заискивать дружбы Бухарскаго Хана и нѣсколько разъ посылалъ къ нему пословъ.

Ширгазы болѣе всего опасался мщенія Россіи, а между тѣмъ приходившіе торговцы приносили извѣстія о военныхъ приготовленіяхъ въ Саратовѣ, Астрахани, по всему низовью Волги; разсказывали, что самъ Государь поведетъ въ походъ войска: куда?—никто не зналъ. Петръ Великій приготовлялъ въ это время походъ въ прикаспійскія области Персіи.

Посланникъ Ширгазы въ 1722 году говорилъ Бухарскому Хану, что весною Русскіе собираются идти въ Хиву. Если падетъ Хива, то и Бухарѣ будетъ плохо: имъ надо заключить миръ и соединиться противъ общаго врага, который грозитъ завоеваніемъ всему Мусульманству. Темиръ-Султанъ, извѣщая о томъ же, спрашивалъ совѣта у Бухарскаго Хана: какъ обходиться ему съ Русскими, когда они вступятъ въ Хиву. Ханъ отвѣчалъ: какъ съ друзьями, пока они не начнутъ противъ него враждебныхъ дѣйствій. Ширгазы уже намѣренъ былъ отправить въ Россію всѣхъ Русскихъ плѣнниковъ, чтобы задобрить Государя; но нѣкоторые изъ Узбековъ ему отсовѣтовали, говоря, что это не можетъ принести большой пользы. Онъ подсылалъ ихъ къ нашему

послу въ Бухару, прося его ѣхать на Хиву въ Россію и обѣщая свободный проѣздъ и всевозможныя почести.

Бухара находилась впрочемъ, въ сравненіи съ Хивою и Персіею, не въ лучшемъ положеніи. Узбеки, единоплеменники Хивинскимъ, негодовали на Хана; одни повиновались изъ страха и денегъ, другіе бунтовали. Младшій сынъ убитаго Аталыка Ферраетъ-бея ушелъ (въ іюлѣ 1722 года) изъ заключенія, присталъ въ степи къ разбойничьей шайкѣ своего брата, грабилъ повсюду и завладѣлъ двумя городами. Ханъ выслалъ противъ нихъ войско; но Узбеки ничего не сдѣлали; одинъ изъ нихъ, Аталыкъ Ибрагимъ-бей съ своею шайкою, даже ушелъ въ Самаркандъ, завладѣлъ городомъ и провозгласилъ Ханомъ двоюроднаго брата Ширгазы, котораго женилъ на своей дочери, и назвалъ Реджень-Ханъ. Въ Бухарѣ явились также два Хана, какъ и въ Хивѣ. Ибрагимъ-бей былъ богатъ и подкупомъ привлекъ на сторону новаго Хана многихъ Узбековъ. Они бунтовали, грабили окрестныя вокругъ Бухары села и грозили самому городу. Всѣ деревенскіе жители сбѣжались въ Бухару; и въ городѣ всѣ находились нѣсколько времени въ такомъ страхѣ и смятеніи, что самъ Ханъ едва не бѣжалъ. Около шести мѣсяцевъ въ такомъ положеніи находился городъ; новый Аталыкъ повелъ войско; но ничего не дѣлалъ; жаловался, что большая часть Узбековъ разбѣжалась; просилъ денегъ на жалованіе; требовалъ, чтобы самъ Ханъ шелъ на войну; но Ханъ не шелъ, опасаясь измѣны и, кажется, не напрасно. Нашъ посолъ, по крайней мѣрѣ, писалъ, что Узбеки только того и желаютъ, чтобы вызвать его въ поле и погубить. Еще прежде появленія новаго Хана, они требовали, чтобы онъ поѣхалъ въ Самаркандъ для окончательнаго посвященія въ Ханы. «Таковъ обычай»,—писалъ Ф. Беневени,—«что Бухарскіе Ханы ѣздятъ въ Самаркандъ для посвя-«щенія. Тамъ находится камень, о которомъ разсказываютъ, что «онъ съ неба упалъ. Если Ханъ сядетъ на него, то считаютъ «его настоящимъ Ханомъ, потому что ложнаго Хана, не изъ пря-

«мой линіи, этотъ камень далеко къ себѣ не подпускаетъ». Вызывая Хана изъ города, Узбеки хвастались, что завоюютъ Балхъ, гдѣ въ это время продолжались междоусобія. Но Ханъ не слушалъ Узбековъ; въ свой чередъ и они его не слушали; одни прямо измѣняли, другіе не хотѣли дѣйствовать противъ измѣнниковъ.

Въ такомъ положеніи находилась Бухарія во все время пребыванія тамъ Русскаго посла. Ласковая встрѣча со стороны Хана была непріятна Узбекамъ, и вражда у нихъ съ Ханомъ началась уже по случаю пріема посла. Въ это время прибылъ въ Бухару и посолъ Персидскій. Узбеки требовали, чтобы Ханъ принялъ его прежде Русскаго, представляя его вниманію, что Персіяне сосѣди съ ними, что необходимо поддерживать дружескія съ ними сношенія, между тѣмъ какъ Россія далеко и не доставляетъ имъ никакихъ выгодъ. Но Ханъ не послушалъ ихъ представленій и принялъ прежде Русскаго посла.

Декабря 6, 1721 года, Ханъ принялъ торжественно Беневени. Еще до пріема старшій евнухъ, любимецъ Ханскій, договорился съ посломъ объ обрядахъ и прочелъ рѣчь, которую онъ хотѣлъ произнесть Хану въ отвѣтъ на его привѣтствіе. Посолъ въѣхалъ верхомъ на дворъ Ханскій и кланялся Хану по Европейскому обычаю, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ пословъ, даже Персидскаго, который пѣшкомъ входилъ во дворъ Ханскій и кланялся до земли. Ханъ кивнулъ немного головою и поздравилъ посла съ пріѣздомъ. Посолъ отвѣчалъ длинною рѣчью на Турецкомъ языкѣ; но евнухъ далъ знакъ остановиться, неокончивъ рѣчи и приблизиться съ грамотою къ Хану. Посолъ вошелъ на ступеньки возвышенія, на которомъ сидѣлъ Ханъ, передалъ грамоту верховному изъ придворныхъ Кушъ-Беги, который одинъ стоялъ на ступеняхъ; онъ подвинулъ грамоту къ Хану, который положилъ на нее руку. Евнухъ самъ окончилъ рѣчь посла, на которую Ханъ отвѣчалъ по Русски: «хорошо,

изрядно». Посолъ требовалъ, чтобы ему дали особенное сѣдалище; но Ханъ на это не согласился, говоря, что Узбеки того не потерпятъ. Ему обѣщали второе мѣсто, но посадили однакоже на четвертомъ, и то произвело негодованіе въ Узбекахъ. Послѣ пріема, угощали посла обѣдомъ.

Съ пріема и до побѣга посла изъ Бухары прошло три года, въ продолженіе которыхъ онъ успѣлъ ознакомиться съ страною и собрать порученныя ему свѣдѣнія; но настоящей цѣли своего посольства не достигъ. Какъ ни старался посолъ повидаться и на единѣ переговорить съ Ханомъ, это ему не удалось. И самъ Ханъ, какъ ему казалось, желалъ въ тайнѣ повидаться съ нимъ; но опасался Узбековъ. «До сихъ поръ»,—писалъ Беневени отъ 10 марта 1722 года,—«я не имѣлъ случая переговорить съ Ханомъ; только говорилъ съ нимъ на гуляньѣ за городомъ, куда нарочно онъ приглашалъ съ собою; но и то при людяхъ. Я знаю навѣрное, что онъ желаетъ со мною на единѣ повидаться; но не знаетъ какъ бы это сдѣлать, чтобъ Узбеки не знали. При Ханѣ есть любимецъ евнухъ, у котораго въ рукахъ все управленіе; подарками я его подкупилъ и онъ меня поддерживаетъ». Чрезъ этого евнуха посланникъ велъ переговоры, предлагалъ заключеніе оборонительнаго союза съ Россіею и торговаго договора. Помощію Россіи Ханъ можетъ побѣдить и внутреннихъ враговъ своихъ, — говорилъ посолъ, — и сдѣлаться полновластнымъ. Соглашаясь на заключеніе торговаго договора, евнухъ не хотѣлъ и докладывать Хану о заключеніи оборонительнаго союза, опасаясь Узбековъ. Послѣ усильныхъ требованій посла, онъ доложилъ однакоже и принесъ отвѣтъ, что Ханъ не можетъ заключить союза, не имѣя нужды въ помощи: противъ него возстаютъ только нѣкоторые изъ Узбековъ, которыхъ онъ можетъ усмирить и своею силою. Подозрѣвая евнуха, Беневени вошелъ въ сношеніе съ Ханомъ, чрезъ его сестру и няньку; но и это не привело ни къ чему. Въ 1722 году іюня 29, когда посолъ праздновалъ день имянинъ Императора, Ханъ тайно былъ на

его дворѣ, хотѣлъ говорить съ нимъ; но не рѣшился, опасаясь Узбековъ. Наконецъ Беневени писалъ въ Россію отъ 4 марта 1723 года и просилъ Государя «высвободить его изъ коварныхъ «рукъ Узбековъ, чтобы понапрасну болѣе ему не мучиться «при семъ варварскомъ и безъ всякихъ правилъ правительствѣ». Дѣйствительно, чѣмъ долѣе оставалсявъ Бухарѣ посолъ, тѣмъ болѣе надъ благосклонностію къ нему Хана брало верхъ нерасположеніе Узбековъ. Первоначально ихъ пугали извѣстія о движеніи Русскихъ войскъ въ Персію и Хиву; потомъ, послѣ окончанія Персидскаго похода, они сдѣлались смѣлѣе; къ тому же приверженцы Ширгазы-Хана въ Хивѣ усиливались болѣе и болѣе. Всѣми силами они старались вредить нашему послу.

Еще вскорѣ послѣ пріѣзда въ Бухару, Беневени просилъ позволенія Хана отправить гонца въ Россію. Ему дозволено было послать его чрезъ Хиву къ Темиръ-Султану, откуда онъ долженъ былъ проѣхать къ Аюкѣ-Хану Калмыцкому, который бы проводилъ его въ Астрахань. Марта 23, 1722 года, Беневени отправилъ этимъ путемъ Грека Ивана Деменьтьева. Донося о состояніи Бухаріи, онъ просилъ дозволенія возвратиться и просилъ наставленія: какой путь долженъ избрать. — Гонецъ прибылъ въ Хазаръ-Аспъ, городъ признававшій власть Темиръ-Султана; но тамъ узналъ, что городъ этотъ уже отложился отъ него и покорился снова Ширгазы, который разбилъ своего противника. Скрывъ грамоту къ Темиръ-Султану, назвавшись съ своими спутниками просто торговыми людьми, гонецъ рѣшился ѣхать на Хиву. Но одинъ изъ Русскихъ плѣнныхъ, который обусурманился, донесъ Хану, что они ѣдутъ отъ Русскаго посланника. Ширгазы лично ихъ допрашивалъ, потомъ семь дней ихъ продержалъ въ Хивѣ въ заключеніи, грозилъ пыткою. Однако же они не признались и называли себя торговыми людьми, Турецкими подданными. Выѣхавъ изъ Хивы въ степи, они попались въ руки

Каракалпакамъ, которые ихъ ограбили. Кое-какъ сохранивъ письма, они добрались наконецъ до Астрахани.

Привезенныя ими письма Государь получилъ на дорогѣ въ Астрахань, отправляясь въ Персидскій походъ. Послу немедленно посланъ указъ, чтобы онъ ѣхалъ къ Государю, который будетъ находится въ прикаспійскихъ областяхъ Персіи (*). Но этого указа Беневени не получилъ. На новыя доношенія, отъ 4 марта 1723 года, ему отвѣчали предписаніемъ за подписью Канцлера Головкина и Остермана и писаннымъ цыфирью, чтобы онъ немедленно ѣхалъ бы какимъ заблагоразсудитъ путемъ въ Дербентъ, Ширванъ, Баку или Рештъ, гдѣ находятся Русскіе гарнизоны (**). «А въ Бухарѣ при настоящемъ смятеніи, —сказано въ предписаніи, —болѣе тебѣ быть не разсуждаемъ за потребно». — Но и это предписаніе дошло до Беневени только въ 1725 году марта 6. Отъ 16 марта того же мѣсяца, онъ отвѣчалъ, что «Бухарія находится въ крайнемъ раззореніи; всѣ дороги заняты шайками разбойниковъ и повсюду возмущенія. «На сихъ дняхъ получено извѣстіе, что прежній Ханъ взялъ «Балхъ и убилъ новаго Хана, брата Темиръ-Султана Хивинска«го. Послѣ отправленія моихъ писемъ въ два года, какія я вы«терпѣлъ смертельныя мученія при этомъ варварскомъ и непо«стоянномъ правительствѣ и описать невозможно. Сколько ни «старался объ отпускѣ моемъ, никакого рѣшенія получить не «могъ. Только обманываютъ подъ разными предлогами и прово«дятъ, постоянно обнадеживая, что проводятъ честно, если въ «Хивѣ будетъ Ханомъ Темиръ-Султанъ. Между тѣмъ онъ два «уже раза съ Аральцами и Каракалпаками подступалъ подъ Хи«ву и два раза со стыдомъ бѣжалъ. Прошлаго года августа 24, «послѣ того, когда уже все что имѣлъ роздалъ на подарки «здѣшнимъ министрамъ, упрашивая безпрерывно, чтобъ меня

(*) Указъ изъ Астрахани 14 іюля 1722 года.

(**) Предписаніе 5 декабря 1723 года.

«отпустили, я получилъ отъ Хана конжедъ-авдіенцію; онъ вру-«чилъ мнѣ и грамоту; но отпустили меня только на словахъ. «Хотя Ханъ приказалъ во всемъ меня удовлетворить и какъ «можно скорѣе отправить съ конвоемъ до Персидской границы; «но его министръ ничего не исполнилъ и продержали меня два «мѣсяца.» Между тѣмъ пришло извѣстіе, что Редженъ-Ханъ идетъ изъ Самарканда на Бухару. Въ городѣ снова началось смятеніе; самъ Ханъ хотѣлъ бѣжать. За тѣмъ начались такіе дожди, что до февраля мѣсяца и невозможно было выѣхать.

Наконецъ 16 февраля, посланникъ выѣхалъ изъ Бухары степью на Мешхедъ, чтобы оставить въ сторонѣ Мервъ, гдѣ производились по дорогамъ большіе разбои. Бухарское правительство изъявило согласіе на то, чтобы онъ отправился по этой дорогѣ, а между тѣмъ напередъ послало сказать Туркменамъ, чтобъ они напали на посла, убили его и ограбили. При самомъ посольскомъ караванѣ находилось нѣсколько шпіоновъ, которые ушли впередъ, чтобъ увѣдомить Туркменовъ. — Лишь только караванъ приблизился къ городку Чирки, находящемуся въ 10 верстахъ отъ Аму-Дарьи, еще за 4 дня до приближенія къ рѣкѣ, купцовъ Бухарскихъ, отправившихся вмѣстѣ съ нашимъ посланникомъ, увѣдомили изъ города, что имъ грозитъ опасность и совѣтовали возвратиться. Они показали письмо Беневени, хотѣли ѣхать назадъ; но онъ уговорилъ большую часть изъ нихъ продолжать путь. Когда пришли къ Чирки, по счастію сильный дождь задержалъ караванъ въ этомъ мѣстѣ до другаго дня; Беневени уже получилъ новыя и вѣрныя извѣстія, что по ту сторону рѣки ожидаютъ его Туркмены и нападутъ въ то время, когда онъ будетъ переправляться чрезъ рѣку и когда одна часть каравана переѣдетъ на другой берегъ, а другая останется на берегу противоположномъ. Не только Туркмены однакоже, но и Ханскіе Узбеки и Калмыки, гнались за нимъ когда онъ выѣхалъ изъ Бухары. — Беневени рѣшился возвратиться назадъ и прибылъ въ Бухару 2 марта. Чрезъ три дни онъ полу-

чилъ указы изъ Россіи, которыми уже дозволялось ему избрать такой путь для возвращенія, какой заблагоразсудитъ. Посолъ извѣстилъ Хана о случившемся съ нимъ; но не получилъ отвѣта; нѣкоторые изъ Узбековъ говорили даже, что онъ клевещетъ на Туркменовъ. Находясь въ крайнемъ смущеніи, онъ не зналъ на что рѣшиться. Наконецъ получилъ онъ извѣстіе, что у Хана былъ совѣтъ, на которомъ всѣ предлагали убить посла и не отпускать обратно въ Россію. «Только одинъ ближній Ханскій министръ «за меня постоялъ», — писалъ Беневени — «и такое варварское «намѣреніе отклонилъ,» доказывая Хану, что заслужитъ такую же худую славу, какъ и Ширгазы Ханъ Хивинскій за поступокъ съ Кн. Бековичемъ. — Послѣ сего извѣстія Беневени рѣшился бѣжать изъ Бухары и о своемъ намѣреніи увѣдомилъ Государя 1725 года марта 24.

Не смотря на постоянную опасность и страхъ, въ которыхъ находился нашъ посланникъ во все время пребыванія въ Бухарѣ, онъ исполнялъ по возможности возложенныя на него порученія и сообщилъ свѣдѣнія о состояніи торговли въ Бухарѣ и особенно о золотомъ пескѣ.

На дорогѣ въ Бухару, переправляясь чрезъ Аму-Дарью, онъ самъ осматривалъ песокъ на ея берегахъ и замѣтивъ въ немъ золотыя искры, взялъ нѣсколько горстей и отправилъ потомъ для образца въ Россію. Онъ посылалъ своихъ людей осматривать дальнѣйшіе берега рѣки и вездѣ песокъ оказался одинаковаго свойства, равно какъ и по берегамъ Куры. «Доношу,»—писалъ Беневени 10 марта 1722 года, — «что Аму-Дарья начало «свое имѣетъ не изъ золотыхъ рудъ, но въ нее впадаетъ рѣка Гиокча, изъ которой входитъ золотой песокъ въ Аму-Дарью. Послѣдняя рѣка вытекаетъ изъ горъ богатыхъ рудами, близъ Бадагшана. При ея верховьяхъ тамошніе жители находятъ въ горахъ крупныя зерна золота, особенно въ лѣтнее время. Когда остригутъ овецъ, ихъ шерсть кладутъ въ воду, зарываютъ въ грязь и песокъ, потомъ вынимаютъ на берегъ, просушиваютъ и

выбираютъ изъ нея чистое золото. Въ горахъ же добывать золото и серебро запрещено и тамошніе Беи держатъ вокругъ стражу.» Чтобы собрать подробнѣйшія свѣдѣнія о золотѣ, Беневени съ торговымъ караваномъ посылалъ, подъ видомъ купца, своего камердинера Минера въ Балхъ и Бадагшанъ. Въ дополненіе къ извѣстіямъ, сообщеннымъ посланникомъ, Минеръ, который пріѣзжалъ въ Москву гонцомъ съ его письмами, въ Посольской Канцеляріи словесно объяснилъ все, что удалось ему видѣть и слышать во время своего путешествія. Онъ разсказывалъ, что въ Балхъ изъ Бухары 12 дней, по верблюжьему ходу; оттуда 8 дней въ Бадагшанъ. Оба города «вольные» и состоятъ подъ властію особыхъ Хановъ, торгуютъ Бухарскими и Русскими товарами, вымѣнивая оныя на золотой песокъ; золото и серебро получаютъ въ Балхѣ изъ Бадагшана, гдѣ добываютъ его изъ Аму-Дарьи въ лѣтніе мѣсяцы года, въ іюнѣ, іюлѣ, августѣ и сентябрѣ, во время жаровъ, когда убываетъ вода. «Это золото натуральное,» а не руда, и достаютъ его изъ песку. Песокъ вынимаютъ и моютъ въ котлахъ, высушиваютъ на кожахъ, потомъ бьютъ по кожамъ прутьями, отъ чего песокъ отвѣвается, а золото остается. Хотя въ очищенномъ такимъ образомъ золотѣ еще находится въ незначительномъ количествѣ песокъ, но онъ выгараетъ при плавкѣ. Все это Минеръ разсказывалъ по слухамъ отъ жителей Балха; самъ же не видалъ, какъ добывается золото, потому что посѣщалъ Балхъ осенью въ ноябрѣ мѣсяцѣ. «Въ мирное время изъ Бадахшана чрезъ Балхъ и Онхой ежегодно ходило отъ 2 до 4 каравановъ въ Мешхедъ съ золотомъ. Тамъ передѣлывали его въ Персидскія деньги и на нихъ покупали товары. Въ той же рѣкѣ золото находятъ въ Кангарѣ, Мариславѣ, Индиджанѣ и Ташкентѣ». По извѣстіямъ, собраннымъ Беневени, «переправившись черезъ Аму-Дарью, «чрезъ 4 дня ходьбы степью, мѣстность совершенно измѣняет«ся, появляются богатыя поселенія, засѣянныя поля; за пять «дней до Бадагшана начинаются горы, но плодоносныя». — Но

и въ пустынной Бухарѣ находится много мѣди, квасцовъ, свинцу и желѣза. Существуетъ преданіе, что и въ Хивѣ найдено было серебро; но добываніе его оставлено изъ опасенія, чтобы не возбудить зависти въ сосѣдяхъ и тѣмъ не подать повода къ войнѣ.

Какъ Беневени, такъ и Минеръ сообщали также, что не вдалекѣ отъ Бадагшана есть копи «*лалла*»; но они за печатью Хана и Беевъ, и добывать камней никому не позволено, равно и lapis lazuli; но не смотря на запрещеніе, ими торгуютъ.

Въ отношеніи къ теченію Аму-Дарьи, свѣдѣнія, доставленныя посланникомъ, подтверждали прежнія показанія князя Черкасскаго. Онъ увѣрялъ, что дѣйствительно рѣка впадала прежде въ Каспійское море, но только однимъ устьемъ; другимъ же всегда втекала въ Аральское. Для чего пересѣчено теченіе рѣки въ Каспійское море и когда это случилось, никто въ Бухарѣ не могъ сообщить свѣдѣній Беневени. Одни говорили, что рѣка высыхала по мѣрѣ того, какъ пустѣли бывшія нѣкогда по ея берегамъ поселенія; другіе разсказывали, что тамъ обитало племя непокорное, которое нападало часто на Хиву и Бухару. Узбеки собрались вмѣстѣ, рѣшились истребить его, и для того пресѣкли теченіе рѣки къ Каспійскому морю.

Торговля въ Бухарѣ нѣкогда была довольно значительна; но въ послѣднее время упала отъ постоянныхъ возмущеній Узбековъ; ни по одной дорогѣ безопасно не могутъ ходить караваны. Узбеки всѣхъ грабятъ, будетъ ли то Русскій или бусурманинъ, имъ все равно. Поэтому пріѣзжій торговецъ не можетъ здѣсь продать весь свой товаръ на наличныя деньги; но долженъ отдавать въ долгъ, а ему будутъ уплачивать по мѣрѣ разпродажи изъ лавокъ. Это отъ того, что нѣтъ богатыхъ торговцевъ въ Бухарѣ; а если бы и нашлись, то не открываютъ своего имущества, опасаясь Узбековъ. Кромѣ того есть и другая причина худаго состоянія торговли: если торговецъ купитъ на наличныя деньги товаръ и продержитъ его три года; то можетъ возвра-

тить его назадъ продавцу и взять свои деньги. По понятіямъ Узбековъ о правѣ, это считается возможнымъ. Что касается до здѣшнихъ товаровъ, то нѣкоторые годятся для Россіи; а Русскій товаръ здѣсь необходимъ. Но посолъ жаловался, что въ послѣднее время Нагайцы наносятъ сильный вредъ Русской торговлѣ съ Хивою и Бухарою. Съ тѣхъ поръ, какъ послѣ экспедиціи князя Бековича прекратились мирныя сношенія наши съ Хивою и изъ Астрахани перестали туда ходить Русскіе караваны, Нагайцы и Татары продолжали контрабандный торгъ Русскими товарами. Тайно и безъ платы пошлинъ, получая товары изъ Саратова и Астрахани, они отпускали караваны въ Хиву. Во время пребыванія нашего посла въ Бухарѣ, приходили два такіе каравана. Въ числѣ многихъ Русскихъ товаровъ, находились и запрещенные къ вывозу, именно олово и ружейные стволы. Эти караваны приходили въ большомъ количествѣ въ Хиву; въ Бухару привозили уже остатки товаровъ, непроданныхъ въ Хивѣ. Разумѣется товаръ, привезенный безъ платы таможенныхъ пошлинъ, продавался дешевле, нежели могли продавать его прежде Русскіе купцы. Нашъ посланникъ хотѣлъ было вступиться и отобрать запрещенный товаръ; но Татары объявили себя не Русскими подданными, а правительство Бухарское за нихъ вступилось.

Русскіе плѣнные безпрерывно являлись къ Беневени, прося ихъ выкупить или милостыни на пропитаніе. Въ Бухарѣ при Ханѣ и Узбекахъ онъ насчитывалъ этихъ плѣнныхъ до 250, а во всемъ городѣ до 1000 ч. Носился слухъ, что во всей Бухаріи находится плѣнныхъ Русскихъ до 2000, а въ Хивѣ и Аралахъ до 1500. Многихъ онъ выкупилъ и привезъ потомъ съ собою. Городъ Бухара, по извѣстіямъ посланника, простирается до 12 верстъ въ окружности, обнесенъ полуобвалившимся валомъ; въ немъ 15 тысячъ мазанокъ и въ срединѣ обнесенный стѣнами кирпичными Медресъ или Ханскій дворецъ съ башнею и нѣсколько мечетей. Немногіе изъ Узбековъ употребляютъ ружья; другіе

имѣютъ луки и копья; пушекъ вовсе не употребляютъ. Въ городѣ было до 13 пушекъ безъ лафетовъ; но изъ нихъ только изъ одной стрѣляли во время праздниковъ. Бухарцы сами дѣлаютъ порохъ. Главный промыслъ жителей состоитъ въ скотоводствѣ; страна бѣдна и мало представляетъ произведеній для торговли. Минеръ, вмѣстѣ съ страннымъ разсказомъ о маннѣ, которая падаетъ съ неба въ видѣ сахара, въ степи около Карса, увѣрялъ также, что въ Бухаріи «водится краска *кермезъ*, а по Нѣмецки *кушенила;* ею красятъ шелкъ и сукна, которыя называютъ кармасинами».

IX.

Во время пребыванія въ Бухарѣ, Беневени получилъ нѣсколько писемъ отъ Хивинскаго Хана и его любимца Достумъ-Бея. Они приглашали его возвратиться въ Россію со всѣми Русскими купцами чрезъ Хиву, обѣщали принять и отпустить его со всѣми почестями, дать свободный пропускъ чрезъ Хивинскія владѣнія и даже провожатыхъ до границъ Русскихъ. Но Беневени отвѣчалъ, что не можетъ ѣхать на Хиву по двумъ причинамъ: вопервыхъ не имѣетъ на то указа отъ своего Государя, вовторыхъ опасается Бухарскаго Хана, который явно объявляетъ себя врагомъ Хивы. Беневени увѣдомлялъ однакоже Ширгазы, что недоволенъ Бухарскимъ Ханомъ и желалъ бы въ этомъ случаѣ поступить противъ его воли; что потому писалъ уже къ Императору, испрашивая разрѣшенія ѣхать на Хиву и весьма бы желалъ «привести его къ миру съ Хивою.» Посолъ вовсе не имѣлъ намѣренія ѣхать въ Хиву; но писалъ такъ къ Хану для того только, чтобы расположить его въ свою пользу на всякій случай. Настоящія намѣренія Беневени не укрылись однакоже отъ Хивинцевъ. Достумъ-Бей, узнавъ отъ прибывшихъ изъ Бухары купцевъ, что Беневени намѣренъ ѣхать въ Россію на Мешхедъ, при-

сылалъ къ нему два раза сказать, что будетъ худо, если поѣдетъ на Персію, а не на Хиву. Еще въ 1721 году, когда Беневени ѣхалъ въ Бухарію, Хивинцы выслали въ степь Туркменовъ съ тѣмъ, чтобы поймать Русское посольство. Хотя это не удалось, однакоже изъ словъ Достумъ-Бея, Беневени понялъ, что онъ намѣренъ и теперь поступить такимъ же образомъ. Онъ написалъ письма къ Хану Ширгазы и Достумъ-Бею; въ этихъ письмахъ онъ говорилъ, что желаетъ повидаться съ ними и не смотря на то, что не получилъ еще отъ своего двора разрѣшенія, намѣренъ ѣхать въ Хиву, изъ Бухары прямо къ Аму-Дарьѣ, а оттуда рѣкою къ Азарасу (*). Потому просилъ приготовить въ этомъ мѣстѣ барки и конвой для провожанія.

Посланный отъ Беневени съ письмами Татаринъ имѣлъ свиданіе съ Ханомъ и Достумъ-Беемъ; они приняли его ласково и поручили объявить посланнику, чтобъ онъ ѣхалъ въ Хиву безъ всякаго сомнѣнія. Какъ только они получатъ извѣстіе о его выѣздѣ, то конвой ему для провожанія будетъ готовъ. Однакоже гонцу не дали ни помѣщенія, ни корма, отказали въ подводѣ для обратнаго пути и спрашивали даже привезъ ли онъ подарки Хану и ето любимцу.

Беневени смущали обѣщанія Хивинцевъ; онъ не вѣрилъ имъ и предполагалъ, что его зазываютъ только съ тѣмъ, чтобъ обобрать. Полученное имъ изъ Хивы отъ одного изъ своихъ знакомыхъ письмо еще болѣе укрѣпило его подозрѣнія. Онъ совѣтовалъ ему не полагаться на предательскія обѣщанія Ширгазы-Хана. Посолъ впрочемъ и не имѣлъ намѣренія ѣхать въ Хиву. Онъ переписывался съ Ханомъ только за тѣмъ, чтобъ увѣрить его въ своемъ желаніи ѣхать въ Хиву, и тѣмъ отклонить его отъ злаго умысла подослать на дорогу Туркменовъ, чтобъ они ограбили и взяли въ плѣнъ Русское посольство.

(*) Должно быть Хазаръ-Аспъ, отстоящій на 57 верстъ отъ Хивы (см. Записки Импер. Русск. Геогр. Общества. V, стр. 111).

Но послѣ неудачной попытки проѣхать на Мешхедъ и провѣдавъ о коварныхъ замыслахъ Бухарцевъ, Беневени рѣшился бѣжать изъ Бухары въ Хиву; другаго способа возвратиться въ Россію не оставалось.

8-го апрѣля 1725 года, никому не говоря ни слова о своемъ намѣреніи, кромѣ одного Русскаго купца, которому оставлялъ все свое имущество, Беневени съ проводникомъ Татариномъ отправилъ впередъ четырехъ водовозныхъ верблюдовъ. Потомъ въ полночь, съ 27 человѣками, выѣхалъ самъ изъ Бухары и скакалъ не останавливаясь до степи. Уже былъ день, когда онъ достигъ степи, гдѣ близъ одного источника нагналъ своихъ верблюдовъ. Запасшись водою, поѣздъ продолжалъ путь по безводной степи въ нестерпимый жаръ. Въ третій день прибыли къ колодцамъ: въ нихъ вода была соленая и вонючая; но и такой были рады; иначе поколѣли бы всѣ лошади. На четвертый день приблизились къ Аму-Дарьѣ, и два дни продолжали путь берегомъ до перевоза у города *Азараса* (Хазаръ-Аспъ).

Переѣхавъ на другую сторону рѣки, посолъ остановился въ загородномъ Ханскомъ домѣ, гдѣ приняли его ласково. Оттуда онъ отправилъ двухъ гонцевъ объявить Хану и его любимцу о своемъ прибытіи и просить помѣщенія не въ Хивѣ, но за городомъ, чтобы въ случаѣ нужды легче было убѣжать. На другой день, 18 апрѣля, не дожидаясь возвращенія гонцевъ своихъ, посолъ отправился къ Хивѣ и 19 числа встрѣтилъ ихъ въ четырехъ верстахъ подъ Хивою. Гонцы возвращались къ нему съ вѣстью о томъ, что Ханъ радуется его прибытію, а Достумъ-Бей назначилъ для его помѣщенія свой собственный загородный домъ, лучшій въ сравненіи со всѣми другими.

За двѣ версты отъ города, посла встрѣтилъ Маймандаръ съ 15 человѣками, поздравилъ съ пріѣздомъ и замѣтивъ, что онъ былъ въ дорожномъ платьѣ и въ бородѣ, просилъ переодѣться покрасивѣе для чести Хана. Посолъ переодѣлся во «Француз-

ское платье. При въѣздѣ въ городъ, его встрѣтилъ самъ Достумъ-Бей и проводилъ до назначеннаго ему дома.

Провожая посла, Достумъ-Бей изъявлялъ удивленіе, что онъ такъ долго не ѣхалъ въ Хиву, не смотря на ихъ увѣренія въ безопасномъ проѣздѣ. Потомъ прибавилъ: «быть можетъ ты не «вѣрилъ моимъ словамъ».

«Я вѣрилъ обѣщаніямъ твоимъ и Хана,»—отвѣчалъ посланникъ;—«не ѣхалъ же долго по многимъ причинамъ. Вопервыхъ «самовольно, безъ указа моего Государя, ѣхать не могъ. Я писалъ и просилъ разрѣшенія; но гонецъ, который везъ ко мнѣ «письма, убитъ дорогою. Предполагаю, что въ этихъ письмахъ «Государь разрѣшилъ мнѣ ѣхать на Хиву. Вовторыхъ я опасался Бухарскаго Хана, врага Хивы, который постоянно стращалъ «меня судьбою князя Бековича и не совѣтовалъ ѣхать въ Хиву «прежде, нежели сдѣлается Ханомъ Темиръ-Султанъ.—Чтобы «не дать повода къ подозрѣнію Бухарцамъ, я поѣхалъ на Мешхедъ, съ тою цѣлью, чтобы прибывъ къ Аму-Дарьѣ, повернуть въ «Хиву; но злые умыслы Туркменцевъ меня принудили возвратиться назадъ. По возвращеніи я получилъ и указъ отъ Государя, «который разрѣшилъ мнѣ избрать безопасную дорогу для возвращенія, по моему усмотрѣнію. Потому лишь только нашелъ «удобный случай, я прибылъ сюда, ибо всегда считалъ дорогу «на Хиву для себя *безопаснѣе*, *выгоднѣе* и *почетнѣе*.»

«Въ какомъ смыслѣ,» — спросилъ Достумъ-Бей, — «ты считалъ дорогу на Хиву для себя почетнѣе?»

«Я такъ долго прожилъ въ Бухарѣ,»—отвѣчалъ посолъ, почти безполезно для дѣла; со мною обходились дурно, не смотря на «многіе съ моей стороны подарки. Здѣсь я надѣюсь, по крайней «мѣрѣ, что Ханъ приметъ меня съ должною честію и употребитъ для общей пользы, чтобы утвердить *святой* миръ между «обоими народами.»

Такой отвѣтъ замѣтно понравился Достумъ-Бею. «Ты говоришь сущую правду,»—сказалъ онъ;—«такое дѣло доставитъ не

«только тебѣ, но и твоимъ дѣтямъ и внукамъ славу и пользу въ «роды родовъ. Бухарцы злословятъ нашего Хана потому, что «попробовали его силу, да и еще попробуютъ.»

Проводивъ до дому посла, Достумъ-Бей возвратился назадъ въ городъ.

Хивинцы дѣйствительно желали, чтобы пріѣхалъ къ нимъ Русскій посолъ. Многіе изъ Узбековъ были недовольны поступкомъ Хана съ княземъ Черкасскимъ и впослѣдствіи, ожидая отмщенія со стороны Россіи, постоянно его укоряли. Это происшествіе послужило однимъ изъ поводовъ недовольнымъ присоединиться къ Аральцамъ и съ ними избрать новаго Хана Темиръ-Султана, который постоянно велъ войну съ Ширгазы. Отношенія Хивы къ Бухарѣ и Персіи были также враждебны. Естественно было желать имъ мира съ Россіею; но страхъ и жажда корысти въ дикаряхъ боролись съ желаніемъ мира.

Въ тотъ же день вечеромъ горожане принесли кормъ послу, а черезъ три дня снова явился къ нему Достумъ-Бей. Въ разговорѣ съ посломъ онъ между прочимъ спросилъ его: согласится ли Русскій Государь заключить съ ними миръ и по прежнему разрѣшитъ ли свободный торгъ?

«Нашъ Государь милостивъ,» — отвѣчалъ посолъ, — «и вѣроятно согласится, если только Ханъ будетъ поступать справедливо и благоразумно въ отношеніи къ Россіи. Предполагаю, что Ханъ получилъ отъ Государя грамоты; съ ними и долженъ соображать свои дѣйствія».

Достумъ-Бей усмѣхнувшись сказалъ: «Нынѣ мы равны: Ханъ убилъ князя Черкасскаго, а у васъ отравили нашего посла».

Послѣ экспедиціи князя Черкасскаго, посланный въ Россію гонецъ изъ Хивы тамъ заболѣлъ и умеръ.

«Странная новость»! — отвѣчалъ посолъ; — «не сердись, если прямо скажу, что это ложъ. Между Христіанскими Государствами неслыхано, чтобы отравляли пословъ. Притомъ, еслибъ Государь хотѣлъ наказать вашего посла, то предалъ бы его смерти,

явно и всенародно, а не тайно, отравою. Онъ слишкомъ могущественъ для того, чтобы прибѣгнуть къ такому средству; это показало бы, что онъ боится Хивинцевъ! Вы говорите, что князь Черкасскій вошелъ въ вашу землю непріятельски. Это неизвѣстно моему Государю, который посылалъ его съ мирною цѣлью. Но во всякомъ случаѣ вы должны были его арестовать и жаловаться; а разсудилъ бы дѣло нашъ Государь».

Достумъ-Бей снова усмѣхнулся: «Посолъ, ты говоришь разумно и справедливо; но дѣло уже сдѣлано. Ханъ тогда не былъ полновластенъ. Я былъ въ отлучкѣ въ Бухарѣ посломъ, а то не допустилъ бы его до такого поступка. Но должно забыть прошлое; если Государь захочетъ мира, то Ханъ отдастъ ему всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ».

Чтобы прервать разговоръ, посолъ спросилъ, когда Ханъ назначитъ ему свиданіе. На дняхъ обѣщая увѣдомить, Достумъ-Бей возвратился домой и чрезъ два дни прислалъ сказать, что свиданіе будетъ скоро; чтобъ онъ приготовилъ подарки для Хана, для него самаго Достумъ-Бея и для Узбековъ, и чтобы напередъ показалъ бы ему.

«Имъ хотѣлось обобрать меня, вмѣсто того, чтобъ меня дарить», — замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Беневени.

Онъ послалъ сказать Достумъ-Бею, что истратилъ все, что имѣлъ въ Бухарѣ и не имѣетъ достойныхъ Хана подарковъ, но покажетъ ему все, что осталось.

Беневени приготовилъ пару черныхъ лисицъ, серебряные часы и чайникъ, дюжину фарфоровыхъ чашекъ, шесть кусковъ серебрянаго позументу, зеркало съ янтарною рамкою и т. под. Осмотрѣвъ подарки, Достумъ-Бей, молча, вышелъ изъ комнаты и дорогою говорилъ: «онъ думаетъ отдѣлаться такими ничтожными подарками; нѣтъ, теперь онъ въ нашихъ рукахъ. Умѣлъ дарить Бухарцевъ, и отсюда даромъ не уѣдетъ».

Сіи слова были переданы Беневени и сильно его смутили. Достумъ-Бей, какъ онъ выражался, «имѣетъ значеніе болѣе са-

маго Хана; его трепещетъ вся страна; это человѣкъ дьявольскаго духа и силы». Надо было всѣми способами его задобрить. Посолъ отправилъ къ нему Татарина, чтобъ просить его совѣта на счетъ подарковъ: «были у меня еще два серебряные кушака; но они остались въ Бухарѣ; если хочетъ Достумъ-Бей, то можетъ ихъ выписать».

«Я желаю добра посланнику», — отвѣчалъ Достумъ-Бей; — «хорошо если будетъ онъ меня слушать. Надо подарить сукно, а кушаки поставить въ списокъ подарковъ и представить ихъ послѣ, когда получитъ изъ Бухаріи». Назначилъ онъ и купца, у котораго должно купить сукно, и восемь Узбековъ, которымъ надо дарить. Это сукно принадлежало самому Достумъ-Бею, какъ узналъ Беневени. По его приказанію, на другой же день купецъ принесъ къ послу сукно, а вслѣдъ за нимъ пришелъ и Достумъ-Бей. Когда сукно было куплено, онъ распредѣлилъ подарки Узбекамъ по своему выбору, уже не восьми, но 24-мъ, заставляя посла брать въ долгъ вещи, которыхъ онъ не имѣлъ, сходилъ въ конюшню и выбралъ двухъ коней для Хана. Сукно велѣлъ тайно прислать къ себѣ, и когда оно было прислано, онъ отмѣрилъ себѣ на кафтанъ, а остальное отослалъ обратно послу, чтобъ подарилъ Хана. Опасаясь той же участи, какая постигла князя Бековича, Беневени рѣшился терпѣливо перенести всѣ грубые поступки корыстолюбиваго Ханскаго любимца.

Апрѣля 24, Ханъ принималъ Русскаго посла. Въ первой палатѣ дворца, онъ нашелъ знатнѣйшихъ Хивинцевъ. Старшій и самый важный Наибъ поздравилъ его съ пріѣздомъ, говоря, что примутъ его какъ гостя; ибо является мирно, не такъ какъ приходилъ князь Бековичъ. «Не могу вѣрить», — отвѣчалъ посолъ, — «чтобы враждебно дѣйствовалъ князь Бековичъ; ибо знаю, что намѣренія Государя были мирны».

«Какъ же нѣтъ?» — отвѣчалъ Наибъ; — «онъ построилъ двѣ крѣпости и сражался съ Ханскими войсками».

Прервавъ разговоръ, посолъ сказалъ: «въ семъ мірѣ кто грѣ-

шитъ, тотъ и страждетъ; кто ищетъ зла, тотъ самъ подвергается злу. Посолъ приноситъ войну или миръ. Я пришелъ съ миромъ; три года пробылъ въ Бухаріи, гдѣ приняли меня недружелюбно, хотя я полагалъ, что ѣду въ страну дружественную. Дай Богъ еслибъ здѣсь, въ странѣ непріятельской, я нашелъ пріязнь и миръ».

Рѣчь посла произвела доброе дѣйствіе. «Да будетъ такъ»!— повторило все собраніе; всѣ встали съ своихъ мѣстъ и отправились къ Хану, куда вслѣдъ за тѣмъ пригласили и посла.

Ласково его встрѣтилъ Ханъ словами: «Добро пришелъ столько разъ приглашаемый и такъ давно ожидаемый посолъ». Посолъ отвѣчалъ рѣчью, въ которой изъяснилъ, что давно желалъ пріѣхать въ Хиву, но не могъ долго исполнить своего желанія по тѣмъ же причинамъ, о которыхъ уже прежде онъ писалъ Хану.

Отвѣчая на рѣчь, Ханъ бранилъ Бухарцевъ, грозилъ имъ и увѣрялъ посла, что здѣсь его примутъ не такъ, какъ въ Бухаріи; но съ должною почестью; отпустятъ въ Астрахань когда ему будетъ угодно и дадутъ конвой. Упомянулъ также о князѣ Черкасскомъ, но прибавилъ: «ты приносишь миръ и поѣдешь съ миромъ». Послѣ угощенья обѣдомъ, посла отпустили домой.

Чрезъ восемь дней, наканунѣ Рамазана, Ханъ пригласилъ посла съ тремя человѣками изъ свиты на праздникъ, въ свой загородный садъ. При Ханѣ находились только Наибъ Хаджи, Достумъ-Бей и трое ближнихъ Узбековъ; они тѣшились музыкой. Ханъ говорилъ съ посломъ еще ласковѣе прежняго, и онъ съ своей стороны оказывалъ всевозможное уваженіе.

Въ разговорѣ Ханъ за тайну сказалъ послу: «Государь вашъ не знаетъ намѣреній князя Бековича, который дѣйствовалъ для своей личной выгоды». За тѣмъ Ханъ, браня Бухарскаго посла Кули-Хана, спросилъ: съ какою цѣлью ѣздилъ онъ въ Россію?

«Объявить, что у нихъ въ Бухарѣ новый Ханъ Абдулъ-Феисъ», — отвѣчалъ посолъ; — «и мое порученіе заключалось

въ томъ, чтобы поздравить его съ Ханствомъ». Продолжая шутливо разговоръ, Ханъ спрашивалъ посла, какая страна ему болѣе нравится, Хива или Бухарія?

«Обѣ хороши», — отвѣчалъ посолъ; — «но слишкомъ климатъ жарокъ и вреденъ для меня, такъ что холода Русскіе мнѣ пріятнѣе».

«Но Бухарія богата», — продолжалъ Ханъ; — «въ ней находятся золотыя руды?»

Понимая значеніе вопроса, которымъ Ширгазы хотѣлъ выпытать, какія свѣдѣнія собралъ посолъ о золотѣ, находящемся въ Хивѣ и Бухаріи, Беневени смѣясь отвѣчалъ: «еслибъ въ Бухарѣ находилось золото, то оно было бы дешево; почему же оно дороже нежели въ Россіи? Это доказываетъ, что Россія изобильнѣе металлами».

Распросивъ посла, гдѣ въ Россіи находятся золотыя руды, онъ просилъ его объяснить употребленіе бомбъ и гранатъ. Когда посолъ объяснялъ ихъ дѣйствіе, всѣ присутствовавшіе слушали съ изумленіемъ и страхомъ, переглядываясь другъ съ другомъ. Говоря о Русскихъ войскахъ, Ширгазы хвалилъ казаковъ; Беневени, отдавая имъ справедливость, прибавилъ однакожъ, что регулярныя войска Русскія еще лучше; ихъ 10 тысячь можетъ устоять противъ 100 тысячь нерегулярныхъ; они никогда не отступаютъ.

На это Ханъ отвѣчалъ, что Хивинцы не таковы: если въ одно или два нападенія имъ не удастся сбить непріятеля, то они отступаютъ, спасая свою жизнь.

Достумъ-Бей сказалъ послу, чтобы онъ просилъ Хана отправить съ нимъ и Хивинскаго посла въ Россію. Ханъ согласился охотно, когда предложилъ ему Беневени, и сказалъ, что велитъ объявить повсюду, будто онъ не поѣдетъ до осени, съ тѣмъ, чтобы на дорогѣ не поджидали его разбойники.

Это извѣстіе смутило Беневени; онъ предполагалъ, что его не хотятъ выпустить изъ Хивы, о чемъ къ нему доходили уже вѣсти и прежде.

Но Достумъ-Бей однакоже замѣтилъ Хану: вслѣдствіе такого распоряженія могутъ подумать, что посолъ арестованъ и тогда купцы изъ Россіи не поѣдутъ въ Хиву.

Тогда Ханъ рѣшилъ: въ такомъ случаѣ не назначая срока, говорить только, что въ настоящее время посолъ еще не ѣдетъ.

Когда посолъ вышелъ, чтобъ ѣхать домой, Ханъ еще оставался съ своими Узбеками и удивлялся познаніямъ посла и ловкости, съ какою онъ отвѣчалъ на его вопросы, особенно о золотѣ. «Дай Богъ, чтобъ онъ дѣйствительно не зналъ, что и у насъ есть золото», — прибавилъ Ширгазы.

Въ продолженіе Рамазана, посолъ постоянно просилъ объ отпускѣ, и между тѣмъ вошелъ въ дружескія сношенія съ Наибомъ Хаджи, который потомъ постоянно поддерживалъ его сторону. По окончаніи Рамазана, Ханъ держалъ совѣтъ съ Узбеками о томъ: отпустить ли посла или задержать и снестись напередъ съ Астраханскимъ Губернаторомъ. Ханъ полагалъ, что не слѣдовало бы его отпускать; ибо онъ хорошо узналъ ихъ страну. Узбеки согласились съ мнѣніемъ Хана; но Наибъ Хаджи возсталъ противъ него, говоря, что если хотимъ искать мира съ Россіею, то съ честію должны отпустить посла. Что же касается до извѣстій о нашихъ странахъ, то онъ могъ уже сообщить ихъ давно въ Россію съ гонцами, которыхъ посылалъ изъ Бухаріи.

Совѣтъ разошелся, не постановивъ окончательнаго рѣшенія. Между тѣмъ Беневени усильно требовалъ отпуска; Наибъ Хаджи его поддерживалъ. Наконецъ ему приказали готовиться къ отъѣзду. По совѣту Достумъ-Бея, онъ продалъ за безцѣнокъ закупленныя имъ въ Бухарѣ овчины, чтобъ пріобрѣсти верблюдовъ и лошадей. Наибъ Хаджи избралъ и посла Хивинскаго въ Россію; Ханъ утвердилъ его въ этомъ званіи; но медлилъ отпустить Беневени и не назначалъ прощальнаго свиданія.

Такъ прошло время до 10 іюня. Между тѣмъ Достумъ-Бей постоянно притѣснялъ и обиралъ посла, хотѣлъ взять съ него за выкупленныхъ имъ въ Бухарѣ 40 плѣнниковъ Русскихъ по-

вый выкупъ, насильно бралъ принадлежавшія ему вещи и коней. Когда Беневени замѣтилъ ему о неприличіи такихъ поступковъ, онъ отвѣчалъ, что посолъ долженъ бы считать это за честь. Достумъ-Бей поссорился съ Наибомъ-Хаджею за избраннаго имъ посла въ Россію, и какъ видно, поощрялъ Хана задерживать посла какъ можно долѣе, чтобы долѣе обирать у него имущество.

Наконецъ Беневени вышелъ изъ терпѣнія и хотѣлъ бѣжать также, какъ изъ Бухары, съ 10 человѣками. Онъ послалъ сказать Хану, что не можетъ на свой счетъ такъ долго содержать верблюдовъ и лошадей, приготовленныхъ для поѣзда. Если намѣрены его задерживать, то дали бы ему средства для содержанія. Ему отвѣчали: зачѣмъ онъ спѣшитъ въ дорогу въ такіе жаркіе дни? пусть подождетъ немного, скоро будетъ отпущенъ.

Между тѣмъ посолъ выслалъ на торгъ продавать своихъ лошадей и верблюдовъ. Узнавъ объ этомъ, Ханъ прислалъ ему сказать: «быть можетъ ты собираешься въ путь: я не хочу тебя задерживать насильно; но совѣтую только не отваживаться; ибо дороги опасны». На другой день явился и Достумъ-Бей съ похвалами, какъ разумно поступилъ посолъ, пославъ на торгъ лошадей. «Этимъ ты распустилъ слухъ, что не ѣдешь, и разбойники не будутъ тебя ожидать на дорогѣ. Не правда ли»,—прибавилъ онъ, — «ты съ этою цѣлью такъ поступаешь»? Беневени отвѣчалъ, что поступаетъ такъ потому, что его отсюда не выпускаютъ. На это усмѣхаясь отвѣчалъ Достумъ-Бей: «нашъ посолъ готовъ, поѣзжайте когда хотите». Посолъ просилъ, чтобы назначили ему, обѣщанный Ханомъ конвой для провожанія.

Чрезъ нѣсколько времени любимецъ Ханскій предложилъ ему въ проводники 50 Туркменовъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ далъ имъ лошадей и содержалъ ихъ. Посолъ отказался. Онъ опасался въ тоже время, чтобы эти Туркмены не были нарочно подосланными къ нему разбойниками. Взявъ только двухъ изъ нихъ, посолъ намѣревался самъ найти себѣ проводника, на котораго могъ бы положиться. Чрезъ нѣсколько времени онъ

узналъ, что въ Хивѣ находится степной вожакъ торговыхъ каравановъ Субханъ-Кули, у котораго былъ свой домъ въ Астрахани, и пригласилъ его съ собою. Его же Ханъ и назначилъ потомъ посломъ отъ Хивы.

Хивинцы не знали, какъ писать грамоту къ Русскому Государю, какимъ образомъ приличнѣе упомянуть о князѣ Бековичѣ. Достумъ-Бей нѣсколько разъ присылать просить Беневени, чтобы онъ написалъ имъ черновую грамоту; но посолъ отказался. Наконецъ онъ явился къ нему самъ и сказалъ, что они хотятъ сказать въ грамотѣ о томъ, какъ онъ пріѣхалъ въ Хиву и съ какою почестію былъ принятъ. Посолъ одобрилъ намѣреніе. Тогда Достумъ-Бей спросилъ его: упоминать ли въ грамотѣ о князѣ Бековичѣ. «Конечно,»—отвѣчалъ посолъ,—«въ отвѣтъ на ту грамоту, которую вы получили отъ моего Государя».—«Это неудобно»,—возразилъ Достумъ-Бей;—«Ханъ не такъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ, какъ Узбеки. Если Царь пришлетъ посла, то всѣ Русскіе плѣнники будутъ возвращены».

Между тѣмъ междоусобія въ Хивѣ продолжались; войска Хана были разбиты Аральцами и Темиръ-Султанъ вновь собирался напасть на городъ Хиву. Это обстоятельство, кажется, помогло Беневени: онъ предложилъ, чтобы Ханъ тайно далъ ему отпускъ. Предложеніе понравилось и вскорѣ Ханъ принялъ его ночью въ своемъ дворцѣ и посидѣвъ болѣе часа, бесѣдовалъ по прежнему. Онъ сказалъ, что Русскіе невольники у него всѣ собраны и что онъ отдастъ ихъ послу, который пріѣдетъ отъ Русскаго Государя, и сверхъ того одаритъ его богатыми дарами. «Я желаю мира съ Россіею»,—говорилъ онъ;—«вашему Государю не нужно нашей бѣдной, отдаленной отъ его владѣній земли, равно и я не ищу его владѣній». Просилъ также увѣдомить Государя, что князь Бековичъ, будто бы считая себя изъ рода Гюрджи-Хана, самъ хотѣлъ сдѣлаться Хивинскимъ Ханомъ. Чрезъ нѣсколько дней отпущенъ былъ и Субханъ-Кули.

Не смотря однакоже на страхъ Россіи и желаніе примиренія

съ нею, корыстолюбивый любимецъ Хана не переставалъ дѣлать непріятности послу. Онъ увелъ у него лучшаго изъ коней, котораго Бухарскій Ханъ посылалъ въ даръ Государю. Но когда посолъ объявилъ, что коня берутъ не у него, но у его Государя, которому онъ принадлежитъ, тогда немедленно возвратили его назадъ. Предполагая, будто одинъ изъ Русскихъ невольниковъ скрылся у посла, Достумъ-Бей хотѣлъ обыскивать его домъ.

Наконецъ въ первыхъ числахъ августа, Беневени выѣхалъ изъ Хивы, и въ 25 дней достигъ до Гурьева-городка. Тамъ отдохнувъ нѣсколько дней, къ 17 сентября прибылъ въ Астрахань.

X.

Италіянецъ, находившійся въ Русской службѣ, нашъ посланникъ-путешественникъ проѣхалъ Персію, Бухару и Хиву. Вслѣдствіе обстоятельствъ неблагопріятныхъ, онъ принужденъ былъ долго оставаться на мѣстахъ; это дало ему средство собрать много любопытныхъ свѣдѣній о странахъ, въ которыхъ находился. Мы старались изложить ихъ по возможности сжато; но вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ долгомъ, для пользы науки, приложить къ разсказу и подлинныя письма, донесенія и дневникъ Ф. Беневени, до сихъ поръ еще остававшіеся неизвѣстными (*).

Эти памятники любопытны для Исторіи, Географіи и Этнографіи тѣхъ странъ, которыя посѣтилъ Беневени; еще болѣе любопытны потому, что обнаруживаютъ виды Петра Великаго на Азію. Экспедиція въ Хиву и малую Бухарію, сношеніе съ Бухаріею и походъ самого Государя въ Прикаспійскія области Персіи, служатъ доказательствомъ, что не смотря на постоянно обращенное вниманіе на Государства западной Европы, онъ не упускалъ изъ виду и Востокъ. Изъ описаній Ф. Беневени видно, что въ это время Персія, Хива и Бухара находились въ такомъ положеніи, что одного сильнаго удара достаточно было бы для

(*) Подлинныя хранятся въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Иностранныхъ Дѣлъ.

водвореніи тамъ Русскаго владычества. Тамъ ожидали постоянно похода Русскихъ въ Хиву, какъ мести необходимой и заслуженной Хивинцами послѣ коварнаго поступка съ княземъ Бековичемъ; но въ тоже время всѣ опасались похода. Извѣщая Государя о золотомъ пескѣ, находимомъ въ Бухаріи, Ф. Беневени писалъ: «Со всякою покорностію послѣднее мое слово предла«гаю, что ежели Вы желаете себѣ авантажъ добрый и хорошую «казну прибрать, лучшаго способа я не сыскалъ, что къ описан«нымъ мѣстамъ собираться войною; сила всѣ резоны уничто«житъ. Постороннихъ велико опасеніе не будетъ, ибо всѣ гене«рально между собою драки имѣютъ: Узбеки Хивинскіе, Бухар«скіе, также Пантхонскіе, Авгане въ войнѣ давно съ Кизильбаша«ми. Одни Индѣйцы остались, и тѣ пуще всѣхъ въ безпокойствѣ «обрѣтаются для того, что тамошніе князья между собою въ же«стокой войнѣ. А что Ташкенцы, Киргизы, Каракалпаки и Каза«ки и тіе никакое помѣшательство учинить не могутъ, а наипаче «нынѣ; ибо черные Калмыки оныхъ Казаковъ въ пень разорили, «и что наилучшій городокъ у нихъ взяли и тутъ засѣли». Въ письмѣ изъ Бухары, упоминая о вѣстяхъ, постоянно туда приходившихъ, о намѣреніи Россіи завоевать Хиву, онъ пишетъ: «При«ходятъ разныя вѣсти: одни говорятъ, что Ваше Величество при «настоящей кампаніи, какъ на Шемаху, такъ и на Хиву войско «посылать намѣреніе имѣете. Другіе сказываютъ, будто на Лез«гинской сторонѣ болѣ дѣла не будетъ, понеже посылка про«тивъ Лезгинцевъ, а наипаче пришествіе Ваше въ Астрахань Сул«тану Турецкому не малую подало суспицію. Чего ради зачалъ «со всякимъ поспѣшеніемъ войско собирать на оборону; а межь «тѣмъ будто писалъ до Вашего Величества, спрашивая за какую «причину и подъ какимъ намѣреніемъ пріѣхать изволили. Также «въ письмѣ объявилъ, ежели далѣе подлѣ границъ его войско «посылать будете, то онъ Султанъ войну декларовать будетъ. И «Ваше Величество будто отвѣтъ учинили, яко же пріѣздъ Вашъ «въ Астрахань случился гульбы ради; а что касается до войска,

«оное посылали противъ Лезгинцевъ для отмщенія токмо и при-«веденія ихъ своевольства. Однакожъ по окончаніи паки велѣли «войску паки назадъ возвратиться въ Астрахань, понеже и съ «Хивинцами такое же дѣло имѣете, а что сами въ скорыхъ чи-«слѣхъ путь въ Санктъ-Петербургъ воспріять намѣрены». Такіе слухи ходили въ Бухарѣ. Правда ли—спрашивалъ нашего посла одинъ изъ близкихъ Узбековъ Хивинскихъ,—что Султанъ начинаетъ войну съ Россіею? Какой-то пришедшій изъ Турціи дервишъ разсказывалъ о сборѣ войскъ и движеніи къ Константинополю для войны съ «нѣмцами». «Узбеки»,—пишетъ Беневени,— «всѣхъ Европейскихъ Нѣмцами почитаютъ». Посланникъ объяснилъ это: если Султанъ и начинаетъ войну, то безъ сомнѣнія не съ Россіею, а съ Цезаремъ. Но это не нравилось Бухарцамъ. «Всѣ Узбеки дженерально ради были бы услышать такую при-«чину надъ Русскими, нежели надъ Нѣмцами; что Вашему Ве-«личеству помѣха была и не могли бы войска на Хиву послати; «ибо нынѣ надъ оными Узбеками, чему весьма можно вѣрить, «изъ ихъ книгъ пророчество является, что имъ въ здѣшнемъ «краѣ не на долго владѣть, но иному постороннему Государю». Покоренныя Узбеками племена радовались такому сказанію и какъ писалъ Беневени, «непрестанно просятъ Бога, чтобъ имъ «изъ подъ тяжелаго хомута Узбецкаго скорѣе высвободиться».

Неожиданно окончившійся походъ въ Персію и потомъ кончина Императора Петра I, на долго остановили дѣйствія Россіи въ отношеніи къ Хивѣ и Бухаріи.

Ф. Беневени возвратился въ Россію тогда, какъ на престолѣ Россійскомъ сидѣла Екатерина I. «При варварахъ», — писалъ онъ въ донесеніи къ Императрицѣ, — «не малыя страсти я пре-«терпѣлъ. Десница Божія однакожъ, что подобно удивленію, «меня отъ такихъ страстей выручила» (*).

(*) Донесеніе изъ Астрахани 21 сентября 1725 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ПОКАЗАНІЯ ОБЪ ЭКСПЕДИЦІИ КНЯЗЯ ЧЕРКАССКАГО ХАДЖИ НЕФЕСА, АЛТЫНА УСЕЙНОВА, ѲЕДОРА ЕМЕЛЬЯНОВА И МИХАИЛА БѢЛОТЕЛКИНА.

1717, октября въ 11 день, по присланной изъ Астрахани отпискѣ, въ Казани въ Губернской Канцеляріи, передъ ближнимъ бояриномъ и губернаторомъ Казанскимъ Петромъ Самойловичемъ Салтыковымъ съ товарищи, присланные изъ Астрахани нижепомянутые допрашиваны порознь.

Первый сказался Ходжа Неѳесъ; родомъ де онъ Садыръ Туркменецъ, влядѣнья Сайдали-Салтана, который подъ владѣніемъ Калмыцкаго Хана Аюки, а кочевье де они свое имѣютъ улусами въ кибиткахъ близъ Тюкъ-Карагани, въ степяхъ, по рѣчкамъ Бѣгли да Емли, да Котъ, да Борды и по другимъ. И въ прошломъ 1714 году, какъ по указу Царскаго Величества отъ Лейбъ-Гвардіи Капитанъ Господинъ Князь Черкасской изъ Астрахани ходилъ на Каспійское море и былъ въ Тюкъ-Карагани и видѣлся съ вышепомянутымъ Салтаномъ ихъ и по прошенію его, Господина Князя Черкасскаго, у Салтана ихъ, онъ Неѳесъ отданъ ему Господину Князю Черкасскому для указыванія пути въ Хивинскую землю, Дарьи-рѣки и отъ Тюкъ де Карагани въ 714-мъ году онъ Господинъ Князь Черкасскій его Неѳеса да съ нимъ Астраханскаго дворянина (какъ зовутъ не знаетъ), да Татарскаго языка Астраханскаго жъ толмача Тоймаса, да его Неѳесовыхъ людей Туркменцовъ двухъ человѣкъ, отправилъ сухимъ путемъ для осмотрѣнія въ Хивѣ Дарьи-рѣки, а оттуда велѣлъ ему быть въ Красныя-воды, и оный Господинъ Князь Черкасскій пошелъ Каспійскимъ моремъ въ Красныя-воды, а онъ де Неѳесъ съ вышенаписанными отъ своихъ Туркменскихъ улусовъ сухимъ путемъ поѣхали дорогою, которая у нихъ издавна лежитъ въ Хиву и ѣхали до рѣки Карагачи одиннадцать дней, а большая де дорога, которой ходятъ изъ Астрахани купеческіе караваны, пришла къ той же рѣкѣ Карагачѣ, а та де рѣка Карагачь вышла изъ Дарьи-рѣки и ходу тою рѣкою Карага-

чемъ вверхъ до Дарьи-рѣки версты съ двѣ. А ѣхали де они до той рѣки Карагачи днемъ и ночью воловымъ ходомъ на верблюдахъ съ отдышкою, а что верстъ сказать не знаетъ, и отъ ихъ де Туркменскаго кочевья тою дорогою, которою они ѣхали, воды есть, разстояніемъ ѣздою между ими рѣки, дни по два и по дню и по полу-дни, и воды тѣ пить можно. А недоѣзжая де до той рѣки Карагачи за три дни въ степи построены изстари въ одномъ мѣстѣ каменные два городка небольшіе званіемъ Аланъ и Кой, въ немъ жилища были издавна жъ провалились въ землю. А близъ тѣхъ городковъ есть озеро глубокое, округою сажень двадцати и пить изъ него воду можно; а отъ тѣхъ де городковъ до рѣки Карагачи водъ нѣтъ. А лѣсъ де по той дорогѣ есть небольшой, дерево карагачь и конскіе кормы; тавожь и по Дарьѣ-рѣкѣ лѣсъ есть же; а Хивинскаго де владѣнья города остались недошедъ впередъ въ лѣвой сторонѣ и до настоящаго де ихъ городка Хивы отъ той рѣки Карагачи ходу дни съ четыре, а до другихъ двухъ городковъ до Анбара и до Гурляни дни съ три и бывъ де онъ на той рѣкѣ Карагачѣ съ полчаса и взявъ изъ нея воды, поѣхали степью же, оставя дорогу свою въ правой сторонѣ къ Краснымъ-водамъ, на которое мѣсто ему отъ Господина Князя Черкасскаго быть повелѣно, и ѣхали отъ той рѣки Карагачи до Красныхъ водъ днемъ же и ночью воловымъ ходомъ на верблюдахъ двѣ недѣли безъ дороги, и водъ де нигдѣ они въ степи не наѣзжали, а кормъ конскій небольшой есть, а запаслись де водою изъ рѣки Карагачи, взяли восемь сумъ кожаныхъ да двѣ бочки, а настоящая де проѣзжая дорога отъ Хивы до Красныхъ-водъ есть же, только они ею не поѣхали, опасаясь отъ Хивинцевъ и отъ другихъ народовъ, и по той де дорогѣ небольшія рѣчки и колодези и кормъ есть и рыть колодези можно жъ глубиною саженъ до четырехъ и лѣсъ небольшой карагачь есть же, а на той де степи кочевья и никакихъ народовъ не видали, и прибывъ де въ Красныя-воды ему Господину Князю Черкасскому онъ Неѳесъ явился и о вышеписанномъ о всемъ ему донесъ и съ нимъ де Господиномъ Княземъ Черкасскимъ изъ тѣхъ Красныхъ водъ возвратились до Тюкъ-Караганской пристани и отъ той де пристани его Неѳеса отпустилъ онъ Господинъ Князь Черкасскій въ Туркменскіе улусы, а самъ де онъ Господинъ Князь Черкасскій пошелъ въ Астрахань и въ прошломъ де 716-мъ году какъ онъ Господинъ Князь Черкасскій прибылъ моремъ въ Тюкъ-Карагани и онъ де Неѳесъ ему господину Князю Черкасскому явился жъ и онъ де Господинъ Князь Черкасскій приказалъ ему Неѳесу быть при себѣ и во оной де Тюкъ-Караганѣ онъ господинъ князь Черкасскій на острову построилъ крѣпость, городъ каменный и оставилъ въ немъ полкъ солдатскій, а около де того острова Каспійское море, и въ томъ де морѣ вода горькая и пить невозможно, а копаютъ копани и пить можно, а онаго острова морская вода не понимаетъ, а на томъ де острову лѣсу никакого нѣтъ, а есть де небольшой лѣсъ сыза да катлаукъ ѣзды съ полверсты, и изъ той де Тюкъ-Караганской крѣпости пошли

и пришли моремъ же въ Красныя-воды, а шли за погодами девять дней, а ежели бъ было идти спокойно, то ходу бываетъ по пяти денъ, и въ тѣхъ Красныхъ водахъ на острову стали строить каменный городъ и оставилъ на томъ острову онъ господинъ князь Черкасскій два полка солдатскихъ, а повыше де того острова ѣзды водою до полудень на другомъ острову живутъ Калмыцкаго Аюки-Хана владѣнія Туркменцевъ съ двѣсти съ пятьдесять дворовъ и для воды де они копаютъ, копанье жъ и вода сладка, а изъ моря де пить вода горька. На тѣхъ островахъ и до степи ѣзды до полудень лѣсъ мелкій есть, а тѣхъ де острововъ морскою водою никогда не понимаетъ и противъ де тѣхъ крѣпостей Тюкъ-Караганской и Красногорской на степи кочуютъ улусами владѣнья жъ Хана Аюки Туркменцы, а изъ той де Красноводской крѣпости отправилъ онъ господинъ князь Черкасскій морскаго флота поручика Кожина, а потомъ князя Михайла Заманова моремъ въ судахъ въ Астрабатъ городъ владѣнья Казылбашскаго Шаха, а въ томъ де городѣ Астрабатѣ Ханъ Муся, который былъ напередъ въ Хивѣ и изгнанъ отъ нихъ, а напередъ былъ Казылбашенинъ, а самъ онъ господинъ князь Черкасскій и при немъ онъ Неѳесъ да служилыхъ людей со сто человѣкъ, да Туркменцевъ человѣкъ съ шестьдесятъ поѣхали степью сухимъ путемъ отъ тѣхъ Красныхъ-водъ къ Тюкъ-Караганской крѣпости, а отъ Тюкъ-Карагани до Астрахани на верблюдахъ, которые иманы въ подводы у Туркменцевъ и прибыли въ Астрахань въ нынѣшнемъ 717 году за недѣлю до сырныя недѣли. А послѣ де ихъ прибыли жъ въ Астрахань оные поручикъ Кожинъ и князь Михайло Замановъ и на Святой де недѣлѣ изъ Астрахани сухимъ путемъ къ Гурьеву Яицкому городку отправилъ онъ господинъ князь Черкасскій Астраханца дворянина Михаилу Нарейтова съ Яицкими и Гребенскими казаками, а сколько человѣкъ того онъ не знаетъ. А потомъ де спустя съ недѣлю онъ господинъ князь Черкасскій да съ нимъ князь Михайло Замановъ да Брегадъ-камисаръ Григорей Волковъ и другіе офицеры съ драгуны и онъ Неѳесъ на судахъ моремъ пошли до Гурьева Яицкаго городка и прибыли въ Гурьевъ Яицкій и выбрались на сухой путь да къ нему жъ де господину князю Черкасскому прибыли изъ Астрахани Юртовскіе Татара, а сколько человѣкъ, того онъ не знаетъ, и подъ Гурьевымъ де Яицкимъ на конскіе ихъ табуны били Каракалпаки и угнали у нихъ конскіе табуны и его Неѳеса и другихъ въ полонъ побрали, и господинъ де князь Черкасскій, собравшись съ драгуны и солдаты за ними Каракалпаки ходили и тѣ конскіе табуны отбили и взятое въ полонъ возвратили и пришли по прежднему къ Гурьеву городку и убравшись де у того Гурьева городка съ служилыми людьми и съ артиллеріею онъ господинъ князь Черкасскій пошелъ въ Хивинскую землю, а вождемъ де былъ Аюки жъ Хана владѣнья Дарьерина улуса Туркменецъ Манглай Кашка да при немъ же де господинѣ князѣ Черкасскомъ пошли въ Хиву Аюки Хана посланцы Калмыкъ и Туркменцовъ десять человѣкъ, и шли отъ Гурьева степью

малою новою дорогою до рѣчки Акмурзы день, и ночевавъ де на той рѣчкѣ, на утро пошли и шли до рѣки Енбы семь дней и на всякій де день рѣчки по той дорогѣ и лѣсъ мелкой чѣмъ мочно огонь на кашу развесть и сварить, есть и воды въ тѣхъ рѣчкахъ сладкія; а пришедъ на рѣку Енбу стояли два дни, а шириною де она не равно, саженъ по десяти и по двадцати и больше, а выпала де та рѣка вершинами изъ степи, а изъ которыхъ урочищей и что по ней ходу, того онъ не вѣдаетъ; и пришла устьемъ въ Каспійское море близь Яику рѣки выше Тюкъ-Караганской крѣпости и на устьѣ де той Енбы рѣки не бывалъ и того устья и что разстояніемъ незнаетъ. А отъ Тюкъ-Караганской де крѣпости до большой Хивинской дороги и до рѣки Енбы гдѣ они переправлялись ѣзды съ двѣ недѣли; и по той де рѣкѣ Енбѣ лѣсъ карагачь и талникъ толщиною въ оглоблю и малымъ чѣмъ больше, а вышиною сажени по двѣ и по полуторы; и конскіе кормы отъ Гурьева идучи и по той рѣкѣ Енбѣ и камышъ мелкой есть; и переправясь де тою рѣку Енбу на бродахъ и на салахъ шли вверхъ по той рѣкѣ Енбѣ два дни до урочища Багачата до большой Хивинской дороги, которою издавна и понынѣ ходятъ купеческіе караваны. А до того де урочища отъ Гурьева шли они для конскихъ кормовъ и воды, оставя оную большую дорогу въ лѣвой сторонѣ разстояніемъ воловаго ходу между дорогами два дни и отъ того де урочища Багачата тою большою дорогою степью шли они два дни и дошли до колодезя Дучкана, изъ котораго бьютъ ключи и по оврагамъ текутъ родники, и стояли де въ тѣхъ мѣстахъ два дни и отъ того колодезя шли до урочища до колодезя жъ Мансулмасъ три дни и въ тѣхъ де урочищахъ на правой сторонѣ есть горы и изъ тѣхъ де горъ бѣгутъ ключевыя воды и ночевали въ тѣхъ мѣстѣхъ ночь и отъ тѣхъ мѣстъ шли два дни до колодезя званіемъ Чилдана и около де того колодезя вырыли колодезей со сто, а глубиною въ поясъ. И въ томъ де урочищѣ выше написанному Туркменцу Манглай Кашкѣ, который былъ вождемъ, онъ господинъ князь Черкасскій далъ лошадь да верблюда и ночною де порою тотъ Туркменецъ Манглай Кашка и вышепомянутые Калмыки и Туркменцы ушли изъ обозу ихъ. А по вѣдомостямъ де слышно, что оные вождь Манглай Кашка съ Калмыки и съ Туркменцы съ шестью человѣкъ пошли назадъ въ Калмыцкіе улусы къ Калмыцкому владѣльцу Даржѣ, а Хапскіе де Калмыки два да Туркменцовъ два жъ человѣка пошли напередъ въ Хиву, а отъ того мѣста, какъ оный ушелъ вождь Манглай Кашка былъ вождемъ онъ Неѳесъ, потому что напредь сего не по одинъ разъ по той большой дорогѣ въ Хивѣ и въ Бухарахъ для торговаго промыслу бывалъ и тое де дорогу знаетъ. И отъ того колодезя Чилдана шли два дни до колодезя Санъ и въ томъ де мѣстѣ копали много жъ колодезей и вода была хорошая и конскіе кормы довольные; и стояли на томъ мѣстѣ три дни и отъ того колодезя пошли до колодезя жъ Косшегозе и шли одинъ день и ночевали; ходу ихъ было до колодезя жъ Бѣлявли день и ночевали жъ. Пошли

до колодезя жъ Дурали и шли два дни и въ тѣхъ мѣстѣхъ выкопали тридцать пять колодезей и стояли три дни, и отъ того мѣста дошли жъ въ три дни до колодезя Ялгызу. И при томъ де мѣстѣ вырыли колодезей съ тридцать, и отъ того де мѣста того жъ дня, котораго они пришли въ обѣдъ, онъ господинъ князь Черкасскій послалъ отъ себя къ Хивинскому Хану помянутаго Астраханскаго дворянина Михайла Керейтова да съ нимъ драгунъ и казаковъ сто человѣкъ. А сами послѣ его стояли на томъ мѣстѣ три дни и оставили въ тѣхъ мѣстѣхъ казаковъ, у которыхъ лошади пристали съ тысячью человѣкъ и навьюча въ томъ мѣстѣ на верблюдовъ воды, онъ господинъ князь Черкасскій съ драгуны и съ другими служилыми людьми и съ артилеріею пошелъ и шелъ до колодезя Шемшидунъ два дни. А противъ де того колодезя въ правую сторону отъ дороги до вышеписанныхъ пустыхъ двухъ городковъ Аланъ и до озера ѣзды два дни воловымъ ѣздомъ безъ дороги и не останавливаясь у того колодезя Шемшидунъ, пошли до рѣки Каракуметь, которая вышла изъ Хивинской Дарьи рѣки, и шли два жъ дни и въ той де рѣкѣ вода горька, и ночевавъ въ томъ мѣстѣ одну ночь, пошли по той рѣкѣ вверхъ по правую сторону и шли до полудень до урочища Аккулъ-рѣки, которая вышла изъ Хивинской же Дарьи-рѣки и стояли де на томъ мѣстѣ съ недѣлю и по оставшихъ вышенаписанныхъ казаковъ для забранія у колодезя Алгызу послали верблюдовъ. А между де тѣмъ въ тѣ мѣста къ нему господину князю Черкасскому, отъ Хивинскаго Хана Ширгазея два человѣка Татаръ Хивинцевъ да отъ помянутаго Карейтова одинъ человѣкъ и прислалъ онъ Хивинскій Ханъ къ нему господину князю Черкасскому коня да кафтанъ изарбатной и другіе отъ овощей подарки. И были де тѣ присланные въ обозѣ ихъ два дни, а про него господина князя Черкасскаго сказывали имъ Хивинцамъ, что онъ еще остался назади и въ тотъ обозъ не прибылъ. А какъ де вышепомянутые отставшіе казаки къ нему прибыли и онъ де господинъ князь Черкасскій тѣхъ присланныхъ Хивинцовъ передъ себя призвалъ и присланные подарки принялъ и сталъ де онъ господинъ князь Черкасскій тѣмъ присланнымъ говорить, что онъ идетъ въ Хиву не войною, а посломъ отъ Царскаго Величества, о чемъ де онъ пространно донесетъ повелѣніе Царскаго Величества, какъ свидится, самому Хивинскому Хану. И того жъ де дни тѣхъ присланныхъ Хивинцовъ и отъ Керейтова Русскаго человѣка отпустилъ и послалъ за ними проводить казаковъ двадцать человѣкъ до рѣки Богдату. И тѣ де казаки возвратились по прежнему въ обозъ, и послѣ де ихъ бывъ на томъ мѣстѣ два дни, на третій день пошли, и шли три дни по той рѣчкѣ Аккулѣ и не дошедъ до рѣки Карагачи версты за двѣ, остановились у воды, которая изъ пролива вышла и съ той рѣки Карагачи и съ того де мѣста казаковъ шестьдесятъ человѣкъ пошли было для рыбной ловли. И Хивинцы де побрали ихъ въ полонъ и на другой де день какъ они остановились передъ обѣдомъ, пришло Хивинское войско, и учали на обозъ ихъ наступати и тотъ день до вечера былъ съ

ними Хивинцы у него господина князя Черкасскаго бой. И къ вечеру отошли они Хивинцы прочь и остановились неподалеку въ верстѣ въ виду и вкругъ ихъ таборовъ поставили караулъ, а пришелъ де съ войски оный Хивинскій Ханъ Ширгазей самъ и славили у себя войска, конницы и пѣхоты со сто тысячь, а Туркменцы ихъ сказывали жъ, что съ шестьдесятъ тысячь, а что подлинно людей было, того онъ не знаетъ. А ружье де у нихъ Хивинцовъ было, у конницы сайдакъ да сабля и копьи да топорки, а у пѣхоты пищали, сабли да топорки жъ, а пушекъ не было. И того жъ дни и ночью сдѣлалъ онъ господинъ князь Черкасскій для осаднаго случая себѣ крѣпость, съ трехъ сторонъ валъ земляной и рвы, а съ четвертой вода. И на томъ де валу поставили семь пушекъ. И тою де ночью въ ту ихъ крѣпость въ полночь пришелъ Хивинецъ Ишимъ Хаджа и говорилъ тотъ Хаджа господину князю Черкасскому, что де прислалъ его Ханъ ихъ и велѣлъ донести ему господину князю Черкасскому, что било Хивинское войско на него господина князя Черкасскаго безъ повелѣнія его, понеже что онъ самъ въ то время въ войско свое еще и не прибылъ, и буде де онъ господинъ князь Черкасскій пришелъ къ нимъ посломъ, а не боемъ, и онъ де Ханъ противъ его войскамъ своимъ бою чинить не повелитъ. И на оное де тому присланному господинъ князь Черкасскій отвѣтствовалъ, что пришелъ онъ къ Хивинскому Хану посломъ, а не боемъ. И съ тѣмъ присланнымъ Хивинцомъ Хаджою послалъ онъ господинъ князь Черкасскій тою жъ ночью къ нему Хивинскому Хану Астраханскаго Юртовскаго Татарина Алтына и велѣлъ ему Алтыну оному Хану донести, что онъ господинъ князь Черкасскій идетъ отъ Царскаго Величества посломъ, а не войною, и по прошествіи де той ночи повозвратился и доносилъ ему господину князю Черкасскому, что де ему Алтыну Хивинскаго Хана видѣть не допустили. А былъ у главнаго ихъ полководца Кулунъ-Бея. И тотъ де полководецъ Кулунъ-Бей говорилъ ему, что ежели де у него господина князя Черкасскаго, что идетъ онъ посломъ отъ Царскаго Величества къ Хану ихъ, есть какой повелительный указъ, и онъ бы де господинъ князь Черкасскій съ тѣмъ указомъ былъ къ Хану ихъ самъ. И послѣ его Алтынова приходу въ крѣпость того жъ дни вскорѣ Хивинское войско конница и пѣхота вся обступили кругомъ ихъ крѣпости, и кричали ему господину Князю Черкасскому: что ежели онъ пришелъ къ Хану ихъ посломъ и чтобъ онъ шелъ съ указомъ къ Хану ихъ немедленно; а буде де войною, чтобъ онъ съ войсками своими изъ той крѣпости выступилъ на поле и учинилъ съ ними баталію и на тѣ де ихъ слова онъ господинъ князь Черкасскій отвѣтствовалъ имъ: что де онъ отъ Царскаго Величества идетъ къ Хивинскому Хану посломъ, а не войною, и военныхъ де людей при немъ для охраненія небольшое число и съ такими малыми людьми изъ той крѣпости вытти и къ Хану ему итти опасаясь ихъ Хивинскаго войска, чтобъ они не учинили надъ ними какого злаго умышленія, опасно; и какъ де они Хивинцы отъ той ихъ крѣпости отступятъ прочь и отойдутъ въ даль-

ныя мѣста, а Ханъ ихъ будетъ ближе, то де онъ господинъ князь Черкасскій самъ съ повелительнымъ Царскаго Величества указомъ къ Хивинскому ихъ Хану пойдетъ самъ; и они де Хивинцы отъ той ихъ крѣпости не отступили и били по нихъ два дни неотходно и въ той де крѣпости убито отъ нихъ Хивинцовъ изъ драгунъ и казаковъ человѣкъ съ шесть. А и онъ де господинъ князь Черкасскій противъ ихъ изъ той крѣпости изъ пушекъ и изъ ружья стрѣлять приказалъ и стрѣляли для устрашенія ихъ до обѣда и пускали ядра и пули выше ихъ Хивинцовъ, чтобъ изъ нихъ никого не побить и впредь для договору съ ними, и потомъ де они Хивинцы до обѣда и послѣ обѣда къ договору къ нимъ никого не прислали, и онъ де господинъ князь Черкасскій приказалъ того дни и на другой день до вечера бить по нихъ Хивинцахъ изъ пушекъ и изъ ружья, и подъ вечеръ то Хивинское войско отъ крѣпости ихъ отступили и стали отъ нихъ съ версту. А въ тое ихъ крѣпость пришелъ въ то жъ время вышепомянутый же Хивинецъ Ишимъ-Хаджа и доносилъ онъ господину князю Черкасскому, что его Хаджю прислалъ къ нему самъ Хивинскій Ханъ и велѣлъ донесть, что Хивинское войско приходило къ ихъ крѣпости безъ повелѣнія его Ханскаго, и буде де онъ господинъ князь Черкасскій пришелъ къ Хану посломъ, то бъ онъ шелъ къ нему Хану безъ опасенія и зла никакого учинено ему не будетъ. И выговоря де оное пошелъ назадъ; и съ нимъ Хаджою послалъ онъ господинъ князь Черкасскій Астраханскихъ Юртовскихъ Смайла Мурзу да Татарина Кудагула къ нему Хивинскому Хану и велѣлъ тѣмъ посланнымъ ему Хану сказать, что онъ князь Черкасскій прибылъ къ нему Хану отъ Царскаго Величества посломъ, а не для войны, а которые де военные люди, небольшое число съ нимъ посланы, и тѣ для охраненія за дальностію въ пути отъ Каракалпаковъ и отъ другихъ народовъ и для чего де онъ Ханъ повелѣлъ бить на него войною, и чтобъ онъ Ханъ какъ надъ нимъ господиномъ княземъ Черкасскимъ, такъ и при будущемъ съ нимъ какого зла учинить не велѣлъ и въ томъ бы съ Царскимъ Величествомъ не возъимѣлъ ссоры, и для увѣренія и договору прислалъ бы къ нему господину князю Черкасскому знатныхъ своихъ Хивинцевъ, Кулунъ-Бея да Назара Хаджю. И помѣшкавъ часа съ два, оные Смаилъ Мурза да Кудагулъ возвратились въ крѣпость ихъ одни и доносили ему господину князю Черкасскому, что они Хивинскаго Хана видѣть получили и вышеписанный его господина князя Черкасскаго приказъ ему Хану сказали и онъ де Ханъ отвѣтствовалъ имъ, что онъ войску своему противъ его господина князя Черкасскаго биться не велѣлъ и учинили де они Хивинцы то собою безъ повелѣнія его Ханскаго и при нихъ Смайлѣ и Кудагулѣ онъ Ханъ велѣлъ двумъ человѣкомъ Хивинцомъ за то учинить наказаніе: одному человѣку, проколовъ ноздрю, а другому ухо, которое и учинено и продернувъ вервь тонкую, водили для показанія всему войску своему Хивинскому, а про вышеписанныхъ Колунъ-Бея и Назара Хаджю сказалъ пришлетъ. И съ тѣмъ ихъ Смайла и Кудагула отпу-

стилъ и послѣ де ихъ приходу помѣшкавъ небольшое время тѣ Хивинцы Кулунъ-Бей и Назаръ-Хаджа къ крѣпости ихъ пришли и онъ де господинъ князь Черкасскій да съ нимъ князь Михайла Замановъ вышли къ нимъ сами на переговорку. И поговоря помирились. И они де Кулунъ-Бей и Назаръ-Хаджи, по закону своему, что имъ Хивинцомъ ему господину князю Черкасскому и будущимъ съ нимъ никакого зла неучинятъ цѣловали куранъ и пошли въ таборы свои, а потомъ де того жъ дни прислалъ онъ Ханъ къ нему господину князю Черкасскому вышепомянутаго Ишима-Хаджю, чтобъ онъ князь Черкасскій былъ къ нему Хану и съ нимъ де Ишимомъ онъ господинъ князь Черкасскій взявъ съ собою князя Михайлу Заманова да брегадъ-комисара Григорья Волкова и другихъ начальныхъ людей человѣкъ съ пятьдесятъ, да драгунъ и казаковъ съ семьсотъ человѣкъ, поѣхали къ нему Хану и повезъ подарки. А стоялъ де онъ Ханъ отъ той ихъ крѣпости съ версту, а въ крѣпости своей при оставшихъ служилыхъ людѣхъ и при Артиллеріи оставилъ онъ господинъ князь Черкасскій маіора Франко Иберха, да секундъ-маіора Григорья Пальчикова и его Неѳеса оставилъ съ ними въ той же крѣпости, и въ томъ де Хивинскомъ войскѣ въ срединѣ онъ господинъ князь Черкасскій и ночевалъ. А на утро въ крѣпость къ нимъ прислалъ онъ господинъ князь Черкасскій Касимовскаго Татарина Абдрехмана, который служилъ при немъ господинѣ князѣ Черкасскомъ и другіе служилые люди, драгуны и казаки для запасовъ прибыли и сказывали де ему Неѳесу тѣ прибудущіе, что де того дни его господина князя Черкасскаго Ханъ видѣть себя не допустилъ, а будутъ де видѣться на другой день, въ который они пріѣзжали для запасу; и забравъ запасъ поѣхали въ то Хивинское войско къ нему господину князю Черкасскому и того жъ дни къ вечеру онъ господинъ князь Черкасскій прислалъ въ крѣпость къ нимъ деньщика своего Максима да дворянина Ивана Званскаго да вышепомянутаго Абдрехмана да Черкашенина Темира и другихъ человѣкъ съ тридцать, и прибывъ сказывали они, что того дни послѣ обѣда онъ господинъ князь Черкасскій у Хана былъ и видѣлся и помирились, и онъ де Ханъ самъ въ томъ, что ему никакого зла не учинитъ, по закону своему цѣловалъ куранъ, а онъ де господинъ князь Черкасскій крестъ, что онъ присланъ отъ Царскаго Величества посломъ, и подалъ ему Хану посланный отъ Царскаго Величества листъ за печатью, да оный же Званскій сказывалъ ему Неѳесу при томъ де въ разговорѣхъ было и господину князю Черкасскому Хивинскій Ханъ говорилъ, чтобъ его Неѳеса отдалъ ему Хану убить за то, что онъ Неѳесъ имъ дорогу указывалъ и вождемъ былъ. И господинъ князь Черкасскій сего Неѳеса не отдалъ, а велѣлъ спрятать тайно въ телѣгу, чтобъ другіе не показали, и покрыли епанчею и приставили караулъ четырехъ человѣкъ. И былъ онъ въ телѣгѣ трои сутки. А той де дворянинъ Званскій, которые были Государевы товары и его господина князя Черкасскаго, забравъ повезли къ нему господину князю Черкасскому въ Хивинское войско. И ночевалъ тутъ

ночь, на утро онъ Хивинскій Ханъ съ войсками своими и при немъ господинъ князь Черкасскій въ срединѣ съ того мѣста пошли къ Хивѣ и онъ де господинъ князь Черкасскій прислалъ къ вышепомянутымъ маіорамъ съ дворяниномъ Званскимъ письмо, и велѣлъ войску своему совсѣмъ убрався, идти за собою и шли за ними по три дни разстояніемъ отъ нихъ версты съ три, а къ нимъ де для караулу прислали Хивинцы конницы Узбековъ тысячю человѣкъ, которые ѣхали всѣ при нихъ. И пришедъ остановились войски господина князя Черкасскаго и Хивинскіе вмѣстѣ по рѣкѣ Порсунгулъ; только до него господина князя Черкасскаго близко Хивинское войско ихъ не допустили. А отъ той де рѣки до Хивы ѣзды два дни, и на то де мѣсто онъ господинъ князь Черкасскій прислалъ въ обозъ ихъ къ вышеписаннымъ маіорамъ помянутаго Татарина Алтына съ тѣмъ, чтобъ его Неѳеса какъ можно схоронили. И спрятали де его Неѳеса по прежнему въ телѣгу, а потомъ де прибыли къ нимъ маіорамъ въ обозъ Узбеки и стали говорить, чтобъ они раздѣлились на пять частей и ѣхали съ ними на квартиры. И они де маіоры тѣхъ ихъ словъ не послушали и сказали, что де у нихъ командиромъ господинъ князь Черкасскій, а не Хивинскій Ханъ и потому де онъ господинъ князь Черкасскій прислалъ къ нимъ помянутаго жъ дворянина Званскаго и съ нимъ человѣкъ съ сорокъ и сказалъ имъ маіорамъ, чтобъ они раздѣлились на пять частей и ѣхали на квартиры. И маіоръ де Франко Инберхъ, не повѣря его Званскаго словамъ, поѣхалъ самъ къ господину князю Черкасскому, и бывъ пріѣхалъ по прежнему къ нимъ въ обозъ и сказалъ, что онъ господинъ князь Черкасскій приказалъ имъ раздѣлиться на пять частей и идти по квартирамъ куды они Хивинцы поведутъ. И въ то де время они и раздѣлились и принявъ ихъ въ обозѣ, повели первыхъ шесть сотъ человѣкъ Узбекъ Азарысъ, другихъ шестьсотъ человѣкъ Узбекъ же Аралъ, третьихъ четыреста человѣкъ Узбекъ же Ургенчи, четвертыхъ четыреста жъ Туркменецъ Хивинскій Юмутъ. И въ той де пятой части тѣмъ Туркменцамъ достался онъ Неѳеесъ и выведши де ихъ изъ обозу, каждый Узбекъ отдѣльныхъ своихъ повели врознь къ Хивѣ по разнымъ дорогамъ не въ дальномъ разстояніи въ виду, и выведши изъ обозу въ пятой ихъ части учали ихъ вязать и ружье и аммуницыю и скарбъ, что было при нихъ все обрали, и достался онъ Неѳеесъ Туркменцу Аганаметю. И стали де они Туркменцы имъ говорить, что они де закрадутъ. А никого ихъ въ то время не били и тотъ де Туркменецъ Аганаметъ взялъ его Неѳеса къ себѣ и связавъ отвелъ въ палатку свою въ обозъ Хивинскій и велѣлъ ему голову по Туркменскому ихъ обыкновенію обвить вмѣсто чалмы платкомъ, чтобъ его Узбеки не познали, а та де его палатка стояла близко шатра Ханскаго и палатки господина князя Черкасскаго; и какъ разобравъ служилыхъ людей отвели далѣе и предъ шатромъ Хивинскаго Хана выведши напредь казнили князь Михайлу Заманова да Астраханца жъ дворянина Кирьяка Економова, а потомъ вывели Узбеки изъ палатки жъ господина князя Черкасскаго и платье все съ него сняли, оставили въ одной рубашкѣ и стоячаго

рубили саблею и отсѣкли у нихъ троихъ головы. А онъ де то смотрѣлъ и видѣлъ изъ палатки того Туркменца Аганаметя и учиня де надъ тѣми оную казнь, Хивинскій Ханъ со всѣмъ своимъ достальнымъ войскомъ и хозяинъ его убравшись пошли въ Хиву, а тѣла де ихъ и головы куда они дѣвали и другіе знатные офицеры, брегадъ-комисаръ Волковъ и прочіе и дворянинъ Керейтовъ гдѣ и живы ль или кто изъ нихъ побиты, того онъ Неѳесъ не видалъ. Да оный же Туркменецъ Аганаметь сказывалъ ему Неѳесу, что собрались было въ Астрабатѣ идти съ нимъ господиномъ княземъ Черкасскимъ на нихъ Хивинцевъ Казылбашскаго войска шестьдесять тысячъ человѣкъ съ вышеписаннымъ Мусею-Ханомъ. А не ходили за тѣмъ, что отъ него господина князя Черкасскаго вѣдомости къ нимъ не было, такъ же де объ ономъ какъ онъ Неѳесъ ѣхалъ изъ Хивы встрѣтились ему въ караванѣ купеческіе люди и сказывали о собраніи и о походѣ ихъ Казылбашскаго войска вышенаписанное жъ и шли оный Ханъ и Хивинцы на тѣ жъ мѣста гдѣ предъ ними проведены Государевы служилые люди и идучи де видѣлъ онъ Неѳесъ порубленныхъ людей въ семи мѣстахъ человѣкъ съ полтораста, а достальныхъ де повели они Хивинцы въ свои Хивинскіе городы. А его де оный Туркменецъ Аганаметь привелъ въ городъ Хиву въ домъ свой и ночевалъ у него ночь и тое де ночь съ нимъ Туркменцемъ онъ Неѳесъ договорился, что де ему Неѳесу прислать за себя къ нему Туркменцу ясырей Калмыкъ двухъ человѣкъ и въ томъ далъ ему по себѣ порукою прежнихъ своихъ знакомцевъ туточныхъ Хивинскихъ жителей Аліяра да Чокдора, и онъ де Аганаметь его Неѳеса тою жъ ночью отпустилъ и тое жъ де ночи далъ ему для съѣзду въ домъ свой Хивинскій Татаринъ знакомецъ его Полатъ лошадь, за которую онъ обѣщалъ ему прислать ясыря жъ Калмыка и изъ Хивы онъ Неѳесъ поѣхалъ въ Туркмень той же ночи передъ свѣтомъ степью не займывая дорогъ прямо и на степи де недоѣхавъ до ихъ Туркменскихъ улусовъ за три дни лошадь его пала и встрѣтился ему Неѳесу въ то жъ время свойственникъ его Туркменецъ Саватъ Ахметъ, который ѣхалъ въ Хиву для торговаго промыслу и тотъ де его свойственникъ свезъ его Неѳеса на своей лошади въ Туркменскіе ихъ улусы. А ѣзды де его отъ Хивы до ихъ Туркменскихъ улусовъ было десять дней. И прибывъ де онъ Неѳесъ въ Туркмень, явился Туркменскому ихъ владѣльцу Сайдахметь-Салтану. И онъ де Салтанъ взявъ его Неѳеса и привезъ въ Тюкъ-Караганскую крѣпость и объявилъ полу-полковнику Анненкову. И онъ де Неѳесъ вышеписанное все ему Анненкову донесъ подробно. И онъ де Анненковъ его Неѳеса отпустилъ по прежнему въ Туркменскіе улусы. И былъ онъ въ улусѣхъ своихъ день съ шесть и прибылъ въ тое жъ Тюкъ-Караганскую крѣпость и явился ему полу-полковнику Анненкову. И онъ де Анненковъ взявъ его, отослалъ въ Астрахань. И въ Астрахани его Неѳеса допрашивали и прислали въ Казань. А въ Хивинскомъ де владѣньѣ знатныхъ пять городовъ, а именно званіями: Хива, Ургенчь, Азарысъ, Курлянь, Шаграбатъ, а построены де тѣ городы и между ими другіе

небольшіе городки и деревни въ степяхъ отъ Дарьи-рѣки не въ дальнемъ разстояніи. А приводятъ къ тѣмъ своимъ жилищамъ воду каналами. А отъ Хивы де вверхъ подлѣ Дарьи-рѣки ходъ сухимъ путемъ въ купеческомъ караванѣ. До настоящаго города Бухаръ, который подъ владѣніемъ Бухарскимъ, двѣнадцать дней, и кромѣ де той Дарьи-рѣки, другихъ рѣкъ нѣтъ. И пьютъ воду изъ Дарьи-рѣки, и конскіе кормы и лѣса по той Дарьѣ-рѣкѣ есть довольные и въ Хивѣ де и въ Бухарахъ для ѣзды водянымъ путемъ строятъ лодки мелкія, а и на большихъ де судахъ тою Дарьею-рѣкою ходить можно, только въ тамошнихъ де краяхъ, большихъ судовъ не строятъ и нѣтъ. И между де Хивинцами и Бухарцами войны нѣтъ и живутъ въ миру, а война де у нихъ Хивинцовъ бываетъ повсѣгодно, владѣнья Персидскаго Шаха съ Казылбашами. И отъ Хивы де ѣзды сухимъ путемъ до Астрабату большою дорогою десять дней. А какъ де поѣдемъ отъ Хивы подъ четверта дни водъ нигдѣ нѣтъ, а оттолѣ до Астрабату воды и во всю дорогу конскіе кормы и лѣсъ небольшіе есть. А отъ Красныхъ де водъ, гдѣ построена господиномъ княземъ Черкасскимъ крѣпость до Астрабату жъ ѣзды сухимъ путемъ подлѣ моря десять же дней: и проѣзжею дорогою, которою они ѣздятъ, построены для водъ колодези и конскіе кормы и лѣсъ есть же. А вышепомянутая рѣка Карагачь, которая вышала въ Хивинской землѣ изъ Дарьи-рѣки, значитъ что изъ древнихъ лѣтъ шла она чрезъ степь и межъ горъ и устьемъ пала въ Каспійское море выше Красныхъ водъ ѣзды три дни, и тое де рѣку Карагачь Хивинцы запрудили въ давнихъ лѣтѣхъ и сдѣлали плотину, которая плотина отъ Дарьи-рѣки версты съ двѣ и водянаго де ходу нынѣ изъ Карагачи въ море нѣтъ за вышеписанною запрудою плотины, и возвратилася де та рѣка Карагачь въ Дарью-рѣку. А отъ той де плотины степью между горъ суходоломъ, а въ другихъ мѣстѣхъ и нанесенными песками, гдѣ прежъ сего шла Карагачь-рѣка, сухимъ путемъ ходу будетъ до Каспійскаго моря двѣнадцать дней. А подлѣ де тѣхъ суходоловъ въ степи и понынѣ значитъ древняго жъ строенія городы каменные и городища земляныя и селища оставленныя пустыя. А про оную де плотину, что запружена, чрезъ Карагачь напредь сего и нынѣ въ походѣ слышалъ онъ Неѳесъ отъ Хивинцевъ и отъ своей братьи Туркменцевъ, а самъ де онъ Неѳесъ на той плотинѣ не былъ и сколь велика та плотина сдѣлана, не знаетъ. А казаки де которые въ ономъ походѣ посыланы были отъ господина князя Черкасскаго для ловли рыбы, сказывали, что они на той плотинѣ были сами и та де плотина невелика, и разрыть ее можно.

Другой человѣкъ сказался Алтынъ Усеиновъ Астраханскій Юртовскій Татаринъ, въ нынѣшнемъ де 717 году, какъ по указу Царскаго Величества отъ лейбъ-гвардіи капитанъ господинъ князь Черкасскій прибылъ въ Астрахань съ Каспійскаго моря и указомъ Царскаго Величества приказалъ имъ Юртовскимъ Татарамъ двадцати шести да особь шести человѣкъ для обережи казны, въ томъ числѣ и ему Алтыну да Кехменъ Сарацомъ, которые напредь бывали Хивинцы двумъ человѣ-

комъ убираться въ службу съ нимъ господиномъ княземъ Черкасскимъ и надъ ними приказалъ быть начальнѣйшимъ Булатъ-Мурзѣ-Тинбаеву и изъ Астрахани де онъ господинъ князь Черкасскій ихъ взявъ съ собою князя Михайлу Заманова да Кирьяка Экономова и другихъ да Хивинскаго посланника купчину Шилла Узбекова, который пріѣзжалъ прошедшею зимою для продажи Ханскихъ товаровъ, пошелъ съ драгуны до Гурьева Яицкаго-городка моремъ, а они де Юртовскіе двадцать шесть человѣкъ, въ томъ числѣ и онъ Алтынъ, послѣ его господина князя Черкасскаго помѣшкавъ недѣли съ двѣ, сухимъ путемъ степью къ Гурьевужъ Яицкому городку и дошли въ осьмой день и пришедъ ему господину князю Черкасскому явились. И стояли де у того Гурьева-городка двѣ недѣли: и убравшись онъ господинъ князь Черкасскій съ драгунами и казаками и съ ними Татары, всего съ три тысячи солдатъ, и при нихъ было шесть пушекъ со всею артиллеріею, отъ того Гурьева-городка пошли степью къ Хивинской землѣ. А онъ де Алтынъ все при князѣ Михайлѣ Замановѣ, и шли трактомъ новымъ до Эмбы рѣки и по Эмбѣ до урочища Багачатъ до большой Хивинской дороги и тою дорогою до Хивинской земли по вышеписаннымъ урочищамъ, про которое сказалъ Туркменецъ Неѳесъ Хаджа, понеже де онъ Неѳесъ Хаджа да другой Туркменецъ Мангла Кашка, который бѣжалъ съ дороги, были у него князя Черкасскаго вожаками. А при посылкѣ напредъ въ Хиву дворянина Михайла Керейтова съ казаками и съ нимъ отпустилъ и Хивинскаго купчину, а про приходъ его господина князя Черкасскаго въ Хивинскую землю и про учиненіе сдѣланной крѣпости и какъ Хивинское войско къ нимъ приступали и были на переговоркѣ, сказалъ въ допросѣ тѣжъ рѣчи, что и вышеписанный Туркменецъ Неѳесъ. А какъ де пришли къ нему господину князю Черкасскому въ пути объ урочищѣ Аккулъ отъ Хивинскаго Хана посланцы Узбековъ два человѣка да отъ Керейтова казакъ одинъ человѣкъ. И сказывалъ тотъ казакъ: какъ де по посылкѣ отъ него господина князя Черкасскаго съ дороги въ Хиву Михайла Керейтовъ и съ казаками прибылъ и отъ него де Хивинскаго Хана были ему Керейтову подарки и кормъ ему и казакамъ повсѣдневно отъ него Хана, шелъ недѣлю, да отъ него жъ де господина князя Черкасскаго бѣжали съ дороги отъ колодезя Чилдана, а отъ Кихана Калмыки и Туркменцы, которые ѣхали при немъ десять человѣкъ, въ томъ числѣ и вождъ Мангла Кашка и изъ нихъ шесть человѣкъ возвратилось съ вѣдомостью въ Калмыцкіе улусы, а четыре человѣка: двои Калмыкъ и Бакша да двое Туркменцевъ Девлеть съ товарищами, обошедъ кругомъ обозъ ихъ, тайно пришли напредь въ Хиву и явились Хивинскому Хану Ширгазею и потомъ его Керейтова и казаковъ онъ Хивинскій Ханъ велѣлъ побрать подъ караулъ и учалъ собирать войско свое, и собравъ, пошелъ противъ его господина князя Черкасскаго войною. А до прибытія де ихъ Калмыцкаго Хивинскаго войска въ собраніи ничего не было. А отъ учиненной де ихъ крѣпости стоялъ Ханъ Ширгазей версты съ полторы. И какъ де по присылкѣ отъ него

Хивинскаго Хана господинъ князь Черкасскій поѣхалъ изъ той крѣпости къ нему Хану и съ собою взялъ князя Михайлу Заманова да драгунъ и казаковъ съ семьсотъ человѣкъ и подарки и онъ де Алтынъ при князѣ Михайлѣ Замановѣ взятъ туды жъ. И какъ де они стали къ Хивинскому войску подъѣзжать, и войско де ихъ Хивинское раздѣлилось на двое и дали имъ дорогу. И отвели де они Хивинцы ему господину князю Черкасскому близко Хана палатку да другую палатку князю Михайлу Заманову. И того жъ де дни тотъ Хивинскій Ханъ невидався съ нимъ господиномъ княземъ Черкасскимъ, съ того мѣста пошелъ на другое мѣсто и отошелъ версты съ четыре. И они де ѣхали въ томъ же Хивинскомъ войскѣ въ срединѣ и остановились съ нимъ же Ханомъ близъ его палатокъ и ночевали, не получа видѣть его Хана. И на другой де день послѣ полудня прислалъ по него господина князя Черкасскаго онъ Хивинскій Ханъ, чтобъ онъ съ нимъ того дни видѣлся и быть къ нему. И господинъ де князь Черкасскій, взявъ съ собою князя Михайлу Заманова, поѣхалъ къ нему Хану и за собою велѣлъ нести и подарки, которые есть Хану поднесть. А онъ де Алтынъ былъ при немъ князѣ Михайлѣ Замановѣ; и къ нему де Хану его господина князя Черкасскаго и князя Михайлу Заманова въ палатку пустили, и вошедъ онъ господинъ князь Черкасскій, подалъ ему Хану отъ Царскаго Величества листы и объявилъ подарки: сукны, порешены, луданы, сахаръ, соболи да девять блюдъ, девять торелей, девять ложекъ сребреныхъ. И то де все онъ Ханъ у него принялъ. И были въ палаткѣ у него часа съ два, и обѣдали. А онъ де Алтынъ и другіе были близъ той палатки; а тѣ де сукна и луданы поднесли ему Хану драные по пяти аршинъ. А дралъ де то князь Михайло Замановъ. И будучи де у него Хана, по приказу господина князя Черкасскаго, взятые при немъ играли на гобояхъ и били по накрамъ и въ барабаны. И бывъ онъ господинъ князь Черкасскій возвратился по прежнему въ опредѣленныя ему палатки. И послѣ того жъ дни вскорѣ тѣ подарки прислалъ онъ Хивинскій Ханъ къ нему господину князю Черкасскому съ своими людьми, и тѣ присланные говорили ему господину князю Черкасскому: для чего де такъ они учинили? и подарки принесли къ Хану ихъ все дранные, а въ листу де Государевомъ къ нему Хану написано: что посланы всѣ въ цѣлости. И то де они своровавъ, хотѣли украсть у Царскаго Величества, или у него Хана. И господинъ де князь Черкасскій тѣ подарки у тѣхъ присланныхъ велѣлъ принять, и ихъ присланныхъ отпустилъ. И по отпуску сталъ онъ господинъ князь Черкасскій плахать и князю Михайлу Заманову говорить: что де оная бѣда учинилась отъ него Заманова, и Замановъ де ему господину князю Черкасскому отвѣтствовалъ, что де онъ Замановъ тѣмъ остаточнымъ подаркамъ самъ не покорыствовался, а оставлены для того, чтобъ имъ чѣмъ можно выѣхать назадъ. И на другой де день Хивинскій Ханъ поднялся и за нимъ и господинъ князь Черкасскій. И тотъ день весь шли къ Хивѣ и остановилися подъ вечеръ, и въ тотъ вечеръ онъ господинъ князь Черкасскій и съ князь Михайломъ Замановымъ по

призыву его у него жъ Хана были часа съ четыре и прибыли къ себѣ въ обозъ. А оставшіе де отъ него господина князя Черкасскаго въ крѣпости служилые люди шли за ними жъ, позади Хивинскаго войска и стояли отъ палатокъ господина князя Черкасскаго верстахъ въ четырехъ и въ обозъ де ихъ къ нему господину князю Черкасскому не допустили. И съ того де мѣста пошелъ онъ Хивинскій Ханъ къ Хивѣ и между войскомъ ихъ господинъ князь Черкасскій. И шли два дни и пришли подъ вечеръ на рѣку Порсунгулъ, которая разстояніемъ отъ Хивы ходу два дни. А оставшее ихъ войско остановилось не доходя ихъ Хивинскаго войска версты за двѣ. И на утро де Хивинскій Ханъ прислалъ къ нему господину князю Черкасскому Узбековъ четырехъ человѣкъ и тѣ де Узбеки ему господину князю Черкасскому говорили, чтобъ онъ войско свое для отводу по городамъ на квартиры раздѣлилъ, которыя при немъ на пять частей, такъ же и которыя стоятъ особо за Хивинскимъ войскомъ на пятеро жъ и изъ ружей бы имъ стрѣлять не велѣлъ. И господинъ де князь Черкасскій служилыхъ людей, которые были при немъ семьсотъ человѣкъ разобравъ и оставилъ при себѣ изъ драгунъ и изъ казаковъ изъ нихъ Юртовскихъ Татаръ и Черкесъ съ двѣсти человѣкъ, а достальнымъ велѣлъ съ Хивинскими Узбеками ѣхать куды они поведутъ на квартиры. И тѣ де служилые люди отъ палатки его господина князя Черкасскаго изъ средины Хивинскаго войска поѣхали, также и которые оставшіе служилые люди, которые стояли за Хивинскимъ войскомъ, раздѣлясь на пять частей на квартиры Хивинцы повели жъ. А въ которыя мѣста и дорогою надъ ними какую казнь чинили ль, того онъ Алтынъ не вѣдаетъ. А войска де ихъ Хивинскаго повидимому значитъ: что конницы и пѣхоты было съ пятнадцать тысячъ. И какъ де тѣ его господина князя Черкасскаго войски учали разводить, и онъ де господинъ князь Черкасскій и князь Михайло Замановъ были для отдачи людей на квартиры на конѣхъ и отпустя тѣхъ служилыхъ людей, пріѣхали онъ господинъ князь Черкасскій и князь Махайло Замановъ къ его Ханскому шатру, а скарбъ де его господина князя Черкасскаго въ то время Узбеки привезли къ тому жъ Ханскому шатру: и въ то де время Ханъ былъ въ шатрѣ. И какъ де тотъ Хивинскій Ханъ изъ шатра своего вышелъ и изъ обозу господина князя Черкасскаго Узбеки взявъ Астраханца дворянина Кирьяка Економова и отвели и противъ шатра Хивинскаго Хана разстояніемъ сажень съ тридцать, учали его Кирьяка разболокать донага, и разболочи, отрубили ему саблею голову и брюхо распороли. А потомъ де какъ стали его рубить пришедъ къ Ханскому шатру другіе Узбеки и князя Махайлу Заманова взявъ съ лошади повели и онъ де князь Замановъ лошадь свою отдалъ держать ему Алтыну и отъ шатра де Ханскаго отвели его князя Заманова саженъ съ десять и платье, которое на немъ было, сняли и разболокли до-нага, оставили въ однихъ штанахъ и посадили на землю. И двои человѣкъ Хивинцовъ учали его рубить и голову ему отсѣкли жъ. И тѣ де ихъ казни Хивинскій Ханъ видѣлъ, а господинъ де князь Черкасскій, сидя на лошади

у шатра его Хивинскаго Хана ему Хану и Узбекамъ сталъ говорить: для чего они присланныхъ съ нимъ рубятъ, понеже онъ присланъ отъ Царскаго Величества посломъ, а не войною, въ чемъ де онъ Ханъ и Хивинскіе его люди, что надъ ними зла никакого не чинить цѣловали куранъ. И между де тѣхъ словъ увидя его Алтына Хивинцы, что онъ князя Заманова держитъ лошадь, ударили его чеканомъ по боку и взявъ въ обозъ свой, связали и послали его Алтына напредь въ Хиву. А онъ де господинъ князь Черкасскій остался на конѣ у того Ханскаго шатра живъ. А послѣ того, что надъ нимъ господиномъ княземъ Черкасскимъ улинили ль и живъ ли и гдѣ нынѣ, того онъ не вѣдаетъ и послѣ де ихъ того жъ дни и Хивинскій Ханъ самъ въ Хиву прибылъ же и былъ онъ Алтынъ въ Хивѣ у Узбека на дворѣ недѣлю и по прибытіи де его Ханскомъ въ Хиву спустя двѣнадцать денъ ,собравъ ихъ Татаръ всѣхъ и Черкесъ изъ разныхъ мѣстъ да двухъ человѣкъ Русскихъ Гребенскихъ казаковъ да Турченина новокрещена, который назывался басурманомъ, всего тридцать девять человѣкъ, въ томъ числѣ и его Алтына хотѣли рубить и выводили по два дни на площадь, и упросилъ ихъ у Хана отъ казни большой ихъ Масулманскій Ахунъ, потому что де побрали они какъ Русскихъ, такъ и оныхъ иновѣрцевъ съ обманомъ и цѣловали по закону своему куранъ, и въ то де время учинили ихъ свободныхъ и отпустили въ домы свои, а въ бытность де онъ Алтынъ въ Хивѣ слышалъ отъ Узбековъ, что и господинъ князь Черкасскій убитъ досмерти, отсѣчена голова: и говорили, что повѣшены головы ихъ съ княземъ Замановымъ за городомъ на висѣлицѣ вмѣстѣ, и онъ де Алтынъ къ тому мѣсту ходилъ тайно самъ и смотрѣлъ и на той де висѣлицѣ повѣшены головы князь Махайла Заманова и Кирьяка Економова; и признялъ де ихъ потому, что у нихъ волосы длинные и бороды идучи въ пути обросли, а господину де князю Черкасскому до того времени за два дни бороду всю и на головѣ волосы по-Черкаски брилъ онъ Алтынъ. И на той де висѣлицѣ головы его князя Черкасскаго не повѣшено. Да онъ же де Алтынъ, какъ ихъ связанныхъ вели дорогою до Хивы и въ Хивѣ видѣлъ онъ подъ карауломъ Русскихъ людей, которые были съ ними въ походѣ: князь Михайла Заманова шурина, да Черкашенина Сару-Мурзу, да капитана Семичова, да посадскаго человѣка Ивана Кисельникова, да подъячаго Висилья Старыщева, а Михайлу Керейтова съ казаками и про Воронина сына да про подъячаго Михайлу Волковоннова слышалъ отъ Хивинцевъ, что они живы жъ, а какъ де ихъ въ степи у Ханскаго шатра учали достальныхъ отъ господина князя Черкасскаго разбирать, и въ то де время видѣлъ онъ взяты живы Узбеками въ полонъ полковника Семена Дромонта сынъ, да Синбирскій подъячій Ѳедоръ Ѳеоктистовъ съ человѣкомъ своимъ Тимоѳѣемъ, а по взятіи де оныхъ, куда ихъ Узбеки дѣвали, того онъ Алтынъ не вѣдаетъ; да въ Хивѣ жъ де сказывали ему Алтыну Хивинцы, что Хивинскій ихъ Ханъ говорилъ, что ежели де Царское Величество пришлетъ къ нему объ оныхъ посла, и онъ де собравъ ихъ всѣхъ отдастъ. И по отпуску де изъ Хивы съ вышеписанными, ѣхалъ тою жъ Хивин-

скою большою дорогою до Астрахани двадцать шесть дней и прибывъ въ Астрахань явился оберъ-коменданту господину Чирикову.

Вышеписаннымъ Туркменцу и Татарину оныя допросныя рѣчи переводилъ Синбиренинъ Смайла-Мурза Ибраимовъ сынъ князь Богдановъ.

Третій человѣкъ Ѳедоръ Емельяновъ сказался: Яицкій казакъ, про походъ съ Яику со станичнымъ атаманомъ Никитою Бородинымъ. Ихъ Яицкихъ казаковъ тысячи пятисотъ человѣкъ до Астрахани и изъ Астрахани отъ лейбъ-гвардіи съ капитаномъ господиномъ княземъ Черкасскимъ чрезъ степь въ Хивинскую землю и по отправленіи изъ пути отъ господина князя Черкасскаго напредъ въ Хиву Астраханскаго дворянина Михайла Керейтова съ казаками, и что еще недошедъ они до Хивы были у него господина князя Черкасскаго отъ Хивинскаго Хана присланные два да отъ онаго Керейтова казакъ одинъ и про трактъ и про конскіе кормы и про воды которымъ они туда слѣдовали сказалъ тожъ, что и присланные съ Яику Яицкій казакъ Уразметь Ахметевъ, а изъ Астрахани Туркменецъ Неѳесъ Хэджа, которые были съ ними жъ въ походѣ. А ѣдучи де отъ Гурьева Яицкаго-городка до Эмбы рѣки, и отъ Эмбы до Хивинской земли и то рѣки Карагачи провіанту побросано и отсталыхъ лошадей дорогою покинуто многое число, потому что имъ дано было провіанту въ Гурьевѣ Яицкомъ на полгода и за дальностію и за неудовольствомъ кормовъ, лошади многія пристали и не дошедъ де до той рѣки Карагачи за день съ вѣдома его господина князя Черкасскаго Яицкихъ и Гребенскихъ казаковъ шестьдесятъ человѣкъ поѣхали напредь на тое рѣку Карагачъ для рыбной ловли и до приходу де ихъ тѣхъ казаковъ Хивинцы побрали въ полонъ. И какъ де онъ господинъ князь Черкасскій сталъ подходить той рѣки Карагачи къ разливѣ къ водѣ и недопустя де до того мѣста версты за полторы, Хивинскій Ханъ съ войскомъ своимъ, по видимому съ тридцать тысячъ, встрѣтили ихъ и почали наѣздомъ по нихъ стрѣлять изъ пищалей и изъ луковъ, а они де изъ обозу по нихъ такожъ стрѣляли. И онъ де господинъ князь Черкасскій убравшись къ оной разливѣ къ водѣ и обозъ свой арбами и телѣгами обстановили кругомъ съ трехъ сторонъ къ водѣ, а съ четвертою вода. А потомъ того жъ дни ночью сдѣлали валъ земляной и батарей построили и поставили семь пушекъ и убрались въ тое крѣпость и были отъ нихъ Хивинцевъ въ той крѣпости въ осадѣ три дни. А то де Хивинское войско стояло отъ нихъ версты за двѣ и на четвертый де день прислалъ Хивинскій Ханъ къ той ихъ крѣпости на переговорку двухъ человѣкъ отъ себя и къ нимъ де изъ той крѣпости онъ господинъ князь Черкасскій, взявъ съ собою князь Михаилу Заманова, выѣзжалъ самъ и поговоря съ полчаса возвратились по прежнему въ крѣпость и на другой день послѣ обѣда онъ господинъ князь Черкасскій поѣхалъ къ Хивинскому Хану и съ собою взялъ вышеписаннаго князя Заманова, да брегадъ-комисара Волкова, да двухъ братьевъ своихъ Черкесъ, да деньщиковъ шесть человѣкъ, драгунъ съ полтараста, каза-

ковъ ихъ Яицкихъ съ атаманомъ Никитою Бородиномъ сто, Гребенскихъ тридцать человѣкъ, выбравъ лучшихъ людей въ мундирѣ, въ томъ числѣ и онъ Ѳедоръ былъ же, и какъ де стали они подъѣзжать къ Хивинскому обозу и войско де ихъ Хивинское было на конѣхъ и раздѣлилось на двое улицею. А отъ Ханской де палатки ему господину князю Черкасскому поставлена была палатка разстояніемъ съ полверсты. И побывъ де въ той палаткѣ часа съ два, отъ него господина князя Черкасскаго къ Хану, также и отъ Хана къ нему князю Черкасскому была пересылка и сами между собою не видались. И того дни по пріѣздѣ ихъ, Хивинскій Ханъ со всѣмъ своимъ войскомъ пошелъ къ Хивѣ. А онъ де господинъ князь Черкасскій и съ ними ѣхалъ въ срединѣ ихъ войска. И шли до вечера и остановились близъ озера и ночевали. И по утру де онъ господинъ князь Черкасскій и съ князь Михайломъ Замановымъ поѣхали съ подарками къ нему Хану, а за ними де подарки несли казаки сто человѣкъ, въ томъ числѣ былъ и онъ Ѳедоръ и несъ сукна краснаго портища аршинъ съ пять, и по прибытіи де онъ господинъ князь Черкасскій и съ князь Михайломъ Замановымъ взяты къ Хану въ палатку, а подарковъ до палатки не допустили саженъ за десять и приняли тѣ подарки Хивинцы и положили въ одно мѣсто и былъ де онъ господинъ князь Черкасскій у него Хана съ часъ и пріѣхалъ къ своей палаткѣ. И послѣ де того спустя часа съ два Хивинскій Ханъ тѣ подарки прислалъ къ нему господину князю Черкасскому назадъ навьючча на верблюдѣ и тѣ де подарки онъ господинъ князь Черкасскій приказалъ принять. И того дни на томъ мѣстѣ и ночевали. И наутро Хивинской Ханъ со всѣмъ своимъ войскомъ пошелъ къ Хивѣ. А между де войска ихъ шелъ и господинъ князь Черкасскій съ ними и тѣмъ днемъ дошли до старой Хивы, гдѣ у нихъ напредъ было туто жилье, а нынѣ туто огородъ и строеніе цѣло. И отъ того мѣста шли два дни и дошли до Уралскихъ пашенъ и въ томъ мѣстѣ остановились и стояли два дни и изъ тѣхъ мѣстъ господинъ князь Черкасскій послалъ дворянина Званскаго да съ нимъ драгунъ пятьдесятъ человѣкъ и велѣлъ оставшимъ маіорамъ Франко-Берху да Пальчикову подойти къ себѣ ближе. И Хивинское де войско не допустило ихъ до него господина князя Черкасскаго за версту, и поставили они Хивинцы ихъ за буграми и стало быть не видно. И стоявъ де на тѣхъ Уральскихъ пашняхъ, на третій день объ обѣдѣ въ Госпожинъ постъ уговѣвъ половину, по приказу его господина князя Черкасскаго атаманъ ихъ Никита Бородинъ, взявъ ихъ Яицкихъ казаковъ сто человѣкъ съ Хивинскимъ Мурзою, какъ зовутъ не знаетъ, поѣхали изъ войска ихъ Хивинскаго на квартиры, куда они Хивинцы поведутъ и отъѣхали версты съ двѣ. И тотъ де ихъ атаманъ послалъ въ настоящій обозъ, кой шли позади, и пріѣхало къ нимъ Яицкихъ же ихъ казаковъ сто жъ человѣкъ. И собравшись того дни отъѣхали верстъ съ десять, а онъ де господинъ князь Черкасскій съ оставшими остался въ Хивинскомъ войскѣ въ срединѣ, а съ ними для провожанія ихъ на квартиры по-

слано Хивинцовъ съ шестьсотъ человѣкъ, и ночевали они казаки тотъ день у озера. И по утру де вставъ рано, какъ они казаки стали сѣдлать лошадей, а Хивинцы сѣвши на лошадей и подъѣхавъ къ нимъ ближе, одни соскача съ лошадей, а другіе сидя на лошадяхъ, учали ихъ разбирать по рукамъ трое одного и разобравъ всѣхъ, ружье и одежду, и лошадей и что при нихъ было, все обрали и развели врознь. А его де Ѳедора взялъ Хивинецъ, какъ зовутъ не знаетъ же, и отвелъ къ водѣ къ займищу, отъ того мѣста, гдѣ разбили саженъ съ пятьдесять, а самъ онъ Хивинецъ отошелъ отъ него и съ лошадью своею прочь, саженъ съ двадцать. И онъ де Ѳедоръ въ то время бросился отъ займища и шелъ водою и камышемъ съ черверть версты, а тотъ де Хивинецъ, прибѣжавъ къ тому мѣсту и вслѣдъ кричалъ ему, чтобъ остановиться и въ воду за нимъ не поѣхалъ. И былъ де онъ въ водѣ тутъ день до вечера, а ввечеру вышедъ изъ воды и на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ разбирали осмотрѣлъ и никого нѣтъ и пошелъ назадъ тою дорогою, которою ихъ отвели отъ обозу; и недошедъ де до того мѣста, гдѣ стоялъ господинъ князь Черкасскій съ Ханомъ, нашелъ лежитъ изрубленный человѣкъ нагъ, знатно что драгунъ. И отъ того де мѣста пошелъ осмотрѣть, гдѣ стоялъ господинъ князь Черкасскій съ Ханомъ же. И въ томъ мѣстѣ лежитъ порубленныхъ человѣкъ со сто, наги, а знатно, что драгуны, потому что у нихъ волосы длинные. И на томъ мѣстѣ его господина князя Черкасскаго и Хивинскаго войска никакого нѣтъ. И отъ страху де больше онъ Ѳедоръ не смотрѣлъ, а разбиты де въ тѣхъ мѣстахъ лежатъ на землѣ сухари и другое платное драно; и онъ де Ѳедоръ набравъ тута сухарей, и пошелъ назадъ дорогою жъ, которою они шли съ Яику до Хивы и шелъ сутки, и нашелъ на той большой дорогѣ на Яицкаго жъ казака Михайлу Спиридонова, идетъ раненный, и шли де они вмѣстѣ денъ съ десять, и на дорогѣ нашли отсталыхъ трехъ лошадей, и поймавъ ѣхали на нихъ. И не доѣзжая де до рѣки Енбы за два дни, наѣхали на нихъ Калмыки Даржина владѣнья человѣкъ съ восемь и взявъ ихъ привезли къ нему Даржѣ, и онъ де Даржа отослалъ ихъ въ Гурьевъ-городокъ, а изъ Гурьева присланы въ Астрахань.

Четвертый человѣкъ Михайло Спиридоновъ сынъ, прозвище Бѣлотелкинъ сказался: Яицкій же казакъ, про походъ съ Яику съ станичнымъ атаманомъ Никитою Бородинымъ ихъ Яицкихъ казаковъ тысячи пятьсотъ человѣкъ до Астрахани, и изъ Астрахани отъ лейбъ-гвардіи съ капитаномъ господиномъ княземъ Черкасскимъ чрезъ степь въ Хивинскую землю и по отправленіи изъ пути отъ господина князя Черкасскаго напредь въ Хиву Астраханскаго дворянина Михайла Керейтова съ казаками, и что еще не дошедъ они до Хивы, были у него господина князя Черкасскаго отъ Хивинскаго Хана присланные два, да отъ онаго Керейтова казакъ одинъ, и про трактъ и про конскіе кормы и про воды, которымъ они туда слѣдовали, сказалъ тожъ, что и присланные съ Яику Яицкій казакъ Уразметь Ахметевъ, изъ Астрахани Туркменецъ Неѳесъ-Хаджа и Яицкій же казакъ Ѳе-

доръ Емельяновъ, которые были съ нимъ въ походѣ. А какъ де господинъ князь Черкасскій изъ учиненной крѣпости поѣхалъ къ Хивинскому Хану въ войско и въ той де крѣпости онъ господинъ князь Черкасскій оставилъ командирами маіора Франко-Берха да секундъ маіора Григорья Пальчикова, съ служилыми людьми и артиллерію. И онъ де Михайло оставленъ въ той же крѣпости, и бывъ де онъ господинъ князь Черкасскій въ томъ Хивинскомъ войскѣ въ обозѣ сутки, прислалъ въ тое ихъ крѣпость отъ себя дворянина Званскаго, да драгунъ пятьдесять человѣкъ и велѣлъ онымъ маіорамъ съ драгуны и казаки и съ артиллеріею убрався совсѣмъ идти за собою, и шли де они позади Хивинскаго войска дни съ четыре и пришли въ Аральскія пашни. И до него де господина князя Черкасскаго Хивинское войско близко ихъ стоять не допустили и остановили за буграми и было невидѣть. И на другой де день маіоръ Франко-Берхъ посылалъ къ нему господину князю Черкасскому вышеписаннаго дворянина Званскаго съ тѣмъ, что ихъ недопустя до него господина князя Черкасскаго, остановило Хивинское войско, и оной де Званской пріѣхалъ отъ него господина князя Черкасскаго, сказалъ ему маіору Франко-Берху, что де приказалъ онъ господинъ князь Черкасскій раздѣлиться имъ по сотенно и идти по квартирамъ, куды Хивинцы поведутъ. И какъ де драгуны и казаки раздѣлились и Хивинцы де взявъ передними сто человѣкъ, повели изъ обозу въ сторону, а послѣ того другіе сто человѣкъ казаковъ, въ томъ числѣ и онъ Михайла, поѣхали съ ними Хивинцы на квартиры. А было де ихъ Хивинцовъ съ триста человѣкъ, а и достальные почали изъ обозу убираться въ разъѣздъ же. И отъѣхали де они изъ обозу верстъ съ пять и ѣдучи вдругъ наѣхавъ на нихъ, Хивинцы учали ихъ съ лошадей брать и вязать и перевязавъ, ружье, и лошадей, и платье, и скарбъ, что при нихъ ни было, все обрали, и ихъ разобрали, трое одного человѣка и развели неподалеку другъ отъ друга и почали рубить, и его Михайлу Хивинцевъ двое взявъ, рубили саблями по шеѣ и по плечамъ и били въ голову чеканомъ. И онъ де Михайло отъ того упалъ на землю и лежалъ замертво съ вечера до полуночи, а они де Хивинцы его туто покинули. И вставъ де онъ, Михайло осмотрѣлся, и Хивинцевъ на томъ мѣстѣ никого нѣтъ, а видѣлъ, что лежитъ казаковъ ихъ порубленныхъ съ пятьдесять человѣкъ нагихъ, и онъ де устрашась того и больше не осмотрѣвъ, отошелъ прочь и пошелъ съ версту къ рѣкѣ, лежалъ тутъ сутки и вставъ вышелъ на дорогу, взялъ сухарей, которые лежали по дорогѣ разбросаны и пошелъ назадъ дорогою, которою они шли въ Хиву. И въ другіе сутки нашелъ на него на дорогѣ вышепомянутый казакъ Ѳедоръ Емельяновъ и шли все вмѣстѣ до взятія ихъ Калмыками и отъ Калмыцкаго владѣльца Даржи, присланы они на Яикъ въ Гурьевъ-городъ, а съ Яику въ Астрахань, а оставшіе де служилые люди, драгуны и казаки, въ которыя мѣста поведены и живыль, или кто есть порублены, того онъ Михайла не вѣдаетъ.

А по осмотру у него Михайлы шея по затылку и оба плеча рубѣны въ трехъ мѣстахъ.

II.

ИНСТРУКЦІЯ СЕКРЕТАРЮ ЭКСПЕДИЦІИ ОРІЕНТАЛЬНОЙ, ФЛОРІЮ БЕНЕВЕНИ.

1.

Ѣхать ему къ Хану Бухарскому, въ чинѣ его Царскаго Величества посланника, для Его Царскаго Величества дѣлъ, о чемъ ему дана Его Царскаго Величества къ нему Хану вѣрющая грамота, публичная; и пріѣхавъ ему къ Москвѣ, въ немедленномъ времяни убраться и ѣхать до Астрахани, дабы въ пути достичь, а по послѣдней мѣрѣ въ Астрахани застать недавно отправленнаго изъ Москвы посла Бухарскаго, который хотѣлъ его тамо ожидать, и потомъ отъ Астрахани ѣхать обще съ нимъ.

2.

Ѣхать ему съ нимъ, посломъ Бухарскимъ, по состоянію дѣла, смотря инкогнито и подъ другимъ лицемъ, ежели потребно, чтобъ его не узнали, или инако, по своему разсмотрѣнію. Ѣдучи ему въ пути, а особливо Хана Бухарскаго во владѣніи, какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ, всѣ мѣста, пристани и городы и прочія поселенія и положенія мѣстъ, и какія гдѣ отъ нихъ въ море Каспійское рѣки большія и малыя впадаютъ, и какія онѣ суда имѣютъ, такожъ какіе городы, и укрѣпленныя ль, и имѣютъ ли фортецыи, присматривать все то прилежно и провѣдывать искустно, такъ, чтобъ того не признали Бухаряне.

3.

Когда онъ посланникъ прибудетъ къ Хану Бухарскому, и ему сперва, освѣдомясь о церемоніалѣ ихъ, какой бываетъ на аудіенціи посланникомъ присыланнымъ къ нимъ отъ Шаха Персидскаго, и какъ прежде сего отправленнымъ отъ двора Его Царскаго Величества посланникомъ же былъ пріемъ, требовать потомъ, дабы къ нему Хану былъ допущенъ на удіенцію съ достойнымъ почтеніемъ характера его. И когда онъ отъ нихъ увѣдомится, что будетъ ему пріемъ учиненъ и на удіенцію допущенъ съ достойнымъ почтеніемъ характера его, и противъ посланниковъ Шаха Персидскаго; то ему потому обнадеживанію быть на той аудіенціи. А буде предусмотритъ, что ему въ церемоніалѣ какую бъ отмѣну похотѣли учинить; то ему въ томъ стоять упорно и напослѣдокъ болѣе того нетребовать, чтобъ такъ былъ честно принятъ, какъ прежніе Его Царскаго Величества посланники были принимаемы, объявляя притомъ Ханскимъ министрамъ, что

онъ присланъ къ нему Хану отъ Его Царскаго Величества ради умноженія дружбы, и что Его Царское Величество не въ томъ мнѣніи его посланника послать изволилъ, чтобъ какое предосужденіе чести Его Царскаго Величества было учинено; ибо Его Царское Величество ихъ послу, отъ котораго они увѣдомится сами могутъ, особливую милость казать изволилъ. И когда онъ будетъ у Хана Бухарскаго на аудіенцію, и ему при поданіи грамоты вѣрющей, съ нимъ посланной, отправить Хану рѣчь по обыкновенію, обнадеживая онаго крѣпкою Его Царскаго Величества дружбою и пріязнію, и что онъ посланникъ присланъ отъ Царскаго Величества къ нему Хану для лучшаго утвержденія и умноженія дружбы и пріязни, такожъ благодарить за присылку ихъ посла и съ нимъ подарковъ и показаніе пріязни его Ханской.

4.

Будучи ему тамо, присматривать и развѣдывать удобовозможными способы: сколько у Хана въ его области какихъ крѣпостей, и въ которыхъ мѣстѣхъ коликое число войска, конницы и пѣхоты и артиллеріи, и иного ружья, и въ какомъ состояніи все оное, и въ какомъ надзираніи тѣ крѣпости, и въ какомъ порядкѣ войска и артиллерія и прочіе обрѣтаются.

5.

Такожде прилежно ему развѣдывать, какое Ханъ Бухарскій обхожденіе имѣетъ съ Персами и съ Хивинцами и съ другими сосѣдственными владѣтели, такожъ и съ Турки, и не имѣетъ ли отъ кого какой въ нападеніи на себя опасности, и силенъ ли онъ въ подданныхъ своихъ и самовладѣтеленъ ли, и не склонны ль подданные къ бунту, и какая форма управленія, такожъ съ кѣмъ граничитъ ихъ земля и отъ кого имѣютъ больше опасности, и съ кѣмъ въ дружбѣ и не потребналь имъ будетъ помощь Царскаго Величества. И примѣняясь къ состоянію ихъ, трудиться, дабы Хана привесть въ ближайшее съ его Царскимъ Величествомъ сообязательство и, ежели возможно, дабы съ Его Царскимъ Величествомъ и оборонительной аліанцъ противъ нападателей на обѣ стороны учинить; и ежели ихъ къ тому склонность онъ посланникъ предусмотритъ, то можетъ ихъ склонять ко учиненію того оборонительнаго союза съ Его Царскимъ Величествомъ противъ всѣхъ нападателей на обои владѣнія, а больше на Хивинцевъ. И ежели оной похотятъ, то оной съ ними сдѣлать на такомъ основаніи, что ежели бъ кто на Его Царское Величество съ той стороны хотѣлъ какое нападеніе учинить и войну зачать, то ему Хану войски своими чинить Его Величеству вспоможеніе, а взаимно если на него Хана будетъ отъ кого нападеніе, то Его Царское Величество ему долженствуетъ чрезъ посылку войскъ своихъ вспомочь, какъ обыкновенно такіе оборонительные союзы чинятся; однакожъ лучше, дабы тотъ союзъ поставя на мѣрѣ, описаться къ Его Царскому Величеству.

6.

Ему же наивящѣе всего подлинно развѣдать и усмотрѣть стараться надлежитъ, какіе товары Бухаряне въ своемъ владѣніи имѣютъ и куды оными торгуютъ, и не возможноль въ тѣ краи Россійскаго купечества размножить и чрезъ какой каналъ, и какіе имъ товары потребны, и можетъ ли то купечество быть отправляемо моремъ, или за чѣмъ моремъ не возможно, то сухимъ путемъ, и чрезъ какія мѣста, и свободенъ ли проѣздъ сухимъ путемъ отъ нападенія какого; такожъ жилыя мѣста или степи, или болота, чему всему имѣть записку.

7.

Ему же посланнику отъ Бухарцевъ и Хивинцевъ, которые живутъ въ Бухарахъ, стараться подлинно увѣдать, во владѣніи Хивинскомъ въ рѣкахъ Дарьѣ, или иной какой, для чего было князь Александръ Бековичъ Черкасскій посланъ, золото, какъ о томъ было отъ него князя Черкасскаго и отъ иныхъ Его Царскому Величеству донесено, о чемъ ему особливое извѣстіе прилагается; и ежели бъ тамо имѣть крѣпость и людей, возможноль получить много того золота. И если увѣдаетъ, что подлинно въ тѣхъ рѣкахъ есть золото и можно его много получать; то стараться развѣдать, возможноль до того мѣста дойтить и людей туда завесть, и ихъ содержать, и отъ Хивинцевъ охранить, и не будетъ ли то противно Бухарцамъ? О чемъ о всемъ развѣдавъ, писать съ нарочно посланнымъ ко двору Его Царскаго Величества немедленно, а самому, до полученія на свои доношенія резолюціи, стараться, чтобъ побыть тамо, а между тѣмъ далѣе и глубже о всемъ томъ, какъ выше изображено, а именно о состояніи ихъ государства, развѣдывать и записывать въ журналъ, дабы при возвращеніи своемъ быть въ состояніи обо всемъ томъ обстоятельное и подлинное доношеніе Его Царскому Величеству учинить. Буде Хану Бухарскому надобно будетъ въ гвардію для его охраненія нѣсколько сотъ, или и больше Россійскихъ людей, то развѣдавъ о томъ, удобнымъ случаемъ, предложить тайно о томъ, что Царское Величество Хану въ томъ можетъ удовольство показать. Съ посломъ бывшимъ Бухарскимъ искати доброй дружбы и конфиденціи, такожъ и изъ людей его, чтобъ войтить тѣмъ съ нимъ въ дружбу и чрезъ ихъ бы получать тамо всякія вѣдомости.

Данъ при Кронштотѣ, іюля 13 дня 1718 года.

Канцлеръ графъ Головкинъ.

Подканцлеръ баронъ Петръ Шафировъ.

III.

ДОНЕСЕНІЕ Ф. БЕНЕВЕНИ ИЗЪ ШЕМАХИ 1-ГО ОКТЯБРЯ 1719 г.

Всемилостивѣйшій Царь Государь!

Всепокорно доношу Вашему Величеству, что я вмѣстѣ съ Бухарскимъ посломъ, 4-го іюля прибылъ къ Персидскому берегу въ Низовую, гдѣ получилъ я отъ сего Шамахинскаго Хана письмо одно, въ которомъ всякимъ удовольствіемъ и вспоможеніемъ ласкалъ насъ; со всѣмъ тѣмъ 20 дней продержалъ насъ, пока подводы были присланы къ намъ. А какъ сюда прибыли, противъ обѣщанія намъ учинено не было, но всякая противность показана; въ началѣ 22 дни внѣ города насъ продержали, а наконецъ принявши насъ съ нѣкоторою ласкою, до сего числа удерживаютъ насъ, пропускъ намъ не отказываютъ, но манными словами будто отъ своего Шаха объ насъ указу не получили, къ отпуску время протягиваютъ.

По свѣдому моему существо дѣло сіе есть, какъ Чюлфяня, Армяня съ первыми судами прибыли, весьма Величество Ваше обнесли сему Хану, а именно: что Вы имѣете войну жестокую съ Цесаремъ и съ другими потентатами; грамоты Ваши отъ рекомандаціи почитать не стали и для того сей Ханъ въ своей къ намъ ласкѣ вдругъ перемѣну показалъ, пока другія наши судна прибыли въ Низовую и получше освѣдомился Россійскаго состоянія. А межь тѣмъ капитанъ-поручикъ Фонъ-Венденъ проходомъ появился въ Низовой, отъ котораго маленько устрашились и вмѣсто трехъ кораблей, 20 почли, а меня спрашивали за какимъ дѣломъ оной по сему Каспійскому морю такъ многочисленно вооруженно гуляетъ? На что я имъ удобный отвѣтъ отдалъ. Потомъ получилъ я вѣдомость изъ Астрахани, что Ваше Величество весной нѣкоторую викторію получили и великія приготовленія противъ непріятелей чинятся; чего ради сей Ханъ получше насъ сталъ почитать и ласково принимать, однако же не безъ заговорки, спрашивая меня за какимъ дѣломъ посланъ я къ Бухарскому Хану и его посолъ давно ли къ Вашему Величеству изъ Бухаръ пріѣхалъ, за какимъ дѣломъ и для чего назадъ тою дорогою не возвратился оный посолъ, а наипаче объявлять сталъ мнѣ, что отчасти Избецки народъ непріятелями является Шахову Величеству. И освѣдомился отъ постороннихъ людей, что Ханъ межь своими переговаривалъ, понеже Ваше Величество въ началѣ войны съ Шведомъ, Шахова Величества посла чрезъ свои земли къ Шведскому Королю пропустить не изволили, то также надлежало бы и насъ чрезъ Шаховы области не пропускать. Сіе мнѣ не имянно было объявлено, но мнѣніе ихъ было таково. А что надлежитъ до присылки Бухарскаго Хана посла и моей посылки къ оному Хану, надлежащій отвѣтъ подалъ.

Отъ Шахова Величества до сихъ поръ не одинъ куріеръ прибылъ сюда, однакожъ намъ никакого опредѣленія не учинено сколько ни трудился я, чтобъ грамоту Вашего Величества отправить къ Шаху и объявить о моемъ сюды пріѣздѣ, отнюдь сей Ханъ не допустилъ, но еще заказывалъ, чтобы я никого не посылалъ, и на заставахъ именно никого не велѣно отъ моихъ пропускать, что понеже Шахово Величество въ Казбинѣ, а мнѣ путь надлежитъ чрезъ Казбинъ и оную грамоту я самъ могу Шахову Величеству поднесть.

Нынѣ понеже зима настаетъ и послѣдній путь нашимъ суднамъ къ Астрахани, требовалъ я послѣдней резолюціи у Хана съ великимъ дерзновеніемъ: для чего онъ меня и Бухарскаго посла удерживаетъ, чтобъ мнѣ онъ имянно объявилъ причину и если отъ Шахова Величества пропуску позволеніе, чтобъ во оправданіи моемъ Вашему Величеству могъ донесть, или назадъ возвратиться, а не напрасно здѣсь столь времяни мѣшкать. На что оный Ханъ мнѣ отвѣтствовалъ, что будто на сихъ дняхъ ожидаетъ отъ Шахова Величества указу, чтобъ меня и Бухарскаго посла со всякою честію и удовольствомъ отправить въ Казбинъ. Также по премногу просилъ, чтобъ на нѣсколько дней еще потерпѣлъ, а объявилъ бы Вашему Величеству, что за великими дѣлами, которыя нынѣ Шахъ имѣетъ, столько время здѣсь замѣшкались и указы про насъ получить не могъ и что по Вашему Царскому желанію пропускъ намъ чрезъ Шаховы области со всякимъ удовольствомъ и охраненіемъ учиненъ будетъ.

Сколько я ни трудился, провѣдать не могъ, за какую причину насъ здѣсь одержали; но токмо освѣдомился будто сперва намъ добраго лица не показали и въ мнѣніи было насъ не пропускать для того: фальшиво освѣдомлены добраго и счасливаго состоянія Вашего Величества, а потомъ, когда услышали подлинныя вѣдомости, стали вновь насъ ласково почитать, и слышалъ я подлинно, что ожидается на сихъ дняхъ новый куріеръ объ насъ, а что будетъ не вѣдаю. Доношу Вашему Величеству, что здѣсь наша лишняя мѣшкота меня и моего товарища посла въ послѣднее разореніе приведетъ, а меня наипаче, понеже оному послу принужденъ домашніе его нужды управлять, деньгами и прочимъ ссудить; жалуется оный, что деньгами оскудѣлъ и себя содержать не можетъ чрезъ долгое время на чужой сторонѣ; а мнѣ столько мочи нѣтъ, нежели пропускъ намъ будетъ, что на сихъ дняхъ ожидаемъ, а подводы и прочее намъ заплатить, не безъ малой трудности подыматься будетъ на такую дальную дорогу, а поготову послу Бухарскому подняться не возможно, для того, что имѣетъ людей и бутору много.

До сихъ поръ на своихъ деньгахъ кормился, а отъ сего Хана окромѣ квартиры ничего не видали, а на ихъ обѣщаніе и ласку надѣяться не возможно, понеже люди самые лгуны и весьма въ словѣ не постоянны, что часто слово перемѣняютъ.

Нынѣшнее здѣшнее управленіе самое плохое, а лучше сказать варварское; сей новый Ханъ изъ своей головы ничего не дѣлаетъ,

другіе, которые при немъ, своевольно управляютъ дѣлами и обиды великія дѣлаютъ и въ народѣ. Ежелибъ я не былъ здѣсь и нашихъ бы Русскихъ въ пущее разореніе привели; кое-какъ по сю пору заступаю ихъ; также и въ долгахъ немалыхъ, которые имѣютъ на здѣшнихъ начальникахъ.

Нынѣ слово есть такое, что Шахъ опасаяся отъ набѣговъ Хивинскихъ и Туркменскихъ со стороны Мечетской[1] съ войскомъ самъ туды ѣхать намѣренъ. Въ послѣднихъ числахъ марта Мечетскій Ханъ съ двѣнадцать тысячь войска межь Маврою[2] и Мечетемъ Хивинцевъ и Туркменцевъ и Узбековъ Ханскихъ восемь тысячь побѣдилъ. Послѣ какъ оные Хивинцы изъ подъ Мечетя возвращалися съ великимъ плѣномъ, который во округѣ Мечетя, а именно: десять тысячь полоненниковъ везли, и тѣ всѣ отъ помянутаго Хана назадъ отняты, а Хивинцевъ четыре тысячи на полѣ остались изрублены, а достальные бѣгомъ ушли. Того ради Хивинцы и Туркменцы стали грыстися на Персіянъ и жестокій надъ ними реваншъ сыскать грозятся, ежели бы не имѣли опасности и страху отъ Вашего Величества съ той страны лѣтней порою, давно бъ вновь подъ Мечеть пріѣхали.

Хивинскій посолъ, который отпущенъ къ Шаху изъ Хивы прежде вышепомянутаго ихъ побѣжденія и набѣгу ихъ въ земли Шаховы съ Мечетской стороны, при Шахѣ въ Казбинѣ задержанъ, котораго чуть и не казнили, имѣя мнѣніе, что онъ силы за собою привезъ; а онъ себѣ оправданіе учинилъ, что набѣгъ учиненъ съ Мечетской стороны не отъ Хивинцевъ, но отъ Туркменцевъ, и тѣмъ себя на время выправилъ и отъ смерти избавился.

За недѣлю ѣзды отъ Мечетя въ сторону въ нарочитый Персидскій городъ Ирадъ[3], которымъ года съ два какъ Авганскій народъ завладѣлъ, нынѣ Шахъ подъ командою Мечетскаго Хана великія войски посылалъ, чтобъ оный городъ назадъ возвратить; однакожъ отъ помянутыхъ Авгановъ на голову побиты и самъ Ханъ съ сыномъ убитъ на баталіи.

Бывшій Милитинскій князь Вахтанганъ, который при Шахѣ подъ арестомъ сидѣлъ, отурчился и отъ Шаха паки Милитинскимъ Ханомъ поставленъ; въѣздъ его въ столицу учинился 13 августа; сначала самаго вдругъ весьма жестоко сталъ поступать и большихъ бояръ Милитинцевъ, не малое число, на которыхъ имѣлъ подозрѣніе недружбы, переказнилъ, нѣкоторыхъ секретно, а нѣкоторыхъ и явственно. Сказываютъ, что нынѣ послѣ принятія бусурманскаго закону весьма въ отмѣнѣ, токмо до своихъ фамильныхъ склоненъ является.

Лежги[4], которые отселѣ недалеко въ горахъ живутъ, Шавкальскіе и другіе, обиды великія чинятъ Шаховымъ подданнымъ. Прошедшей зимы Хана здѣшняго Шамахинскаго, который посланъ былъ съ войскомъ противъ онаго, уходили; а нынѣшней зимы, опасаясь, чтобъ набѣгомъ не ударили сюды на Шамаху, Шахъ повелѣлъ сему новому Хану съ войскомъ подняться противъ помянутыхъ Лежговъ; также

---

(1) т. е. Мешхедъ.
(2) т. е. Мервъ.
(3) т. е. Гератъ.
(4) т. е. Лезгины.

Милитинскій князь Ватханганъ съ своимъ Милитинскимъ войскомъ вмѣстѣ съ Ханомъ Отгенжи (*) къ тому жъ походу опредѣленъ.

Слышу, что Ханъ и другіе господа ради новопріѣзжему въ Низовую Французскому консулу, понеже давно какъ Персидскій дворъ ожидаетъ Французскихъ кораблей на томъ Персидскомъ морѣ въ Бендеръ-Абасу, понеже и тамъ народъ нѣкоторый отъ владѣнія Персидскаго отщепился и завладѣлъ нѣкоторыми островами на помянутомъ морѣ, при которыхъ островахъ жемчужная ловля была и Шахъ немалые доходы съ тѣхъ ловель имѣлъ. Сколько купецкихъ кораблей изъ Франціи послано, я не вѣдаю; однакожъ Персіяне чрезъ посредство Французское съ помянутыми купецкими кораблями потерянное мѣсто назадъ возвратить уповаютъ.

Вашего Величества
нижайшій рабъ
Өлори Беневени.

Изъ Шамахи
1-го октября 1719 г.

Получено въ Санктпетербургѣ генваря 20, 1720 г.

IV.

ДОНЕСЕНІЕ Ф. БЕНЕВЕНИ ИЗЪ ШЕМАХИ, 5 ГЕНВАРЯ 1720 г.

Всемилостивѣйшій Царь Государь!

Прошедшаго октября 1, 1719 году, всепокорно доносилъ я Вашему Величеству, что сей Ширванскій Ханъ меня и Бухарскаго посла такъ долго здѣсь въ Шамахѣ задержалъ и отпуску намъ не учинено. Нынѣ паки доношу Величеству Вашему, что по сю пору также мы здѣсь въ Шамахѣ удержаны; ни туды, ни сюды намъ дорогу не даютъ, но по вся дни показываютъ лицо, что будто отъ Шахова Величества указу еще не получили, и до сихъ поръ, сколько я ни трудился и письменно объявлялъ, что Величеству Вашему въ такихъ ихъ поступкахъ весьма противно будетъ, со всѣмъ тѣмъ никакого отвѣту получить отъ Хана не могъ, токмо что повседневно указовъ ожидаетъ. Окромѣ того просилъ Хана, чтобъ мнѣ проводника дали и допустили бы собственнаго человѣка моего до Казбина, гдѣ Шахово Величество обрѣтается, отправить и чтобъ оный съ подлиннымъ отвѣтомъ ко мнѣ назадъ возвратился. И въ томъ Ханъ мнѣ многократно нетокмо отказалъ, но вездѣ на заставахъ, а наипаче на перевозѣ чрезъ рѣку, гдѣ сей уѣздъ Ширванскій кончится, караулъ поставилъ и не велѣлъ никого безъ проѣзжаго письма пропускать. Однакоже послалъ я тихимъ образомъ куріера одного пѣшаго тому нынѣ два мѣ-

(*) т. е. Ганжи.

сяца, и понеже тотъ куріеръ назадъ еще не бывалъ незнамо за какою причиною, и другаго также отправилъ, который въ двухъ мѣстахъ на перевозахъ остановленъ и пройтить не могъ; то я на послѣдне прошедшаго 21 декабря отправилъ двухъ человѣкъ своихъ собственныхъ верхами и велѣлъ проводить ихъ гдѣ застава до помянутаго перевоза; и оные тое заставу благополучно проѣхали.

А съ оными моими людьми до Шахова двора писалъ я о задержаніи своемъ въ Шамахѣ, на такое долгое время и просилъ чтобъ мнѣ и Бухарскому послу резолюція учинена была противъ грамоты Вашего Царскаго Величества, въ которой насъ повелите рекомендовать его Шахову Величеству; и по послѣдней мѣрѣ на другой недѣлѣ отвѣту ожидаю изъ Казбина.

Мы здѣсь въ Шамахѣ въ великомъ страху отъ Лежгинцовъ обрѣтаемся, понеже оные грозятъ подъ городъ, чего ради всѣ ближнія деревни опустѣли и люди всѣ ушли сюда въ Шамаху, а деревни, которыя отселѣ день или полтора въ разстояніи, многія отъ оныхъ Лежгинцевъ разорены; также немалая часть Персіянъ, которые шли противъ ихъ войною побиты и въ полонъ взяты. Нынѣ непрестанно прибираютъ людей и посылаютъ на обороненіе, однакожъ все напрасно; понеже Лежгинцы въ великомъ собраніи и ни во что поставляютъ ихъ Персіянъ.

Самъ Ханъ не одинъ указъ получилъ, чтобъ ѣхать ему на войну, который, опасаяся смерти, время продолжаетъ и не ѣдетъ.

Опасеніе есть, чтобъ сей народъ Шемахинскій на сихъ дняхъ великій бунтъ невчалъ противъ Хана и другихъ, а наипаче противъ Назыря, который зависитъ отъ Ихтимать-Девлета и мѣшается въ дѣла, которыя до него не надлежатъ, собирая великіе поборы съ народу бездушно; а на что деньги употребляетъ и куда сосылаетъ, никто не вѣдаетъ.

Слышно также, что и въ Казбинѣ при дворѣ Шаховѣ великое возмущеніе; одни говорятъ, будто хотятъ Шаха перемѣнить, а вмѣсто его хотятъ поставить брата его, который въ Испаганѣ запертъ обрѣтается, и будто партизаны его бунтъ подняли; другіе говорятъ, что въ Казбинѣ бунтъ подняли противъ Ихтиматъ-Девлета, налагая на него вину, будто онъ разорилъ Персидское государство съ его непорядочнымъ управленіемъ: однакожъ ни то, ни другое за подлинно Вашему Величеству не доношу, пока посланные отъ меня люди не возвратятся. Мѣсяцъ тому будетъ, какъ пріѣзжій одинъ изъ Казбина сказалъ мнѣ, что Шахъ весьма гнѣвенъ явился противъ Ихтиматъ-Девлета, для того что войску не давалъ, а высылалъ насильно безъ жалованія, и ежели бы не было зятя его Окувара-Гасы, брата Ватханхана, Мелетинскаго князя, который упросилъ его у Шаха; то за такую бъ его вину весьма казненъ былъ.

Дни съ четыре тому, какъ прибылъ куріеръ сюды отъ Шаха съ указомъ, чтобъ всѣ Шаховы Кули немедленно къ Казбину ѣхали, а за какую причину, не вѣдаемъ. Вчерась подъ вечеръ куріеръ одинъ

пріѣхалъ, а съ какими вѣдомостьми, въ тайности содержатъ: однакожъ чрезъ нѣкоторыхъ друзей слышалъ, будто Ихтиматъ-Девлета убили, или ушелъ отъ помянутаго бунту.

Заподлинно доношу Вашему Величеству, что нынѣшнее Персидское состояніе при великомъ разореніи стоитъ; со всѣхъ странъ ихъ разоряютъ, какъ прежде сего доносилъ Вашему Величеству. Сверхъ того изъ стороны были Штанской (?) гуляющій народъ, который называется Былиши(*), тѣ нынѣ недавно поднялися и городъ одинъ Акирмень(**), въ 12 дняхъ въ разстояніи отъ Испагани, достали и разорили, а тотъ городъ весьма Персіянамъ нужденъ былъ; понеже отъ того города было въ провоженіи хлѣбное отправленіе къ Бендеръ-Абасы; и слухъ такой, что помянутые Былиши народъ съ Авганомъ, о которыхъ прежде сего доносилъ, въ союзъ вошли.

Что надлежитъ до состоянія о житіи моемъ вмѣстѣ съ Бухарскимъ посломъ чрезъ такое долгое время за неотпускомъ неуправленіи, и въ томъ полагаюся на Ваше Всемилостивѣйшаго Государя разсужденіе, понеже въ великомъ обрѣтаемся разорѣніи и не знаю какъ бы впредь поступать. Посолъ Бухарскій непрестанно мнѣ досаждаетъ и претендуетъ явственно, чтобъ я оного содержалъ и кормилъ, а наипаче, ежели дорога намъ объявлена будетъ, подводы и прочая отъ меня требуетъ; а не такъ, хощетъ назадъ возвращаться въ Астрахань: а вѣдаетъ, что я принужденъ былъ у нашихъ торговыхъ денегъ занять, и съ которыхъ окромѣ онаго 250 рублевъ и здѣшнихъ денегъ ему жъ въ долгъ выдалъ.

Оный посолъ самъ не хотѣлъ ѣхать чрезъ Хиву, а нынѣ за неотпускомъ нашимъ пѣняетъ для чего воля ему не дана тогда чрезъ Хиву ѣхать.

Отправленный Димитраки куріеръ также здѣсь обрѣтается и ему по сію пору отправленія не чинятъ; Французскій консулъ также не отпущенъ.

Отправилъ я сіи письма съ Татариномъ Астраханскимъ жителемъ и велѣлъ ему паки назадъ возвратиться, ежели отъ Вашего Величества повелѣніе какое будетъ.

Вашего Величества

нижайшій и всепокорнѣйшій рабъ

Өлори Беневени.

Изъ Шамахи,
5 го генваря 1720.

1720 г. марта въ 21 день получена въ Санктпетербургѣ.

(*) Вѣроятно Белуджи.

(**) Вѣроятно Керманъ.

V.

ПИСЬМО Ф. БЕНЕВЕНИ КЪ Б. ШАФИРОВУ.

Въ прошломъ году, въ первыхъ числѣхъ октября, доносилъ я о своемъ затрудненномъ состояніи, которое претерпѣваю давнимъ своимъ здѣсь въ Шемахѣ пребываніемъ; и нынѣ о томъ же доношу, что состояніе мое толь къ худшему идетъ, яко внѣ всякой моей надежды (какъ изволите выразумѣть изъ другаго моего доношенія) и до нынѣ въ семъ проклятомъ мѣстѣ обрѣтаемся и чинятся намъ великіе протори, а отправленія себѣ нимало не видимъ. Я съ симъ Ханомъ и съ другими его служащими поступалъ и добромъ и лихомъ, объявляя имъ, что Его Величество, Всемилостивѣйшій нашъ Государь, то приметъ за противно, понеже такіе поступки и трактаменты не суть пріятельскіе, но непріятельскіе; и сперва Хану и другимъ его учинилъ я нарочитые презенты, ибо тогда онъ, Ханъ объявилъ мнѣ клятвенно, что вскорѣ учинитъ отпускъ со всѣмъ, что надлежитъ въ дорогу; такожъ и Бухарскому; но все обманъ, и отъ него Хана по многимъ моимъ старательствамъ и по нынѣ не было иного отвѣта, токмо, «нынѣ или завтра ожидаю указовъ отъ Шаха изъ Ареса (?) во удовольствованіе, и излишніе де ваши здѣсь въ Шемахѣ протори будутъ награждены». Я давно провѣдалъ чрезъ нѣкотораго пріятеля, что указъ пришелъ пропустить токмо меня, а не посла Бухарскаго и Ханъ — вѣдая, что мнѣ невозможно ѣхать безъ него посла — не похотѣлъ объявить мнѣ указу, но будто въ другой разъ писалъ ко двору. А другіе сказываютъ, что помянутый Ханъ давно получилъ указы и обо мнѣ и объ колегѣ моемъ, токмо медлитъ отправлять насъ, дабы не итить ему на войну, экскузуясь тѣмъ, будто имѣетъ отправлять многихъ иноземцевъ, изъ которыхъ нынѣ обрѣтается насъ четверо.

Вашимъ Превосходительствомъ донесу другую новизну, что въ первыхъ числѣхъ ноября мы были подлинно готовы къ отъѣзду отсюду, но пріѣздъ господина Димитракія, достойнаго курьера, попортилъ гораздо доброе Ханово намѣреніе; понеже когда онъ прибылъ въ Низовую и услышалъ объ насъ, что мы здѣсь, тотчасъ учалъ оказывать глупости свои и противное о насъ говорить, а наипаче тамъ же къ Низовой прилучился нѣкоторый человѣкъ отъ двора Ханскаго и ему онъ же Димитракій говорилъ: кто де приказалъ нашему посланнику ѣхать чрезъ Шемаху, его де дорога вкупе съ колегою надлежала чрезъ Хиву. И на такіе его рѣчи Турчанинъ сказалъ: мы де имѣли рекомендальныя грамоты отъ страны Его Царскаго Величества къ Шаху; но онъ ему отвѣчалъ, что то ни мало неправда и что грамоты тѣ фалшивыя и будетъ де онъ о томъ доносить своему монарху. И оный Турчанинъ, по прибытіи своемъ сюда въ Шемаху, разсказалъ все Хану; и нѣкоторый изъ его Хановыхъ служащихъ прислалъ ко

мнѣ о семъ вѣдомость чрезъ моего толмача, да притомъ и самъ тотъ Турчанинъ, съ кѣмъ Димитрака разговаривалъ, сказывалъ устно послу Бухарскому тѣжъ рѣчи. Онъ какъ сперва прибылъ, надѣялся я отъ двора какую нибудь помочь выходить, дабы склонить сихъ объ отпускѣ нашемъ, и вмѣсто добра нажили мы себѣ лихо.

Донесу жъ Вашимъ Превосходительствомъ сначала, что учинилъ помянутый господинъ и потомъ окончу мою рѣчь. Какъ онъ Димитраки прибылъ въ Низовое, прислалъ къ Хану толмача своего, такогожъ добраго человѣка, каковъ самъ, именуемаго Адама родомъ изъ Греціи, съ письмами, и съ нимъ въ провожатыхъ два человѣка драгунъ, который, по данному себѣ приказу, прибывъ къ Ескію-Кагасы и давъ ему знать о пріѣздѣ, сказалъ, что имѣетъ онъ подать Хану грамоты Его Величества. И Ески-Кагасы говорилъ ему, что надлежатъ де грамоты отдать ему, а онъ донесетъ ихъ Хану, или ежели не хочетъ отдать ему, тобъ отдалъ ихъ здѣсь посланнику своему, а онъ пусть ихъ отошлетъ къ Хану. И тотъ Грекъ отвѣчалъ, что его господинъ не имѣетъ ни какого дѣла съ посланникомъ. Потомъ Ески-Кагасы видя, что тотъ Грекъ очень упорливъ, отослалъ его отъ себя прочь, и тако принужденъ онъ жить здѣсь шесть дней съ грамотою, пока получилъ отповѣдь и приказъ отъ господина своего Димитракія вручить тѣ грамоты Ескію-Кагасы. И на другой день призвалъ меня Ханъ къ себѣ и между другими разговорами спросилъ меня: для чего де пріѣзжій курьеръ сюда не явился, или не отозвался прежде вамъ? И я, хотя выкрутить его грубіянство, во отвѣтъ учинилъ: можетъ быть, что не вѣдалъ онъ еще о бытіи моемъ здѣсь и для того не приказалъ человѣку своему явиться мнѣ.

А по утру въ тотъ день, когда я былъ у Хана, призывалъ къ себѣ того Грека; говорилъ ему, чтобъ онъ показалъ мнѣ грамоты, имѣющія къ поданію Хану, и шелъ бы со мною, и я бъ вручилъ ихъ самому Хану; но онъ ни мало къ тому былъ склоненъ, да и грамотъ мнѣ не показалъ, въ чемъ я его и не неволилъ. Ему жъ велѣлъ было я жить въ нашихъ квартерахъ; но онъ въ томъ послушать не хотѣлъ, говоря: мой де господинъ приказалъ мнѣ стать въ карванъ-сараѣ, гдѣ остановятся Греки купцы.

Не описую Вашимъ Превосходительствамъ о пріѣздѣ сюда въ Шемаху помянутаго господина Димитракія, о аворитѣ, учиненномъ отъ него колегѣ моему, отъ котораго претендовалъ, чтобъ онъ ему прежде отдалъ визиту; однакожъ послѣ съ нимъ помирился. Надѣлалъ онъ столько дурачества, изъ которыхъ нѣкоторые суть смѣшны, а иные однакожъ до живота достаютъ; ибо проклятымъ своимъ языкомъ многократно зацѣплялъ честь мою: однакожъ я постояннымъ терпѣніемъ побѣждалъ сердце. Не говорю, что онъ въ глаза меня бранилъ, (ибо не позволилъ никогда быть у меня); но довольно ежели бъ счесть со всѣмъ великую его пышность, наглость и прочіе, то бъ не достало четырехъ листовъ бумаги на обстоятельное описаніе, окончить токмо однимъ его дѣйствомъ во исполненіе его жъ дурачества, да и того я

самъ стыжусь донести Вашимъ Превосходительствамъ. Межъ тѣмъ однакожъ уже тому двадцать дней прибыли сюда изъ Казбина два человѣка Калмыцкихъ посланцовъ; одинъ посланъ отъ Хана, а другой отъ сына его Чандержапа; и какъ я увѣдомился о ихъ пріѣздѣ, а наипаче о посландѣ Аюки-Хана, который Татаринъ есть и человѣкъ добрый, именемъ Абдулахъ-Бей, послалъ позвать его къ себѣ, ибо мнѣ не очень тогда моглось, который былъ у меня дважды и трижды. Провѣдавъ о семъ, онъ Димитраки учалъ сердитовать зѣло на того посланца Калмыцкаго и злясь на него, искалъ всякими образы подыскаться надъ нимъ, какъ и учинилъ. Послалъ онъ вѣрнаго своего Грека Адама подъ обманомъ звать его къ себѣ въ домъ; и тогда, понеже тотъ день не былъ ему свободенъ, онъ честно въ томъ отказалъ. А на другой день паки послалъ по него звать, и въ томъ часѣ, понеже случились у него гости и не могши отбыть ихъ, не пошелъ къ нему. Потомъ тотчасъ послалъ его звать и въ третіе съ притужностію, дабы, понеже не далеко одинъ отъ другаго стоятъ, учинилъ ему любовь и пришелъ бы токмо съ однимъ слугою, ибо имѣетъ ему вручить нѣкоторую коммиссію ради губернатора Астраханскаго, господина своего, и дать ему съ рукъ въ руки два камня дорогихъ его жъ господина. И по такимъ словамъ онъ посланецъ, оставя гостей, пошелъ къ нему Димитракію съ однимъ токмо слугою, и сколь скоро вшелъ въ хоромы, предупредилъ его добрый Димитракіе какъ діаволъ; и тотъ поздравляетъ его, а онъ сталъ его такъ жестоко бранить по Русски, что не оставилъ у себя ни малаго сквернаго слова, примѣшивая въ той же брани и мое имя, говоря ему: «бестія! для чего ты не отдалъ мнѣ визиты? А ему (сирѣчь обо мнѣ) учинилъ: дамъ де я себя знать, и вамъ и ему, кто я таковъ! Аль де вы не знаете, что господинъ мой Артемій Петровичъ есть губернаторъ Астраханскій, и могу де сдѣлать то, что повѣсить васъ и отнять всѣ ваши пожитки»? Отъ такихъ словъ онъ, посланецъ, помертвѣлъ и говорилъ ему: «за что онъ поноситъ Аюку-Хана, отъ котораго онъ отправленъ на сію коммиссію»? Тогда Димитраки, осердясь еще пуще и понося и самаго Хана, закричалъ людямъ своимъ, чтобъ его бросили на землю и били бъ его плетьми. И онъ первымъ четыремъ человѣкамъ, которые пришли на его, не дался; потомъ пришли другіе четыре человѣка и снявъ съ бедры его саблю, разложили его. И велѣлъ дать ему 150 ударовъ, не почеловѣчески, но по собачьи, какъ я самъ осматривалъ спину его и приказалъ на другой день лѣчить его, а именно вчерашняго числа. И по такомъ жестокомъ побоѣ посадилъ его за арестъ. Дѣло сіе случилось рано, а я свѣдалъ о томъ по трехъ часахъ отъ посланца Калмыцкаго Чандержапова. Не можете, Ваше Превосходительство, повѣрить мнѣ, что я всѣмъ ужасенъ былъ; и послалъ я тотчасъ человѣка своего къ нему, Димитракію, со объявленіемъ, что такую его глупость Аюка-Ханъ, яко вѣрный подданный нашему монарху, приметъ себѣ за противно, ибо аѳронтъ учиненъ ему, а не посланнику его, и понеже онъ толику бездѣлицъ здѣсь при очахъ Ханскихъ и другихъ мини-

стровъ Шаховыхъ въ поворотѣ своемъ отъ двора его подѣлалъ, что сей Ханъ не токмо учинитъ ему какой великій аѳронтъ, но еще дастъ о томъ знать Шаху, который потомъ и по готову истинные причины будетъ имѣть приносить жалобы объ нашихъ поступкахъ. Наконецъ велѣлъ я ему сказать, чтобъ онъ тотчасъ освободилъ того изъ аресту, понеже не за что былъ такими противностями его трактовать, хотя онъ и учинилъ визиту мнѣ, а не ему; такожъ, что онъ не имѣлъ обligаціи ни ко мнѣ, ни къ нему.

И на вышепомянутое мое объявленіе отвѣчалъ онъ глупымъ образомъ, будто что онъ дѣлалъ, сдѣлалъ очень хорошо и не требуетъ въ томъ никакого совѣту, говоря, что не билъ и не арестовалъ его за то, что онъ былъ у меня, а не у него, но за то для чего онъ къ нему не пришелъ тогда, когда его призывалъ, и будто невѣжничалъ предъ нимъ, и за то на злость всѣмъ не токмо будетъ его держать за арестомъ, но и еще хотѣлъ его всячески бить, а потомъ скована послать къ губернатору своему господину, въ Астрахань.

Потомъ посылалъ къ нему посолъ Бухарскій; и ему также отказалъ. Посылалъ и я въ другой разъ, но все въ туне.

И держалъ онъ того посланца во весь день тотъ за арестомъ и не велѣлъ ему ни пищи давать и заперъ его въ такое мѣсто, что не допускалъ никого и говорить съ нимъ. Да онъ же Димитраки во весь день тотъ трактовалъ обѣдомъ Русскихъ купцовъ.

О вышерѣченномъ поступкѣ когда донеслось Хану, зѣло за противно себѣ принялъ и тотчасъ послалъ человѣка своего къ Димитракію сказать, что не трактуются такъ посланные пріятелей Шаховыхъ, ибо есть въ томъ аѳронтъ и его персонѣ, и ежели онъ того жъ часу не освободитъ его изъ аресту, то онъ велитъ вынять его силою; и притомъ уже приказалъ мушкетерамъ своимъ близъ его дому стоять. Тотъ Ханскій человѣкъ пришелъ къ нему Димитракію въ тожъ время, когда братъ Алди-Гиреевъ Шамхаловъ такожъ прислалъ къ нему со объявленіемъ, что ежели онъ его скоро не выпуститъ, то онъ придетъ съ своими людьми доставать съ позоромъ ему. И тако онъ, Димитраки, убоясь посланныхъ Хановыхъ и Шамхаловыхъ, выпустилъ тотчасъ обруганнаго посланца Калмыцкаго; однакожъ своимъ проклятымъ языкомъ примолвилъ и то, что онъ выдаетъ его по старательству Шамхалову, а ежели бъ не то, конечнобъ послалъ его скована въ Астрахань.

Всѣ кто ни прослышалъ о такихъ бездѣльныхъ поступкахъ дивились; господинъ консулъ Французскій былъ у меня и соболѣзновалъ о бѣдномъ томъ человѣкѣ и объ моемъ великомъ терпѣніи, обнадеживая меня, что онъ, Димитраки, понеже призналъ свои пакости, больше не поѣдетъ въ домъ свой.

Вашему Превосходительству зѣло извѣстно есть должность моя, въ которой поступаю съ великимъ терпѣніемъ, ниже могу показать досады моей, ибо живу подъ послушаніемъ со всею моею вѣрностію; о семъ свободно могу похвалиться.

Отправляю сіи письма съ нѣкоторымъ надежнымъ Татариномъ, и поѣхалъ онъ съ сими посланцами Калмыцкими, которые вмѣстѣ съ нѣкоторыми людьми Шамхальскими приходили ко мнѣ и жалобу приносили о учиненномъ имъ отъ нашего курьера аѳронтѣ и не имъ еще, но самому Аюкѣ-Хану, говоря, дабы, ежели я признаваю въ нихъ какую невѣрность, или преступленіе къ Его Царскому Величеству, учинилъ бы о томъ доношеніе, и они готовы принять себѣ казнь, какую повелитъ; а ежели ни, то бъ я донесъ Монарху о учиненной обидѣ Хану въ персонѣ его посланца. Да они жъ просили у меня и письма къ Хану со объявленіемъ объ околичности обиды и о невинности его посланца; на что я далъ имъ въ отвѣтъ, отчасти утѣшая ихъ, что учиненная имъ отъ курьера обида не надлежитъ быть оставлена паче должности, хотя и учинена отъ неразумной персоны и не ведется по самымъ правамъ посольскимъ, однакожъ за то не уйдетъ онъ отъ надлежащаго наказанія. Что же надлежитъ до письма къ Аюкѣ-Хану, я хотѣлъ имъ въ томъ отказать, говоря, что довольно и того, что я о семъ дѣлѣ пишу до Его Величества. Но они учали плакать, что они безъ письма моего не поѣдутъ; а наипаче просили письма на Русскомъ языкѣ, а не на Турецкомъ. Того ради не могъ я отбиться отъ того письма и съ претекстомъ на доношеніе Его Величеству отправляю сего курьера Татарина; впрочемъ я ожидаю отповѣди и людей своихъ изъ Казбина, чтобъ дать какъ возможно правдивую реляцію Его Величеству объ мѣстѣ, гдѣ я обрѣтаюсь, и о такомъ нашемъ томительномъ отправленіи, чему не видно и конца.

Я въ другомъ моемъ доношеніи о учиненныхъ мнѣ отъ помянутаго мнѣ Димитракія аѳронтахъ ничего не упоминаю, ниже приношу въ томъ жалобъ нынѣ, понеже обрѣтаюсь далеко, но блюду до моего здраваго возвращенія и тогда буду просить суда слезно, и вы извольте по своему благоразумію учинить, что за наипристойное изобрѣтете, а наипаче, какъ чаю, что Аюка-Ханъ не оставитъ жалобъ своихъ, понеже такое дѣло не учинилось скрытно, но вѣдомо всему городу Шемахѣ.

Я зѣло дивовался, послыша объ отправленіи сего Димитракія, понеже знавалъ я его и прежде, и довольно того, что онъ былъ Турчанинъ и можетъ и въ другой разъ перемѣнить штандардъ свой.

Я какъ признаваю, что его коммиссія великаго слѣдованія есть, понеже съ толикою отмѣнностью поступаетъ, и кажется ему, что какое бъ наилучшее лицо не было, не можетъ съ нимъ равняться. Онъ же разгласилъ многимъ своей братьѣ Грекамъ, что Его Величество обременилъ его тяжелыми и важными дѣлами, обѣщая ему за добрую службу равныя награжденія; и при самомъ часѣ, когда Его Величество отправлялъ его, будто Ваше Превосходительство сказали, что онъ такихъ великихъ дѣлъ управить не можетъ; а на то будто Его Величество отвѣчалъ, что признаваетъ его за остроумнаго зѣло. А наипаче разсказываетъ своимъ друзьямъ, что идетъ къ Астрахани много

полковъ, которые будутъ къ будущему лѣту для нападенія и вступленія въ сіи земли, и что онъ радъ бы совершить коммиссію свою заранѣе. И прочіе также новинки разсѣеваются отъ устъ до устъ.

Четыре дни тому, какъ Ески-Кагасы объявилъ ему, что присланъ указъ объ немъ и готовился къ отъѣзду; а нынѣ сказалъ ему онъ же, что четыре дня тому, какъ ему о томъ сказано, но что то неправда, но будто тотъ указъ пришелъ о консулѣ Французскомъ, а объ немъ еще и понынѣ вѣдомости отъ двора не учинено, но будто по вся дни ожидаютъ. Сіе премѣненіе можетъ всякъ догадаться, что учинилось за вышеозначенные его своевольства. Опасно еще, чтобъ и намъ въ томъ же не принять какой новой противности, а все грѣхъ ради нашихъ.

Когда сей Татаринъ прибудетъ туда съ письмами, прошу Вашихъ Превосходительствъ пожаловать хотя небольшимъ награжденіемъ изъ Колегіи, чтобъ онъ могъ и впредь усерднѣе служить; ибо какъ я его искусилъ, видится зѣло вѣренъ. А ежели упомянутый Татаринъ захочетъ остаться въ Астрахани для ожиданія указовъ, вашимъ же приказомъ и губернаторъ можетъ съ нимъ такожде поступить.

Нынѣ я сталъ безъ курьеровъ; ибо двое суть въ Казбинѣ, а одинъ боленъ; того ради посланному сему надлежитъ возвратиться назадъ къ намъ. Я зѣло сомнѣваюсь, не захватить бы намъ здѣсь весны, хотя и нынѣ сіе наше путешествіе гораздо опасно. Покорно пребываю Вашихъ Превосходительствъ нижайшій покорнѣйшій и обязательный слуга

Флори Беневени.

VI.

ДОНЕСЕНІЕ Ф. БЕНЕВЕНИ ИЗЪ ШЕМАХИ 1-ГО ІЮЛЯ 1720 ГОДА.

Всемилостивѣйшій Царь Государь?

Въ послѣднихъ числѣхъ маія мѣсяца до Вашего Величества письма отправилъ на суда въ Низовую, и то чрезъ толмача моего Павла Дмитріева: и какъ оный въ дорогѣ былъ, Керельскіе (?) деревенскіе жители забунтовали противъ Кизылбашевъ въ уѣздѣ Дербентскомъ и великіе разбойства по Низовской дорогѣ чинить стали, но нѣсколько деревень сожгли. Притомъ же помянутаго толмача съ посторонними, однимъ Калмыкомъ и однимъ Татариномъ, въ десяти верстахъ отъ Низовской пристани изрубили и ограбили, а именно въ той партіи разбойниковъ было сорокъ, которые также на тотъ день и иныхъ Армяновъ и Кизылбашевъ, ѣдущихъ въ Низовую, уходили и въ по-

лонъ взяли. Потомъ всѣ вмѣстѣ собравшися, на Шавранъ городъ напали и взяли; и султанъ Дербинской, который за день пріѣхалъ, былъ въ Шавранѣ, чтобъ бунтовщиковъ примирить, на силу съ шестью изъ своихъ уходомъ спасся и пріѣхалъ въ Бакусъ. Нынѣ паки слышно, что тотъ бунтъ отчасти утихъ и то съ посредствомъ Шафкала; будто оной съ войскомъ сына своего выслалъ для примиренія, или чтобъ противъ оныхъ бунтовщиковъ стоять.

Тогда сему новому Хану объ убитомъ толмачѣ объявилъ, и оной объ розыскѣ указъ послалъ; однакожъ до сихъ поръ ничего не явилось.

Въ оныхъ письмахъ, которыя при толмачѣ были, доносилъ я всепокорно Вашему Величеству, какъ о моемъ, такъ и посла Бухарскаго задержаніи по се поры здѣсь въ Шемахѣ, и какимъ образомъ Ихти матъ-Девлетъ проводитъ насъ; ко мнѣ одно пишетъ, а къ здѣшнему Хану и къ министрамъ другое, какъ изъ включенной копіи съ грамотки Ихтиматъ-Девлета ко мнѣ писанной въ отвѣтъ на мои, какъ къ оному Ихтиматъ-Девлету, такъ и Шахову Величеству, объ отправленіи нашемъ, чрезъ нарочныхъ моихъ людей отправленныя письма, явственно усмотрѣть можно. Понеже когда я оной отвѣтъ получилъ, бывшему Хану показалъ и самъ объявилъ мнѣ, что имѣетъ указъ, насъ немедленно отправить, и чтобъ намъ собраться. Со всѣмъ тѣмъ цѣлые два мѣсяца насъ провелъ на прикладъ; день одинъ насъ высылалъ, а на другой и удерживалъ. Такой проклятый народъ! Сколь болѣе божбою обѣщеваетъ, столь болѣе обманываетъ, и безъ никакого стыда вдругъ запирается въ своихъ словахъ, такъ, что объ никоторомъ дѣлѣ съ Кизильбашами говорить не возможно. При семъ же причина не малая, что здѣшніе управители Русскихъ на смерть не любятъ и готовы намъ всякія пакости и обиды чинить; и тому не дивно, понеже примѣръ берутъ отъ Ихтиматъ-Девлета, али за правду сказать, оной потакаетъ, чтобъ Русскимъ, кто ни есть, противность показывали, а самъ будто ничего не вѣдаетъ.

Въ послѣднихъ числѣхъ марта мѣсяца старый Ханъ перемѣненъ, а на его мѣсто Ихтиматъ-Девлетъ своего кума поставилъ и оному велѣно войска собрать и побѣждать непріятелей, которые сею Ширванскую провинцію разорили, сирѣчь Лезгинцевъ (про которыхъ я прежде сего писалъ); а самъ Ханъ, яко и Ихтиматъ-Девлетъ, Лезгинцы природою.

Послѣ перемѣны стараго Хана, не оставилъ по вседневно докучать прочимъ управителямъ, чтобъ насъ отправили, или бъ волю дали, какъ мы знаемъ такъ управляться, и того не допустили, также и курьеру Димитрію, которой на легкѣ былъ, отказали, и велѣли дожидаться сего новаго Хана, который еще тогда изъ Казбина не тронулся; и оной курьеръ видъ показалъ, будто назадъ возвращаться хотѣлъ, и нарокомъ убрався за городъ выѣхалъ; потомъ новой вицъ-Ханъ выслалъ людей и оного курьера возвратилъ. обѣщая оного и безъ Хана въ четырехъ дняхъ ко двору отправить; и двѣнадцать дней спустя,

оного отправилъ, а именно въ 23 апрѣля. Прибытіе сюда въ Шемаху сего новаго Хана 15 маія мѣсяца случилось, и по прибытіи его, какъ я, такъ и Бухарскій посолъ непрестанно трудились, какъ бы намъ отселѣ вырваться. И оной Ханъ такимъ же образомъ проводилъ и обманывалъ насъ добрыми словами. На послѣдкѣ увидѣлъ я, что консула Французскаго, который пять мѣсяцевъ спустя послѣ насъ сюда прибылъ, отправлять намѣреніе имѣютъ и что оному въ дорогу потребно было сполна выдали, послѣднее домоганіе чинить не оставилъ, а именно свидавшися съ Ханомъ выговоривалъ ему Хану, за какую причину насъ здѣсь держатъ? ежели отъ Шахова Величества указу не имѣетъ впредь насъ отправлять, волю бы намъ дать назадъ возвращаться. Притомъ же оному Хану упрекалъ, что такъ съ сосѣдами дѣлать не надлежитъ, понеже явственно не любовь показуетъ, и вмѣсто чтобы насъ напредь отправить другихъ, послѣднихъ напередъ отправляетъ. На то оной мнѣ отвѣтствовалъ, будто онъ въ томъ не виноватъ; но старый Ханъ, называя онаго дуракомъ и бездѣльникомъ, а все такъ для лица. Притомъ же обѣщалъ мнѣ при всѣхъ министрахъ и слово далъ съ божбою, что насъ прежде консула отправитъ, и нарокомъ при мнѣ велѣлъ намъ подводы готовить, и чтобы въ четырехъ дняхъ выѣзжали; за что я благодарилъ и поѣхалъ домой убираться, и когда въ готовности у меня было выѣзжать, хватился подводъ, и тѣ подводы отданы подъ консула; то мы и стали вновь, понеже самимъ нанимать не допускаютъ, ниже мнѣ съ Ханомъ повидаться ближніе его не допустили; но токмо далъ знать, что понеже такимъ образомъ меня проводятъ и обманываютъ, а наипаче Ханъ, который божбою слово мнѣ далъ, того ради видъ подалъ назадъ возвращаться, и нарочно выслалъ на поле палатку, а самъ на завтрее послѣ ангела Вашего выѣзжать хотѣлъ. Что услыша Ханъ на Вашъ ангеловъ день двухъ капитановъ со всѣми стрѣльцами его, также другу (подобно коменданту) съ своими жъ стрѣльцами выслалъ и велѣлъ весь дворъ мой осадить, недопустить меня выѣзжать; а какой иной указъ былъ, того не вѣдаю. На тотъ день о полудни пріѣхалъ ко мнѣ Бухарскій посолъ для поздравленія и просилъ меня, дабы подъ вечеръ къ нему въ гости пріѣхалъ, понеже ближніе Ханскіе хотѣли тутъ съѣзжаться и упросить, чтобы мнѣ назадъ не ѣхать. И я его слова послушался; лишь оной Бухарскій посолъ съѣхалъ съ моего двора, а изъ вышепомянутыхъ стрѣльцовъ многіе въ сосѣдніе Армянскіе дворы спрятались, и вдругъ по нашихъ стали стрѣлять. И видя ихъ такой дикой намѣрокъ, каждой за свое оружіе хватился и внѣ ума такожде стали стрѣлять, тутъ же и достальные тюфякчи послѣдовали, и хотя оныхъ премногое число было, а насъ токмо которые ружье знаютъ 16, однакожъ Божіею милостію всѣхъ принудили отступиться, такъ, что полчаса бою въ глаза никто больше не явился, но всѣ бѣгомъ ушли; самъ доруга, который верхомъ былъ, въ бокъ раненъ остался; пятеро убито, а можетъ быть и болѣе, для того, что они укрываютъ; столько же числомъ другихъ раненныхъ. Изъ моихъ служащихъ трое

убито, о которыхъ зѣло сожалѣю; въ такомъ случаѣ удержаться не возможно было, а се сами на насъ напали. И прошу всепокорно Вашего Величества дабы не повелѣли принять въ гнѣвъ, понеже за Вашу честь всегда готовъ умереть.

Сіе дѣло, какъ Хана, такъ и всѣхъ ближнихъ его въ великое возмущеніе привело и сами не знаютъ, что дѣлать и какъ бы помириться; къ Бухарскому послу непрестанно подходятъ, чтобъ оной помирилъ меня съ Ханомъ и намъ бы выѣзжать ко двору. Сперва я нехотѣлъ слышать, потомъ слово далъ, что ежели хотятъ поскорѣе насъ отправлять поѣду. Со всѣмъ тѣмъ конца еще не видалъ, чаю Ханъ опасается, чтобъ я на него самому Шаху не жаловался, а Ихтиматъ-Девлета не опасается, понеже у нихъ слово за одно. Ежели бы коммиссія моя была до Шаха, не описавшися отнюдь бы не поѣхалъ; но понеже на моихъ рукахъ иной интересъ, того ради за благо разсуждая, ежели пропускъ намъ дадутъ, путь свой къ Казбину воспріять и отъ сего проклятаго народу и города освободиться. А прочее положилъ на милостивое разсужденіе Вашего Величества.

Ежели бъ мнѣ теперя и назадъ возвратиться, невозможно, для того, по мостамъ вездѣ караулятъ, думая, что я уѣду, и Кизильбаши, которые насъ отвѣдали, сами не посмѣлятся караулить, но въ помощь берутъ Армяновъ, которыхъ здѣсь вправду сказать, можно почесть за Кизильбашъ.

Курьеръ Дмитрій пишетъ ко мнѣ изъ Казбина, что оной когда тамъ прибылъ, объ насъ доносилъ Ихтиматъ-Девлету, и оной ему отвѣтствовалъ, будто мы въ дорогѣ обрѣтаемся; и въ другой разъ, когда мои письма получилъ отселѣ, также говорилъ ему, Ихтиматъ-Девлетю: за какую причину насъ держатъ годъ цѣлой? И оной ему отвѣтствовалъ: «я чаю, что они въ дорогѣ». На то сказалъ ему курьеръ, что я имѣю письма отъ самаго посланника самыя свѣжія. И оной Ихтиматъ-Девлетъ сказалъ отъ сердца: что я приказалъ отпускать и вновь указъ къ Шемахинскому Хану пошлю, чтобъ немедленно отправить какъ посланника, такъ и посла Бухарскаго. А пишетъ именно курьеръ, что Шахъ про насъ и невѣдаетъ. И въ сихъ поступкахъ Ваше Величество можете явственно признать коварство Ихтиматъ-Девлета и имѣетъ ли добрую склонность къ интересу Вашему, понеже я признаваю, что въ немъ ничто иное кромѣ непостоянства.

Прибылъ въ Казбинъ отъ Бухарскаго Хана нарочной курьеръ съ листомъ и жалобою къ Шахову Величеству, для чего такъ долго посла его задержалъ въ Шемахѣ? и ежели не хочетъ его пропустить чрезъ свою землю, то бъ назадъ отправить. И на тотъ листъ тотъ курьеръ отвѣту еще не получилъ; прочія вѣсти, которыя изъ Бухаръ получены, самъ посолъ реляцію посылаетъ. Слава Богу, нынѣ тамъ въ Бухарахъ все мирно; правда, что Хана уходить хотѣли; однакожъ онъ прежде злонамѣреннымъ животъ прекратилъ, межъ тѣмъ и оныхъ уходилъ, на

которыхъ самое малое сомнѣніе имѣлъ, дабы впредь въ покойствѣ и безопасеніи былъ.

Вашего Величества, всемилостивѣйшаго Государя,
нижайшій и всепокорнѣйшій рабъ
Ѳлори Беневени.

Изъ Шамахи
1 іюля 1720 года.

Получено въ Санктъ-Петербургѣ 7-го сентября 1720 г.

VII.

ДОНЕСЕНІЕ И РЕЛЯЦІЯ Ф. БЕНЕВЕНИ ИЗЪ ТЕГЕРАНА 25-го мая 1721 года.

Всемилостивѣйшій Царь Государь!

Указъ Вашего Величества отъ 20 сентября 1720 года прошедшаго марта 2-го числа здѣсь въ Тихранѣ исправно получилъ. А письмо канцлера Вашего, которое послано къ Ширванскому Хану въ Шемаху, и оное отъ курьера вручено тамошнему наипу или намѣстнику Ханскому, понеже послѣ перемѣны стараго Ихтиматъ-Девлета, также и Ширванскій Ханъ, яко дядя его, премѣненъ и арестованъ.

Въ помянутомъ указѣ написано, ежели до полученія Вашего Царскаго указу позволеніе совершенное о пропускѣ моемъ изъ Шемахи въ Бухары чрезъ Персидскія земли получилъ, то со всякимъ поспѣшеніемъ путь продолжать. А буде дѣйствительно пропуску мнѣ не позволено, и будутъ паки подъ разными отговорками удерживать, то изъ Шемахи ко двору Вашему назадъ ѣхать. Всепокорно доношу Вашему Величеству, какъ Ширванскій Ханъ до 11-го августа меня въ Шемахѣ удержалъ, чего ради указъ Вашъ при ономъ Ханѣ исполнить не могъ и здѣсь обрѣтаяся при Шаховѣ дворѣ, немедленно исполнилъ; ибо персонально Вашъ указъ объявилъ сему Ихтиматъ-Девлету, представляя оному, понеже Шахово Величество отпускъ мнѣ не позволяетъ и министры подъ разными отговорками насъ проводятъ, то бъ позволеніе дано было мнѣ назадъ возвращаться безъ никотораго препятствія, на что оной Ихтиматъ-Девлетъ отвѣтствовалъ: и мы также получили есмь копію съ письма Государственнаго канцлера къ Шемахинскому Хану отправленнаго, въ которомъ пишетъ, именно: ежели посланникъ нашъ изъ Шемахи не отпущенъ, то ему назадъ возвращатися. А вы уже здѣсь давно обрѣтаетеся; Его Шахово Величество

проѣздъ чрезъ свои земли не отказывалъ, но при нынѣшнихъ случаяхъ нѣкоторыхъ причинъ ради, ежели отпускъ вашъ отчасти продолженъ, и въ томъ пѣнять непристойно; лишняя мѣшкота отъ Бога, а не отъ насъ произошла. Притомъ же оной Ихтиматъ-Девлетъ, видя совершенную мою къ возвращенію резолюцію, сіе сказать неоставилъ: мы признаваемъ изъ письма Государственнаго канцлера, что они желаютъ продолженія пути твоего въ Бухары, а не возвращенія ко двору; того ради не надлежно такъ торопиться, вѣдаемъ, что за недобрымъ управленіемъ Ихтиматъ-Девлета не мало терпѣли, и нынѣ не многое время можно потерпѣть. Обнадеживая меня, что въ пяти дняхъ совсѣмъ насъ въ дорогу отправить хотѣлъ, и при мнѣ тутъ приказалъ о подводахъ и о другихъ нуждахъ, чтобъ намъ вскорѣ выѣхать. На что я оному Ихтиматъ-Девлету отвѣтствовалъ, что я на письмо отправленное къ Шемахинскому Хану не смотрю, но токмо на указъ ко мнѣ присланной отъ двора; однакожъ понеже столь долгое время ждалъ и пять дней за регардъ вашъ подождать буду и то съ великимъ опасеніемъ, понеже до полученія помянутаго указу дѣйствительно я отправленъ не былъ, токмо на однихъ словахъ. На что Ихтиматъ-Девлетъ сказалъ: ежели до сихъ поръ я дѣйствительно не отправленъ, и то отчасти учинено для нечистоты въ дорогѣ, а нынѣ все конечно отправить хотѣли; ибо армію отправляютъ по Мечетской дорогѣ къ Ирату, чего ради всѣ дороги чисты будутъ. Наконецъ сталъ мнѣ выговаривать, яко бъ мнѣ не надлежало о Шемахинскомъ случившемся дѣлѣ, такжъ и о прочемъ терпѣніи Величеству Вашему писать, ниже во гнѣвъ вводить; но на время, пока бъ Шахово лицо видѣлъ и оному пожаловался бъ, кое что и умолчать пристойно было; ибо Его Величество о томъ ничего не вѣдалъ, ниже стараго Ихтиматъ-Девлета коварство явно было. И я ему отвѣчалъ, что обо всемъ мнѣ вѣрно писать надлежно; а его Шахову Величеству нынѣ надлежитъ при Вашемъ Величествѣ оправдаться, и объ экскусаціи стараніе имѣть. На сіи мои слова оной Ихтиматъ-Девлетъ весьма умолчалъ, токмо при поѣздѣ моемъ объявилъ, что Шахово Величество повелѣлъ отправить ко двору Вашему Хафизъ-Бея (какъ изъ реляціи усмотрѣть можно), а какимъ характеромъ за подлинно сказать не могъ. Послѣ того свиданія съ Ихтиматъ-Девлетомъ паки въ обманіе и фалшивыя Персидскія слова попались и не токмо пять дней, но и пятнадцать прошло, а мы не отправлены, токмо опредѣленъ намъ въ дорогу одинъ придворный офицеръ; а указъ и другое что потребно по всякъ часъ будто въ готовности сказывано, а на лицо ничего не являлось. Чего ради вновь не токмо на словахъ, но и на письмѣ жестоко докучать сталъ, и дабы все подозрѣніе, которое бъ надо мною Персіяне имѣть могли уничтожить, непрестанно представлялъ, что я въ Бухары болѣе ѣхать не хочу и меня бъ назадъ въ добромъ здравіи препроводить велѣли, а не такъ: дали бъ мнѣ ревершъ единъ на письмѣ, для какой причины меня удерживаютъ; а съ фалшивыми словами меня бъ не проводили. На что отвѣтъ и резолюцію получилъ отъ Ихтиматъ-Девлета, что назадъ ѣхать

отнюдь допущено не будетъ, развѣ за такимъ моимъ письмомъ, что дворъ Персидскій совсѣмъ меня отправилъ, а я не похотѣлъ ѣхать. А что касается до причинъ, за которыми не токмо здѣсь, но и въ Ширванѣ задержаны были за печатію Ихтиматъ-Девлета вручено мнѣ такое письмо, въ которомъ изъявляетъ въ началѣ, что лишняя наша мѣшкота и прочія случившіяся въ Ширванѣ, и то учинено за недобрымъ порядкомъ стараго Ихтиматъ-Девлета. А и здѣсь при дворѣ будто за нечистотою дороги Мечетской (ибо Авганы по оной дорогѣ великія пакости чинятъ), также и нѣкоторыхъ Государственныхъ причинъ ради Шахово Величество, оберегая насъ до поѣзду Испасара (который съ войскомъ по Мечетской дорогѣ къ Ирату опредѣленъ) приудержать повелѣлъ, въ ономъ письмѣ также написано, что Шахово Величество для братства и неотмѣнной дружбы, которую съ Вашимъ Величествомъ имѣетъ, меня удовольствовалъ подводами, также и дорожнымъ кормомъ, а нѣкоторымъ проѣзжимъ посламъ такая честь не чинится. И то все неправда; понеже послѣднему изъ Хивинцевъ или Бухарцевъ ѣдущимъ въ Меку, имѣя рекомендацію Ханскую, учтивство отъ сего двора водится показать; ежели мнѣ нѣкоторая часть цивилитета въ подводахъ и въ корму показана, я министрамъ Шаховымъ втрое сдѣлалъ и могу правдиво сказать, что сію дорогу на свои деньги купилъ и всегда готовъ уличить оныхъ, кому что подарилъ, а что я принялъ отъ двора во всемъ роспись подалъ.

На послѣдкѣ помянутаго письма написано про нашихъ въ Ширванѣ обрѣтающихся Русскихъ торговыхъ, объ которыхъ нуждахъ я самъ доносилъ Ихтиматъ-Девлету, объявляя, что Хафизбеку, которому ѣхать къ двору Вашего Величества указъ данъ, по моему доношенію всѣ Русскія дѣла въ Ширванѣ управить.

Вышеозначенное письмо вручено мнѣ на тотъ день, когда я требовалъ паспортъ для отправленія курьеровъ до Вашего Величества, и оной Ихтиматъ-Девлетъ чрезъ посторонняго просилъ меня, дабы о семъ Вамъ донесть и увѣрить Васъ Шаховой доброй дружбы и союзности.

Нынѣшнее сего Персидскаго двора поведеніе описать невозможно, ибо въ семъ непостоянствѣ обрѣтается; не вѣдаю, какъ прежде сего было, а что нынѣ по дирекціи въ доброе состояніе дѣла привесть весьма трудно, всѣ министры генерально смотрятъ на свою прибыль, а разсужденія объ интересѣ Государственномъ никакого не имѣютъ, и такіе лгуны, что удивительно; на одномъ моментѣ и слово даютъ съ божбою и запираются.

Съ его Шаховымъ Величествомъ трижды свиданіе имѣлъ; на третьей какъ былъ аудіенціи, понеже зѣло пожаловался оному объ нашемъ долгомъ задержаніи и просилъ о скоромъ отправленіи, и оной дважды, трижды при мнѣ приказывалъ Ихтиматъ-Девлету, чтобъ меня, яко брата его и древняго друга посланника со всякимъ удовольствіемъ немедленно отправилъ; со всѣмъ тѣмъ по старому трактованы.

Первыхъ чиселъ апрѣля Испасара отселѣ тронулся и Шахъ самъ къ Мечету ѣхать хотѣлъ; но 16-го того жъ мѣсяца, получа вѣдомость секретную изъ Испагани, будто намѣреніе въ народѣ брата его короновать, чего ради испужався, 23-го внезапно поднялся отселѣ прямо къ Испагану и за скудостію подводъ большую часть багажу, также и канцелярію цѣлую здѣсь покинуть принужденъ. Увидя я таковъ скорой Шахова Величества отселѣ отъѣздъ и что объ отправленіи нашемъ совершенная резолюція не учинена, опасаясь дабы и здѣсь насъ не покинулъ, на тотъ день, какъ Шахъ за городъ выѣзжалъ, самому меморіалъ на дорогѣ презентовать и персонально отъ онаго послѣднее рѣшеніе требовать отважился. Шахово Величество, увидя меня, остановившись и принявъ тотъ меморіалъ, съ великимъ удивленіемъ сталъ меня спрашивать, а именно сіе слово молвилъ: начаялся я, что вы давно отправлены, а вы еще здѣсь; я всѣ твои нужды исправлю, несомнѣвайся, и велю немедленно васъ отправить. Ихтиматъ-Девлетъ притомъ въ страху весь помертвѣлъ, ибо Шахъ, обратясь къ нему съ гнѣвнымъ лицемъ, сказалъ, для чего до сихъ поръ не отправлены. Сіе случилось подъ вечеръ, а на завтріи Ихтиматъ-Девлетъ, позвавъ нашего приставнаго и оному подорожный указъ для подводовъ вручилъ и велѣлъ оныя какъ скорѣе возможно собрать и отселѣ выѣхать. Также Ихтиматъ-Девлетъ велѣлъ мнѣ сказать: что не надлежало было вчерась Шахово Величество персонально трудовать, понеже сегодня тѣ же бъ указы и подорожна вручены были. А я слышалъ (не знаю правдали), что Шахъ послѣ какъ прочелъ мой меморіалъ, хорошую погонку далъ Ихтиматъ-Девлету, а наипаче для того, что ничего не объявилъ ему о курьерѣ, также объ указѣ Вашего Величества присланномъ.

Послѣ Шахова отъѣзду съ мѣсяцъ цѣлый паки здѣсь въ Тихранѣ простояли за подводами и насилу сего числа кое-какъ отселѣ выбрались.

Вашего Величества, моего всемилостивѣйшаго Государя
нижайшій, всепокорнѣйшій рабъ
Ѳлори Беневени.

Изъ Тихрана,
25-го мая 1721 г.

Получено въ Москвѣ въ 15 день генваря 1722 г.

Реляція.

Изъ Тихрана, 25-го мая 1721 года.

Августа 10-го, Ширванскій Ханъ паки получилъ прямой указъ отъ двора, чтобъ насъ немедленно высылать и въ дорогу отправить, что чрезъ великіе труды получили, понеже Ханъ и по тому указу насъ отправить не хотѣлъ, представляя намъ, что дорога до переправы Куры рѣки нечиста и вездѣ кругомъ Лезгинцы пакости чинятъ; однакожъ на все то я не посмотрѣлъ и докучалъ непрестанно, чтобъ меня

или ко двору Шахову, или назадъ отпустили, вѣдая подлинно, что ребелицанты (про которыхъ прежде сего доносилъ) вскорѣ подъ городъ подъѣзжать и оной атаковать намѣреніе имѣли. Наконецъ оной Ширванской Ханъ 11 августа, увидя мое упрямство, волю далъ мнѣ за городъ выѣзжать и опредѣля намъ верблюдовъ да лошадей, которые дней шесть послѣ выѣзду нашего изъ города едва достали. За день предъ поѣздомъ, оной Ханъ получа подлинное извѣстіе, что съ Низовской стороны помянутыхъ бунтовщиковъ, а именно: Даутъ-Бея, Исми и Сурхая войско поднялось и приближается къ Шемахѣ, послалъ ко мнѣ ближняго своего, чтобъ я немедленно къ городу паки ретировался, понеже непріятели приближаются; на что я присланному отъ Хана отказалъ, отвѣчая, что городъ чрезъ столь долгое время докучилъ и люблю лучше на полѣ обрѣтаться, нежели въ городѣ. И паки противъ сего моего отвѣту, вновь ко мнѣ присылка была подъ самый подъ вечеръ со объявленіемъ, ежели къ городу возвратиться не хочу, то бъ той ночи въ дорогу поѣхать (а верблюдъ и лошадей на тотъ вѣчеръ въ собраніи не было). И я на то отвѣтъ учинилъ, что мы готовы ѣхать, токмо верблюдъ и лошадей ожидаемъ, которые всѣ почитай резбѣжались было, для того, что Ханъ хозяевамъ чьи лошади были плату не выдалъ, и принужденъ я онымъ заплатить и поскорѣе собраться, а именно: на другой день послѣ полудни. Лишь мы поднялись и съ полверсты отъ того мѣста не отъѣхали, а непріятели въ трехъ верстахъ изъ за горъ и появились, чего ради сочинившися въ городѣ великая тревога, стали убираться на оборону; ближнія деревни со страху вдругъ опустѣли, къ городу бросились; также и кочевые иные, покидая все свое имѣніе Лезгинцамъ на прожитокъ. Со всѣмъ тѣмъ я отъ пути остаться не хотѣлъ и прямо къ Курѣ рѣкѣ поспѣшалъ, когда Бухарскій посолъ почитай съ слезами сталъ просить, чтобъ назадъ въ городъ возвратиться, а тутъ бы напрасно на полѣ не пропасть. Однакожъ я того не учинилъ, вѣдая подлинно, что ежелибъ возвратиться, то бъ всѣ бъ вещи наши пропали; токмо запотѣшилъ оного посла, въ ближнюю съ полверсты отъ города деревню спустился и оттолѣ, яко въ проспективѣ, Шемахинскую смотрѣли трагедію. Въ началѣ, когда Лезгинцевъ часть одна, съ небольшимъ 1000, въ близь города подъѣхала, Муханскій Ханъ, который тогда тутъ съ своими войсками командированъ, съ тремя тысячами, или больше, выѣхалъ, чтобъ оныхъ Лезгинцевъ отогнать; однакожъ то оному не удалось, понеже помянутая часть Лезгинцевъ такъ добро противъ Кизылбашевъ устояла, что вдругъ оного Хана съ поля сбили и принужденъ уходомъ къ городу животъ спасать, а не такъ, тутъ бы на мѣстѣ всѣхъ прерубили; глупость токмо Лезгинцевъ, что вдругъ за помянутымъ Ханомъ въ городскія улицы почитай до половины города гнались; но понеже улицы къ Ханскому двору тѣсныя и тѣ бревнами закладены и верхами проѣхать невозможно, всѣ добычи ради внизъ внѣ закладу большихъ улицъ на разно бросились; тутъ же и другіе подъѣхали и безъ всякаго порядку грабежъ чинить стали и что кто

ухватилъ, паки уходомъ назадъ тащитъ, а до иного дѣла попеченіе не имѣетъ. Пушечной изъ города, также и ружейной стрѣльбы съ обѣихъ сторонъ довольно было; но отъ оной стрѣльбы убитыхъ немного, развѣ порубленныхъ или съ дворовъ каменемъ придавленныхъ, понеже мѣсто на то зѣло способно и въ томъ вся Шемахинская крѣпость содержится. На тотъ день Лезгинцы не успѣли лучшіе гостинные дворы ограбить, понеже какъ ночь стала, къ достальнымъ партіямъ внѣ жилья ретироваться принуждены были, а именно къ Даутъ-Бею, который въ началѣ былъ во управленіи помянутыхъ ребелицантовъ. На ту ночь ничего инаго сдѣлать не могли, токмо въ напрасной стрѣльбѣ всю ночь пробавили; при свѣтѣ вновь съ великимъ набѣгомъ вошли, чтобъ разбить Индѣйскіе гостинные дворы, и тогда имъ не удалось, понеже лютые, или городская каналія, бодро противъ оныхъ отступила и прочь отбила, а потомъ сама грабить Индѣйскіе гостинные дворы и разорять принялась; одинъ токмо гостинъ дворъ Индѣйской нарочитой цѣлъ остался; Русской гостинъ дворъ и другой еще также не штурмованъ, а что другіе всѣ ограблены. Ежели бы помянутые лютые такъ бодро не поступили, весьма бы Лезгинцы мѣстомъ завладѣли, понеже на первой ночи самъ Ханъ, намѣстникъ его, также и вышепомянутой Муганскій Ханъ хотѣли уйти и городъ покинуть, ежели бъ городской караулъ ихъ не удержалъ; а потомъ они, покрывая свой стыдъ, объявили будто тихимъ образомъ караулу осматривать ходили.

На тотъ день Лезгинцы такожъ не отставили труждаться, однакожъ поздно очень, понеже сперва, что надлежало было не сдѣлали и безъ разсужденія поступили и непріятелю дали ко укрѣпленію время.

На третій день, увидя мы, что никакого побѣжденія не учинено, но токмо что часъ отъ часу Лезгинцы съ заплѣненными вещами отходятъ назадъ отъ города, и мы также спустясь на волю Божію, въ дорогу поѣхали, поспѣшая какъ скорѣе возможно было къ Курѣ рѣкѣ добраться и послѣ въ восемнадцать часовъ непрестанной ѣзды къ Курѣ прибыли, гдѣ хвалу Богу воздали, что насъ освободилъ и отъ такихъ бѣдъ избавилъ; путь свой чрезъ Гилянь воспріяли и 9-го октября прибыли въ Казбинъ, гдѣ надѣялися Шахово Величество застать, а оной за 15 дней прежде насъ отсюда поѣхалъ, чего ради задержаны были въ Казбинѣ слишкомъ мѣсяцъ, пока отъ стараго Ихтиматъ-Девлета указъ получили.

14-го ноября прибыли сюда въ Тихранъ. Старый Ихтиматъ-Девлетъ сперва показалъ намъ доброе лице и видъ такой будто во всемъ желалъ насъ удовольствовать и частые были отъ него ко мнѣ присылки не за иную причину, токмо чтобъ я за учиненныя намъ въ Шемахѣ причины на него не пожаловался бъ, признавая оный что все по его приказу чинено. 12 дней спустя помянутый Ихтиматъ Девлетъ перемѣненъ, а Курчи-Баши на его мѣсто посаженъ; тая перемѣна столь страшная показалася, сколь такой мочный министръ вдругъ пресѣкся, а никто причины не вѣдалъ; токмо на тотъ часъ слово было въ народѣ будто онъ намѣренъ былъ измѣнить

Шаху. По полудни Шахъ позвалъ къ себѣ Курчи-Баши и токмо сказалъ ему: правда явилась, что ты многократно объ Ихтиматъ-Девлетѣ вѣрно мнѣ доносилъ, а я тебѣ повѣрить не хотѣлъ; поди его арестуй и что знаешь надъ нимъ сдѣлай. И оный Курчи-Баша прямо съ своею компаніею на дворъ Ихтиматъ-Девлета пріѣхалъ будто для посѣщенія и сыскалъ его не во многолюдствѣ, объявляя указъ Шаховъ, арестовалъ и непристойнымъ образомъ на томъ мѣстѣ оного трактовалъ, а именно: бивъ и посадя на катыря, на свой дворъ привезъ, а потомъ переловя всѣхъ его дворовыхъ и партизановъ заарестовалъ же, весь дворъ, пожитки и другое перепечаталъ. Тутъ же взятъ за арестъ и Туѳенкчи Агасы, который прежде сего посломъ былъ въ Москвѣ. А на завтрее по всему государству разосланы указы, чтобъ всѣхъ чиновъ, которые ему ближніе друзья, или свойственники, нѣкоторая часть арестована была, а достальная, чиновъ лишена; въ началѣ велѣно арестовать Испасалара, сирѣчь фельдмаршала надъ войскомъ, котораго ожидали изъ Ширазу въ двадцати тысячахъ войска; а онъ Испасаларъ его дядя, а братъ Ширванскаго Хана, который также арестованъ и все ихъ добро и пожитки на Шаха взяты.

Чрезъ цѣлые три дни онаго Ихтиматъ-Девлета подъ арестомъ мучили, дабы подробну сказалъ гдѣ что имѣетъ пожитковъ, денегъ и другаго, окромѣ того, что на лицо сыскалось, чего тьма, и сказываютъ, что будто ничего не утаилъ.

А на четвертый день и глаза ему выкололи; спасся отъ смерти токмо по прошенію Куларъ-Агасы, зятя его, и велѣно ему здѣсь въ Тихранѣ животъ свой продолжать и то не на свободѣ; изъ ясыревъ дано ему на службу нѣсколько человѣкъ и двѣ ясырки. А какъ Шахъ отселѣ выѣзжалъ, паки позволилъ оному жену свою съ дѣтьми при себѣ имѣть; изъ казны ему опредѣлено на кормъ только по полчетверти рубля на день.

Сколько богатства, предрагихъ камней, перловъ и наличныхъ денегъ сыскано, заподлинно сказать никто не можетъ. Что касается до денегъ, подтверждаютъ будто на восемьсотъ тысячъ червонцевъ однихъ; а что предрагаго камни множество и цѣну превеликую кладутъ; верблюдъ двадцать тысячъ, аргамаковъ и иной скотины безъ числа, понеже нѣтъ такого мѣста во всемъ государствѣ, гдѣбъ не было его прикащиковъ и заводу лошадинаго и другой скотины.

Двадцать дней прежде бѣды своей отпустилъ было большой караванъ съ великимъ богатствомъ въ Индію; притомъ посылалъ на продажу двѣсти аргамаковъ самыхъ добрыхъ, что и Шахъ такихъ не имѣетъ у себя, и тѣ аргамаки съ караваномъ съ дороги возвращены.

Помянутаго Ихтиматъ-Девлета вина не весьма явственна; сказать однимъ словомъ, Шахъ самъ не вѣдаетъ заподлинно, понеже оный ни въ чемъ не повинился и ежелибъ такъ скоро его не ослѣпили, Шахъ, понеже что часто перемѣняетъ намѣреніе свое, а се любилъ его чрезъ мѣру, моглобъ статься, чтобъ вновь его пожаловалъ. Перемѣна Ихти-

матъ-Девлета, сказуютъ заподлинно, что учинилась съ причины той, что оный подлинное имѣлъ намѣреніе Шаха премѣнить, а какимъ образомъ совершеннаго извѣстія нѣтъ; одни говорятъ будто донесено Шаху, что Ихтиматъ-Девлетъ съ дядею своимъ Испасаларемъ секретную имѣлъ кореспонденцію, токмо ждетъ чтобъ оный прибылъ съ войскомъ въ Испагань и возвелъ бы на престолъ брата Шахова, а онъ съ своими партизанами Шаха и здѣсь удержитъ; съ другой стороны слышно будто помянутый Ихтиматъ-Девлетъ имѣлъ секретную кореспонденцію съ вышепомянутымъ Туѳенкчи-Агасою и съ Махриханомъ, который обрѣтался здѣсь съ войскомъ Теврискимъ, яко намѣстникъ и Испасаларъ, и непрестанно межъ собою конференцію имѣли какъ бы Шаху животъ прекратить, а себя жъ Шахомъ учинить, обѣщая одного Ихтиматъ-Девлета, а другаго Курчи-Баши чиномъ наградить, и далъ обоимъ за рукою своею письмо, токмо бы первый съ своими маскитирами, а другой свое войско пособствовалъ. Но Михри-Ханъ имѣя опасеніе, дабы не произошелъ на лицо такой ихъ худой умыслъ, взявши врученное ему увѣрительное письмо отъ Ихтиматъ Девлета и прямо къ Моле-Башію, сирѣчь начальному духовнику Шахову, пошедши, письмо показалъ и объявилъ ихъ худое намѣреніе. Что услыша Мола прямо къ Шаху и пошелъ и съ слезами ему доносилъ, а во свидѣтельство объявилъ письмо за печатью, и то услыша Шахъ арестъ повелѣлъ и прочая.

Изъ всѣхъ причинъ одну токмо къ повѣренію достойную предлагаю; сія есть, что Ихтиматъ-Девлетъ, имѣя дружбу съ Туѳенкчи-Агасою и съ Михри-Ханомъ Теврискимъ, въ одномъ случаѣ поднилъ вмѣстѣ и для конѳиденціи сталъ онымъ жаловаться на Шаха, будто человѣкъ весьма премѣнный въ своемъ умѣ и не знаетъ какъ больше съ нимъ ладить и какъ угождать. Притомъ же сказалъ, не худо бъ было съ перемѣною Шахова наше государство поправить, а вмѣсто его брата короновать. Сіе говорено ночною порою. На завтрее помянутый Михри-Ханъ, въ надеждѣ премѣны чиномъ, тѣ слова донесъ Курчи-Башію, нынѣшнему Ихтиматъ-Девлету; однакожъ оный не имѣя свидѣтельства, также и опасаясь гнѣва Шахова, не смѣлъ донесть, но выдумалъ иную штуку; вѣдалъ, что на тѣхъ дняхъ дивитаръ Ихтиматъ-Девлета глазами хворалъ, а вмѣсто его письма печаталъ иной писарь, который вѣренъ былъ оному Курчи-Баши; призвавши его къ себѣ, всякимъ образомъ, напослѣди чрезъ деньги склонилъ его, чтобъ фальшификовалъ такое письмо увѣрительное Ихтиматъ Девлета да Михри-Хана и тутъ бы печать онаго приложилъ. Курчи-Баши получа письмо такое фальшивое, научилъ Хана, чтобъ понесъ къ Моле-Башію и объявилъ бы слезно такой худой умыселъ противъ монарха. Часъ мѣста спустя Ихтиматъ-Девлетъ услыша, что нѣкоторыя худыя письма поданы оному Шахову Моле-Башію, тотчасъ послалъ онаго къ себѣ попросить, и тотъ Мола, сказавшися будто недомогаетъ и дабы не потерять время, прямо къ Шаху и пошелъ; а ежели бы вѣдалъ заподлинно Ихтиматъ-Девлетъ такое письмо, нико-

либъ въ бѣду не попался, для того, могъ бы персонально при Шахѣ оправдаться и уличить такое фальшивое доношеніе, что не могъ сдѣлать, понеже больше его къ Шаху не допустили, понеже самъ Шахъ съ великой любви такъ зѣло сожалѣлъ объ Ихтиматъ-Девлетѣ, что два мѣсяца почитай съ печали хворалъ.

Въ такой перемѣнѣ Ихтиматъ-Девлета немалая намъ остановка учинилась, понеже всѣ министры стали отговариваться, что за великими дѣлами никакую резолюцію намъ дать не могутъ.

Декабря 12 позвали меня, грамоту вручить и принять на авдіенцію Шахова Величества, который благимъ лицомъ меня принялъ и самъ сталъ спрашивать какимъ образомъ задержаны были мы въ Ширванѣ и прочая. Притомъ не оставилъ я разсказать все то, что въ Ширванѣ чинилося и сколько времени задержали насъ; на что оный Шахъ, показуя въ лицѣ великое удивленіе, отвѣтствовалъ: не сомнѣвайся; розыщу сіе дѣло, кто виноватъ и отъ кого такіе поступки недобрые произошли, понеже я ничего не вѣдаю.

На завтрее новый Ихтиматъ-Девлетъ по указу Шахову велѣлъ къ себѣ позвать и оный зѣло пріятно меня принялъ; межъ иными словами объявилъ, что Шахово Величество повелѣлъ тѣхъ, которые были причиною такой инконвеніенціи, жестоко наказать въ началѣ, и изъявилъ, что все то, учинилось по повелѣнію стараго Ихтиматъ-Девлета, который инаго дѣла не искивалъ токмо причину недружбы между двумя монархами и послѣднее разореніе всего государства, и для того Шахъ, увѣдавъ его безвѣстность и худое намѣреніе, отъ своей милости откинулъ и въ первомъ случаѣ слѣпотою наказалъ, и Ширванскаго Хана тутъ же для причины нашей повелѣно арестовать съ его партизанами и все ихъ доброе и пожитки взять велѣно на Шаха, который, понеже крѣпкую съ Его Царскимъ Величествомъ дружбу и союзъ всегда имѣти желаетъ, весьма гнѣвенъ явился, что противъ его воли такіе его коварственные министры добрымъ и старымъ друзьямъ чрезъ недобрые поступки ссоры и недружбы причину подаютъ. Другіе такіежъ експресіи оный новый Ихтиматъ-Девлетъ говорилъ и просилъ меня, чтобы написать ко двору, что всѣ тѣ причины учинились не отъ Шаха, но отъ Ихтиматъ-Девлета, который уже за прегрѣшеніе свое, воздаяніе получилъ вмѣстѣ съ Ширванскимъ Ханомъ, обнадеживая меня, что со всякою честію и удовольствомъ въ скорыхъ числѣхъ въ дорогу отправленъ буду вмѣстѣ съ Бухарскимъ посломъ. При томъ случаѣ, правду сказать, Ихтиматъ-Девлетъ такъ ревенъ мнѣ показался и готовъ во всемъ жаловать, что больше склонности желать невозможно, когда тѣ всѣ комплименты на словахъ токмо были, а въ дѣла не положены; и то явилось немного времени спустя, а именно по прибытіи Турецкаго посла, съ пріѣзду котораго весьма дрогнули, сомнѣваяся, дабы не ввелась война съ Турками чрезъ какіе нибудь претексты, или не была ли какая нибудь секретная интелигенція съ старымъ Ихтиматъ-Девлетомъ. И того ради не скоро допустили онаго посла на авдіенцію, пока чрезъ подарки и иное отчасти до-

вѣдались коммиссіи его; а се человѣкъ зѣло къ деньгамъ похотливъ. Потомъ былъ на авдіенціи и принята грамота Султанова, а три мѣсяца спустя паки назадъ отправленъ. Также отъ сего двора опредѣленъ къ Султану посолъ, человѣкъ нарочитый; данъ ему богатый экипажъ; а онъ же самъ сынъ однаго Хана. Хотѣли отправлять его вмѣстѣ съ посломъ, а потомъ онаго посла обманули, обѣщая, что послѣ нѣсколько дней спустя отправятъ, и тоже не сдѣлали, понеже отправленъ какъ Шахъ отселѣ уѣхалъ, два мѣсяца и болѣе послѣ отъѣзду Турецкаго посла и то не весьма отправленъ, ибо велѣно ему ждать въ Казбинѣ до новаго указу; а посолъ Турецкій на границу прибылъ, вѣдомость есть, и мѣшкалъ въ дорогѣ ожидая онаго посла.

Я зѣло труждался довѣдаться коммиссіи Турецкаго посла, съ которымъ и свиданіе имѣлъ, понеже въ Цареградѣ мнѣ знакомъ былъ, тогда секретаремъ и камисаромъ при Султанскомъ Тефтердарѣ именемъ Дури-Эфендіи, и довѣдался часть нѣкоторую, что Султанъ, незнаю по какимъ резонамъ претендуетъ отъ Шаха, дабы весь Гилянскій шолкъ везенъ былъ въ его область, а не черезъ Каспійское море, въ Россію, понеже оттолѣ во всю Нѣмецкую землю разсылается (такъ себѣ Турки имѣютъ на умѣ), не знаю заправду, или подъ какимъ претекстомъ, не хотя чтобъ въ Русь не пропускать шолку; однакожъ то не явственно написано, а чаю, что не безъ того, понеже мнѣ самъ посолъ о томъ заговаривалъ.

Второй пунктъ коммиссіи — будто желаютъ Турки, чтобъ Шахъ комерцію Французскую на то Персидское море не допустилъ, совѣтовая оному для лучшаго способства тую комерцію Французскую обратить и завесть чрезъ земли Султанскія.

Третій пунктъ — имѣютъ нѣкоторые старые претензіи Турки надъ провинціею Эриванскою, а въ чемъ содержится оная претензія заподлинно не вѣдаю; слышно токмо, что за шолкъ, который по капитуляціямъ довелося Туркамъ получать отъ Персіянъ по вся годы. Таже претензія съ нѣкоторою иною прибавкою учинена отъ визиря Али-Паши, послѣ взятія морей отъ Венеціановъ во время, когда посланникъ нашъ Волынскій въ Испаганѣ обрѣтался; однакожъ послѣ для приключившейся бѣды Турецкой съ Нѣмецкой страны оная претензія тогда весьма уничтожена.

Отъ нарочитой особы увѣдомленъ я, что помянутый Турецкій посолъ въ имѣющей конференціи съ симъ Ихтиматъ-Девлетомъ и объ нашихъ дѣлахъ разговаривалъ, выпрашивая, для чего воля такая въ Каспійскомъ морѣ Русскимъ дается, въ началѣ для какую резонъ онымъ въ Низовской пристани фолтецію строить позволено, совѣтовая оному Ихтиматъ-Девлету свои суда строить для комерціи, а чтобъ великую волю нашимъ не давали бъ. На что оному послу Ихтиматъ Девлетъ отвѣтствовалъ: мы въ земляхъ нашихъ фортецію строить не позволяемъ, токмо прибывалище въ пристаняхъ комерціи ради, а наипаче въ такомъ пустомъ мѣстѣ, что въ Низовой, гдѣ токмо каждаго опасенія ради въ жильяхъ зимовать позволено; а что моремъ мы имъ

заказать не можемъ и суда строить для комерціи намъ не нужда, а кому нужда, тотъ бы къ намъ пріѣзжалъ.

На вышепомянутые пункты онаго Турецкаго посла коммиссіи, въ началѣ на первый пунктъ Шахъ велѣлъ отвѣтствовать, что онъ торговымъ заказать не можетъ, принудить въ одну сторону ѣхать, понеже купецъ каждый туды, гдѣ ему болѣе прибыль явилась, поспѣшаетъ; а что касается до Французской комерціи, сказано, что Шахъ давно капитуляціи заключилъ съ Французскимъ Королемъ и ежели оный вновь захочетъ комерцію завесть чрезъ Султанскія земли, въ томъ и оный Шахъ противенъ не явится. На третій пунктъ, объ Эриванской претензіи, что отвѣчено незаподлинно вѣдаю; слышно было токмо, что Шахъ весьма хотѣлъ Турковъ удовольствовать; иной говоритъ съ уступленіемъ нѣкоторой части земли, а иной будто приказано было выдать всю требованную дачу шолку, которая въ немалой суммѣ содержится; но министры до того Его Величество не допустили, представляя, что лучше такую сумму на войско употребить, нежели на пожитокъ Туркамъ выдать. А се при томъ случаѣ получена вѣдомость изъ Арапіи, что князь Единъ Арапскій, который обрѣтается подъ претензіи Персидской, побѣдилъ во оныхъ странахъ немалую часть войска Турецкаго, которая по повелѣнію Султанскому имѣла иного князя посадить, а нынѣшняго арестовать. Посла Турецкаго однакожъ здѣсь при дворѣ изрядно трактовали, жалованья довольно и подарковъ получилъ, и все то, чтобъ не упрямился ниже покрикивалъ о своихъ дѣлахъ, обѣщая оному, что весь отвѣтъ учиненъ будетъ чрезъ опредѣленнаго посла, ибо посолъ сперва назадъ ѣхать не хотѣлъ и гораздо упрямился, представляя, что будто хочетъ здѣсь мѣшкать, пока отвѣтъ получитъ отъ Султана, или бы отправили своего посла въ Константинополь съ резолюціею, а онъ здѣсь будетъ дожидать его возвращенія, или по послѣдней мѣрѣ прибытія его на границѣ. Однакожъ то его упрямство не на долго пошло, понеже мятежа ради, получа здѣшнихъ три тысячи рублевъ, опричь другихъ подарковъ и харчей, вдругъ ѣхать склонился.

Тотъ посолъ Турецкій, хотя и имѣлъ помянутыя коммиссіи, однакожъ чаю присланъ былъ токмо для шпіонства, въ какомъ состояніи сіе государство обрѣтается или какой нибудь интелигенціи ради съ старымъ Ихтиматъ-Девлетомъ, про котораго гораздо сожалѣлъ и самъ онъ мнѣ говорилъ: печаленъ я, что не имѣлъ счастія застать его въ чинѣ своемъ, понеже слышалъ, что зѣло обходительный и премудрый человѣкъ былъ и въ управленіи государства весьма искусенъ; только глупые недрузья мѣшали ему и искали непрестанно какъ бы его потерять. Притомъ же тотъ посолъ сказалъ: увидимъ какимъ образомъ нынѣшній Ихтиматъ-Девлетъ управлять будетъ, понеже малоумень; всѣ Авганы и Билиши нашего закону Мусульманы приближаются, и принуждены противъ оныхъ войско сбирать; съ другой стороны Лезгинцы такіе же Мусульманы, непріятели Кизылбашскіе; крайнее сего государства разореніе остается токмо, чтобъ Султанъ повелѣлъ съ не-

большою частію войска страны Эриванской показаться, а и Русскіе также моремъ, чаю, что свое дѣйствіе показать неоставятъ. При семъ сказывалъ мнѣ оный посолъ, какъ Ихтиматъ-Девлетъ у него спрашивалъ, есть ли миръ между Царскимъ Величествомъ и Султановымъ Величествомъ и на сколько лѣтъ. И тотъ Ихтиматъ-Девлетъ и отъ меня спрашилалъ; слово къ тому клонится, что вѣдать желаютъ не будетъ ли скоро между Вашимъ Величествомъ и Султановымъ Величествомъ войны, дабы Персіанамъ быть въ безопасности отъ Турковъ, отъ которыхъ зѣло дрожатъ; и насъ также боятся, и ежели бы было самой малой видъ противности показать, или замахнуться токмо, а не ударить, тобъ весьма здрогнули. Имъ любо слышать, что Ваше Величество по сію пору съ Шведами изволите воевать, и то признаваю изъ словъ Ихтиматъ-Девлета, который, когда я разсказывалъ полученную прошедшей кампаніи викторію надъ Шведами, также показывалъ присланные ко мнѣ фигурные листы, спрашивалъ меня, не будетъ ли скоро миръ съ Шведами, и какъ я сказалъ, ежели бъ его Царское Величество захотѣлъ, могъ бы въ одинъ часъ миръ заключить, ибо непрестанно о томъ Шведскій дворъ проситъ, но нашъ монархъ изволитъ продолжать войну, а когда самъ захочетъ, тогда миромъ оныхъ обрадуетъ, оный Ихтиматъ-Девлетъ съ великимъ удивленіемъ умолчалъ. Сей дворъ чрезъ Армяновъ торговыхъ освѣдомленъ былъ заподлинно, будто Ваше Величество съ Цесаремъ въ жестокую войну вступили и то для ради домашняго дѣла и прочая. И оный дворъ, уповая, что и Султанъ также случай такой не уронитъ, и будетъ и онъ противъ васъ воевать, весьма радъ являлся; однакожъ по прибытіи моемъ сюды въ Тихранъ, оная радость и гораздо утолилась, ибо я Персидскимъ господамъ получше дѣло растолковалъ и показалъ онымъ, что то все фальшиво донесено.

Такія Армянскія фальшивыя реляціи немалую при дворѣ инконвеніенцію сочиняютъ, понеже Персіянѣ не честятъ, ниже поклонъ отдаютъ, окромѣ когда страхъ имѣютъ, или прибыль себѣ ожидаютъ.

Съ пріѣзду моего сюды въ Тихранъ, до Вашего Величества Шахъ намѣреніе имѣлъ куріера одного отправить; но тая посылка паки продолжена; а какъ прибылъ съ Калмыцкими послами Хафисбей, который, по словалъ при Ханѣ Калмыцкомъ и жилъ въ Астрахани, услышалъ, что хотѣлъ Шахъ куріера отправлять, сталъ чрезъ министровъ труждаться, дабы его отправили съ посольскимъ характеромъ, понеже онъ довольно искусенъ Русскаго поведѣнія, а именно; описавъ цѣлую книгу на виршахъ свое посольство при Калмыцкомъ Ханѣ, также положеніе Астраханское и кто тамъ обрѣтается, команду имѣетъ и прочая; чрезъ фаворита одного изъ министровъ самому Шаху вручилъ, и оный полюбя тые вирши, велѣлъ онаго Хафиса къ себѣ позвать и самъ объ Астрахани подробно распрашивалъ и по своемъ мнѣніи присуждая за удобнаго къ помянутой посылкѣ, велѣлъ онаго яко посла отправить, и понеже человѣкъ не великаго роду и чину—

Султаномъ Дербенскимъ титуловать хотѣли, а онъ нынѣ токмо Ихтимата-Девлета придворнымъ познавается.

Приказано также оному Хафисбею опредѣленіе учинить противъ прежняго Персидскаго посла, который паки при Ханѣ былъ, Туфенкчи-Агасою при перемѣнѣ стараго Ихтиматъ-Девлета (какъ по вышеписанному усмотрѣть мочно) арестовалъ, а нынѣ освобожденъ и сосланъ въ Испагань; однакожъ все то на словахъ опредѣлено, а характеръ его посольства именованъ, а не подтвержденъ и понеже помянутая посылка столь долго тянется, сомнѣваюсь, дабы не весьма уничтожена была, а ежели сбудется, не чаю, чтобъ сего году могла быть, развѣ какія нибудь со стороны Турецкой недобрыя вѣсти получатъ. Послѣ отъѣзду Шахова сказано, будто куріеръ одинъ прибѣжалъ изъ Богдата съ вѣдомостію, что Султанъ Турецкій преставился, чего ради дворъ зѣло радостенъ былъ; съ другой стороны слышно, что Хасанъ Пашѣ Богдадскому велѣно ѣхать немедленно къ Константинополю и будто оный ѣхать не хочетъ и Султану противиться готовъ.

Вышепомянутому Хафисбею приказано было въ Шемахѣ Русскія торговыя дѣла управить; но понеже оный не совершенно посломъ опредѣленъ и надлежитъ ему для резолюціи къ Испагану Шаха послѣдовать, принудилъ онаго Хафисбея брата своего въ Ширванъ отправить и тамошнія Русскія дѣла окончить.

Сего дня прибылъ сюда изъ Бухаръ посланный отъ Хана съ листомъ къ Шахову Величеству куріеръ одинъ и оный изъ большихъ придворныхъ Ханскихъ офицеровъ, который также ко мнѣ листъ принесъ отъ Ханскаго лица, въ которомъ зѣло благимъ себя являетъ, обнадеживаетъ своею милостію и желаетъ, чтобъ скоро къ нему ѣхалъ, тоже приказываетъ своему послу, которому чрезъ сего куріера халатъ прислалъ, сирѣчь честную одежду.

Помянутый куріеръ, понеже имѣетъ листъ до Шаха, намѣренъ въ Испагань ѣхать, сказывалъ мнѣ, что въ ономъ письмѣ содержится одна выговорка объ нашемъ здѣсь долгомъ задержаніи и чтобъ немедленно насъ отправили, также о томъ, говоритъ, резолюцію требовать отъ Хана оному куріеру наказано.

Въ письмѣ, посланномъ ко мнѣ отъ Хана, написано, будто письмо, которое я къ нему писалъ чрезъ нарочнаго посланнаго, получилъ и по оному письму радъ былъ во всемъ меня удовольствовать, а именно изъявляетъ про ясырей, которые для той регардъ велѣлъ сыскать и до моего пріѣзду хотѣлъ у себя удержать; а я къ оному Хану никакого письма не писывалъ, но такое письмо фальшификовано и написано на мое имя; а именно задержаны были въ Мешетѣ изъ ясырей 18 человѣкъ казаковъ, которые изъ розныхъ мѣстъ уходомъ спаслись. При нихъ же былъ Нѣмчинъ одинъ, именемъ Александръ Гендрихъ Шуленгуръ, а сказывался прапорщикомъ, сыскавъ одного Армянина ѣдущаго изъ Шамахи, научилъ онаго дабы себя куріеромъ объявить Бухарскому Хану и написавъ на мое имя письмо къ Хану Мешетскому, объявляя оному, что я въ скорыхъ числахъ къ Мешетю

прибуду и чтобъ помянутыхъ казаковъ нашихъ, также и онаго прапорщика, который себя тамъ маіоромъ называлъ, немедленно отпустилъ. И помянутый Ханъ, увидя такое мое письмо, опасаясь, чтобъ я не пожаловался Шаху, велѣлъ всѣхъ отправить, давъ имъ по нѣскольку на харчь въ дорогу. Также оному фальшивому куріеру Армянину на харчь дано, и понеже оный сказался моимъ куріеромъ и письмо показалъ до Хана Бухарскаго, (а то письмо помянутый прапорщикъ Александръ своею рукою написалъ), дано также ему нѣсколько денегъ на проѣздъ до границы. Какъ оный прапорщикъ вмѣстѣ съ казаками прибылъ сюда въ Тихранъ, не вѣдалъ я такой за нимъ недобрый поступокъ, удержалъ его у себя для экспедиціи, а казаковъ всѣхъ отправилъ напередъ. Но поздно я сталъ довѣдываться и то необстоятельно, а до того и при мнѣ здѣсь своей лихой натуры знакъ показать не оставилъ, ибо между инымъ чють меня въ одинъ инпегнъ съ Кизылбашами не увелъ; однакожъ я ему никакой противный видъ не показалъ, дабы чго нибудь и пуще не сотворилъ; но при отъѣздѣ моемъ удовольствовалъ онаго деньгами на проѣздъ, на наши суда въ Гилянъ отправилъ, какъ о томъ Астраханскому губернатору писать не оставилъ.

Хивинскій Ханъ заподлинно драку съ Бухарцами чинить хотѣлъ и ужъ приготовленіе чинилъ; но услышавъ, что большіе Беги весьма противны такому его намѣренію и ищутъ, какъ бы перемѣнить его, а се довѣдавшися, что прежняго Муса Хана сынъ въ пятнадцать годовъ при Бухарскомъ Ханѣ тихимъ образомъ содержанъ и ужъ секретныя къ нему присылки были отъ большихъ Хивинскихъ господъ, которые желаютъ его Ханомъ учинить, немедленно двухъ изъ ближнихъ своихъ министровъ къ Бухарскому Хану отправилъ, отъ котораго съ великою покорностію въ началѣ экскузацію, а потомъ прежнюю добрую дружбу и союзъ просить, обѣщая также впредь добрымъ и вѣрнымъ другомъ себя оказывать.

Ежели помянутый Хафисбей отправленъ будетъ посломъ, или иной кто нибудь, коммиссія того, слышалъ, будто содержаться будетъ въ томъ, чтобъ просить Вашего Величества о вспоможеніи противъ Хивинцовъ съ Астраханской страны сухимъ путемъ, а Персіане со стороны Мешедской оныхъ атаковать намѣрены; тутъ же прошеніе учинить до Вашего Величества объ Лезгинцахъ, Черкасахъ, чтобъ также и въ ихъ странѣ Терской оныхъ укротить спомогли, дабы впредь такія своевольства чинить не могли.

Флори Беневени.

Получено въ Москвѣ въ 15-й день генваря 1722 г.

VIII.

ДВѢ РЕЛЯЦІИ Ф. БЕНЕВЕНИ ИЗЪ БУХАРЫ, ОТЪ 10 МАРТА 1722 ГОДА.

Покорно доношу Вашему Величеству, что прошлаго 1721 году ноября 6 числа прибылъ въ Бухары, а 15 декабря получилъ аудіенцію у Хана, который о моемъ пріѣздѣ зѣло доволенъ явился и меня честно принялъ; а какимъ образомъ, сей куріеръ изустную реляцію подать можетъ.

Что касается до Бухарскихъ Озбековъ, и оные, увидя Ханскую особливую до меня склонность, въ началѣ стали всѣ генерально на меня косо смотрѣть и почитай и яму копать зачали. И я оныхъ, а наипаче большихъ чиновныхъ Озбековъ, поскорѣе чрезъ добрые подарки отчасти умягчалъ и друзьями устроилъ; однакожъ со всѣмъ тѣмъ осторожно съ ними поступать надлежно и на ихъ дружбу надѣятся не надлежитъ; ибо собою такіе непостоянные люди, что однимъ днемъ и мириться и измѣнить готовы. Богъ да не допуститъ какое несчастіе Хану, а то бъ Озбеки надъ Русскими полоненниками тоже, что и оные по приказу Ханскому надъ Озбеками, учинили, преизвѣстными экзекуціями; ибо тогда немалое число Озбековъ прирублено; а тутъ же и меня, чаю, живаго не оставили бъ, и уже тому признакъ былъ, а именно: когда я сюда пріѣхалъ, данъ мнѣ Ханской матери загородный дворъ и то на время, пока въ городѣ дворъ добрый опростаютъ и поправятъ. Дней двадцать спустя Ѳерастъ Аталыкъ (онъ же второй годъ въ аталыцкомъ чину) взысканъ въ измѣнѣ и внезапно по приказу Ханскому на своемъ дворѣ атакованъ и тутъ изрубленъ, а сынъ его меньшой подъ арестъ взятъ. И на тотъ день Ханъ прислалъ ко мнѣ, чтобъ я на убитаго аталыка дворъ скорѣе перебрался, опасаясь, чтобъ Озбеки меня не атаковали ночною порою, понеже на онаго аталыка Русскіе полоненники объявили, что сынъ его большой, который въ степи обрѣтается, при случаѣ, какъ было ему по внушенію отца его, къ городу приступать, притомъ же бъ и надо мною потѣшиться; однакожъ того Богъ не допустилъ.

Озбеки отнюдь не хотѣли, чтобъ меня прежде Персидскаго посла во аудіенцію допустить къ Хану и непрестанно оному докучали, представляя, что Кизылбаши, яко пограничные и добрые на дружбу, имѣютъ оные послы лучше быть почтены, нежели Русскіе послы, ибо отъ Русскихъ никакихъ прибытковъ не имѣютъ окромѣ убытковъ, а Персида прибыль приноситъ, понеже по вся годы по пяти и по шести пословъ посылаются, которые мусятъ и за чинъ заплатить

прежде отъѣзду и по возвращеніи большую часть нажитку въ казну положить. Также предлагали Хану, что Ваше Величество съ Бухарами не граничите и Ваша дружба не древняя въ примѣръ Шаховой дружбы. Ханъ всѣ тѣ слова и слышать не хотѣлъ, а напослѣне, что чрезъ мѣру Озбеки о томъ ему досаживать стали, осердясь отвѣтствовалъ: Русскій посланникъ изъ дальняго края пріѣхалъ и оный имѣетъ быть гость мой дорогой, а Кизылбашскаго не надлежно прежде почесть; лишнія слова ваши слышать не хочу, и я яко Ханъ, что хочу, сдѣлаю. Послѣ тѣхъ словъ вставши съ мѣста, приказалъ на другой день меня на аудіенцію звать. Сей Ханъ по сію пору чрезъ обманъ немалое число Озбековъ перевелъ, а искоренить не можетъ при большой учиненной экзекуціи, что наипущаго недруга Коръ-аталыка изъ рукъ упустилъ, и чрезъ уходъ его оный Ханъ больше бѣдъ себѣ нажилъ, понеже оный аталыкъ выѣхалъ на степь, содружася съ иными партизанами Озбеками, великое разореніе учинилъ вездѣ въ окружности, до самаго города въ партіяхъ подъѣзжалъ такъ, что ни одну деревню въ цѣлости не покинулъ; все разграбилъ и утащилъ. Окромѣ того городъ такъ оскудѣлъ провіянтами и иными запасами, что простой народъ принужденъ былъ дѣтей своихъ продавать и тѣмъ кормиться, а другіе и съ голоду померли; Ханъ самъ большую половину верблюдъ, лошадей и иного скота потерялъ и такую нужду претерпѣлъ въ провіантѣ и въ фуражѣ, что принужденъ на деньги покупать, понеже опасался по своимъ деревнямъ посылать, дабы и достальные верблюды Озбековъ въ руки не попались. Однакожъ нынѣ чаемся, что вновь будетъ поправленіе для того, что тѣ Озбеки, которые бунтовали и набѣги чинили, отчасти попристали и слово такое, что хотятъ мириться съ Ханомъ. Одинъ изъ большихъ Озбековъ, который великія разоренія учинилъ по Чаржовской дорогѣ, меня же, какъ изъ Мавры сюда ѣхалъ, въ дорогѣ стерегъ, прошедшаго Февраля съ Ханомъ помирился и пріѣхалъ въ городъ; однакожъ чаю, быть ему безъ головы; токмо Ханъ и сына его въ городъ приманиваетъ.

Ежели Хивинскаго Ширгазы-Хана не станетъ, и здѣсь спокойнѣе будетъ и всѣ дороги свободны станутъ; ибо оный съ Бухарскими Озбеками списывался непрестанно и уповалъ чрезъ ихъ посредство также и Бухарскимъ Ханомъ устроиться, чего ради пріуготовленія чинилъ войною на Бухары подыматься; однакожъ Хивинцы того не допустили. Оный Ширгазы-Ханъ по сю пору еще держится въ Хивѣ для того, что имѣлъ великую казну и оную всю Озбекамъ роздалъ, дабы за него стояли крѣпко противъ претендента Темиръ-Султана, бывшаго Мусы-Хана сына, еще въ четырнадцать годовъ, который нынѣ въ Аралахъ обрѣтается, понеже Аральцы сперва его приняли и зачали противиться Ширгазы-Хану, а потомъ иные Хивинскіе пять городковъ къ нимъ пристали; одинъ токмо городъ Хива устоялъ. Озбеки, которые были при Ханѣ, послѣ какъ довольно покорились Ханскими подарками, всѣ ушли и пристали къ Султану, и токмо трое при Ханѣ по сіе число держатся, который нынѣ въ день токмо на дворѣ

живетъ, а ночью въ башню запирается, въ которой довольно провіанту припасъ, а воду беретъ изъ колодца; однакожъ едва можетъ ли до сего равноденства устояться, понеже въ здѣшнихъ краяхъ обыкновеніе воды на башни напускать. Темиръ-Султанъ при Аму рѣкѣ воду, которая въ каналы пропускается, весьма затруднилъ, чего ради сами Хивинцы принуждены будутъ или потерять Хана, или живаго на руки сдать Вашему Величеству. Ежели намѣреніе охраняете реваншъ надъ Хивинцами учинить, ни коли бъ такъ способно какъ при нынѣшнихъ случаяхъ не было; сами бы Бухарцы тому ради были, ибо отъ Хивинцовъ великія обиды и разоренія претерпѣли. А нынѣ ежели Темиръ-Султанъ (яко здѣсь вскормленный и сего Хана посланъ въ Аралъ) сядетъ на Ханство, а отъ васъ посылка будетъ, не весьма радъ будетъ сей дворъ; про Хана за подлинно сказать не могу, а что Озбекамъ смерть покажется.

Вѣдомости изъ Хивы сперва были, что Вы велѣли писать до Хивинскаго Хана, дабы немедленно всѣ Русскіе полоненники присланы были въ Астрахань; оный Ханъ никакую резолюцію не учинилъ, токмо за тѣмъ же дѣломъ присланному отъ Аюки-Хана послу отвѣтствовалъ, что онъ прикажетъ Озбекамъ и инымъ по своей цѣнѣ всѣхъ полоненниковъ отдать, а которые прирублены, тѣхъ возвратить не возможно и тому они не виноваты, понеже князь Бековичь не съ дружбою, но съ войною вступилъ въ земли его и будто хотѣлъ Хиву атаковать.

Нынѣ паки слышно съ подтвержденіемъ, что Русскія войски въ готовности обрѣтаются и заподлинно сего марта мѣсяца на Хиву подняться будутъ, и меня многіе спрашивали: имѣю ли я такія вѣсти?

Ханъ самъ тѣжъ вѣсти услышалъ отъ одного Каракалпацкаго Бека, который также разсказалъ будто и на Каракалпаки Русскіе командированы. Того жъ дни оный Ханъ тѣ вѣсти объявилъ своимъ министрамъ Озбекамъ, которые не безпечальны явились, ибо повѣся голову ни слова на то Хану не молвили; токмо большой Ханскій евнухъ, фаворитъ же его сказалъ: Хивинцы кашу сварили, сами и кушать будутъ; токмо жаль Каракалпаковъ. Ежели бъ наше войско съ добрымъ порядкомъ и подъ добрымъ командиромъ до Хивы добралось, то моею головою всякому благополучію обязуюсь; токмо однихъ Туркменцовъ беречься, которымъ ни въ чемъ вѣрить не надлежитъ, понеже самый непостоянный и лукавый народъ, помѣшать можетъ, а вѣрно служить не будутъ; отъ Ширгазы-Хана немало казны взяли, божбою обѣщая оному, что силою своею Аральцовъ атаковать будутъ и Темиръ-Султана живаго ему въ руки привезть, лишь бы получили отъ Хана что желали. Того часу поднялись къ Аралу, на мѣсто чтобъ съ Аральцами бой дать, но къ Темиръ-Султану пристали и отъ онаго также подарки получили, притомъ же волю, чтобъ Ширгазы-Хана партизановъ Озбековъ разорять и принуждать оныхъ дабы поскорѣе Хана изъ Хивы выгнать. Я до сего числа съ Ханомъ на единѣ говорить случая получить не могъ; токмо на гульбѣ, когда оный меня звалъ съ собою гу-

лять внѣ города, и то разговоръ имѣлъ при людяхъ, паче всего при Озбекахъ, при которыхъ никотораго лишняго слова молвить не надлежно; однакожъ надѣюсь съ нимъ довольно разговориться. Онъ самъ, вѣдаю подлинно, что желаетъ со мною на единѣ повидаться, но не вѣдаетъ какъ бы то исполнить, чтобъ Озбеки не вѣдали: меня бъ тотчасъ съѣли ради подозрѣнія, какъ при Ханѣ есть фаворитъ евнухъ большой, у котораго все управленіе на рукахъ и что хочетъ можетъ при Ханѣ учинить. Онаго я подкупилъ и другомъ сдѣлалъ такъ, что мнѣ за великую служитъ оборону отъ Озбековъ; человѣкъ ума довольнаго и Хану въ младыхъ лѣтахъ не безъ пользы. Я съ онымъ довольный имѣлъ разговоръ, при которомъ обнадеживалъ, что Ханъ желаетъ съ Вашимъ Величествомъ добрую дружбу и корреспонденцію и чтобъ часъ-отъ-часу умножались съ пользою обѣихъ сторонъ. Напослѣдки велѣлъ чрезъ своего секретаря въ конфиденціи мнѣ сказать, что при нынѣшнихъ случаяхъ и возмущеніи отъ Озбековъ, безъ постороннихъ людей разговоръ имѣть не безъ опасности, также другъ къ другу часто ѣздить; однакожъ ежели Богъ дастъ Хану съ непріятелями своими управиться, то все по желанію моему учинено будетъ.

Ханъ лицомъ кажетъ, что высокіе имѣетъ идеи къ владѣнію, а силы не имѣетъ, за скудостію казны, которую не одинъ разъ Озбеки опростали, а чѣмъ бы вновь наполнить доходовъ не стало. Того ради я разсуждаю, что ежелибъ наше войско въ Хивинскія земли вступило благополучно, Ханъ бы зѣло радъ былъ и тую бы радость держалъ и самъ бы просилъ вспоможенія и оборону противъ Озбековъ, которыхъ бы желалъ весьма перевесть, дабы абсолютно ханствовать и не имѣть отъ нихъ депенденцію. И вправду ежелибъ Озбековъ не было, Ханъ бы въ малое время великія силы прибралъ.

Ханъ уругу, или роду сказать, какъ Озбеки, не имѣетъ; того ради принужденъ въ дракахъ Озбековъ употреблять противъ Озбековъ, а у нихъ все за одно, и вмѣсто чтобъ за Хана постоять вѣрно, временемъ сами къ бунтовщикамъ пристаютъ: а ежели братей или сыновъ при Ханѣ въ аманатахъ и имѣютъ, то на степи лежатъ на нѣсколько времени безъ драки и безъ ничего, а потомъ паки въ городъ пріѣзжаютъ со лжами къ Хану и претендуютъ награжденія, который муситъ на каждаго кафтанъ надѣть и похвалить его службу. Ханъ ни на кого такъ не надѣется, какъ на своихъ холоповъ Калмыковъ и Русаковъ, сирѣчь на тѣхъ, которые на Руси родились; а которые и здѣсь родились отъ отца или отъ матери басурманской и тѣмъ не весьма вѣритъ и оныхъ однихъ безъ Калмыковъ николи въ партію не высылаетъ. Нынѣ Озбеки совѣтуютъ Хану, чтобъ съ ними вмѣстѣ въ походъ выѣзжать, дабы поскорѣе всѣхъ злоумышленныхъ или покорить или весьма разорить, а потомъ бы къ Самархану поѣхать и тутъ совершенно короноваться: ибо водится, что Ханы Бухарскіе къ Самархану ѣздятъ для посвященія на Ханство; а именно камень такой есть, который сказываютъ будто съ неба упалъ, и на тотъ камень когда Ханъ сподобится сѣсть, то онаго прямаго Хана признаваютъ, понеже

оный камень фальшиваго Хана, который не съ прямой линіи объявляетъ, и вблизъ не допуститъ, не токмо садиться. Озбеки нарочно Хана на степь выманиваютъ, чтобъ свободнѣе онаго предать, чему и самъ давно догадывается и выѣзжать не хочетъ, токмо проводитъ ихъ словами будто поѣдетъ. И Озбеки Хану также лестятъ Балхомъ и иными мѣстами, обѣщая паки подъ его владѣніе привесть, а наипаче при нынѣшнемъ случаѣ, ибо Балховскіе Озбеки межъ собою дерутся и разоряются; одна партія Хана хочетъ, а другая не акцептуетъ; одного недавно выгнали, а другой, который нынѣ Ханомъ, и тотъ братъ большой помянутаго Темиръ-Султана, который въ Аралахъ.

Прошу указу Вашего Величества, ежели рѣченный Темиръ-Султанъ на Ханство сядетъ, вести ли мнѣ съ онымъ дружбу, или нѣтъ, и чрезъ которую дорогу мнѣ назадъ возвращаться, лишь бы меня отселѣ напередъ не выслали для ради Озбековъ. Хивинцы сами будутъ просить, чтобъ чрезъ Хиву возвратиться; оные заподлинно надѣются, что съ нимъ миръ заключите, когда услышите, что Ширгазы-Хана нестало, котораго аталыкъ сказалъ, ежели живаго въ руки получимъ, пошлемъ къ Бѣлому Царю, дабы надъ нимъ тоже учинилъ, что и оный надъ княземъ Бековичемъ, а не такъ, голову его пошлемъ. Здѣсь при дворѣ не оставилъ я предъобъявить, что надлежитъ мнѣ до Вашего Величества куріера отправить съ извѣстіемъ, что въ добромъ здоровіи прибылъ въ Бухары и что Ваша Царская грамота со всякою честію и почтеніемъ принята была отъ сего Хана; притомъ же просилъ указу Вашего, по которому тракту мнѣ назадъ возвращаться будетъ, ибо съ Хивинцами у насъ теперь недружба, и просилъ отъ сего Хана на то позволенія, который отвѣтствовалъ, что меня во всемъ вольнымъ чинитъ и когда ни захочу могу послать. Однакожъ сколько я ни трудился, такого человѣка, ради нечистыхъ дорогъ, по сіе число послать не могъ; токмо генваря мѣсяца до Астраханскаго губернатора писалъ, и то чрезъ Нагайца одного, посланнаго отъ Чапдержана по ихъ обыкновенію при караванѣ съ листомъ до сего Хана, и слышу, что оный Нагаецъ и караванъ по сіе число въ Хивѣ задержаны. Нынѣ принужденъ съ Ханскою рекомендаціею сего куріера отправить до Темиръ-Султана, который по Ханскому прошенію велитъ его препроводить до Калмыцкаго юрту, а именно до Аюки-Хана, къ которому я также писалъ и просилъ, дабы помянутаго куріера (ежели самъ обрѣтатися будетъ въ дальности отъ Астрахани) на Саратовъ или гдѣ нибудь индѣ немедленно поставить.

По сіе число отъ сего двора мнѣ на харчь ничего не дано и я же о томъ не досажаю, яко Персидскій посолъ, который весь прожился, такъ, что и самъ и всѣ свиты его люди, платье съ себя распродали, также и оружіе, и не знаетъ какъ бы отселѣ подняться въ дорогу; не додали харчь его, сполна жъ повѣщено, и выѣзжать ему велѣно и больше не мѣшкать въ городѣ. Онаго посла харчъ содержится въ полторы тысячи денегъ на день, самому тысяча, купчинѣ пятьсотъ и то на пятьдесятъ дней токмо; да еще какъ грамота ему вручена, дано

въ презентъ ему двадцать тысячь, а купчинѣ десять. Ко мнѣ сперва приносили также харчевыя деньги по тысячѣ денегъ на день, и я не принялъ, и одно, что требовалъ больше нежели Кизылбашскому послу, что опредѣлено; другая причина, по случаю не на всѣ дни сполна приносили деньги, то я отвѣтствовалъ, что благодаренъ на Ханской милости, но не имѣя нынѣ нужды великой, изволилъ бы опослѣ все вмѣстѣ числомъ такимъ, какимъ пристойно и за благо разсудитъ. Сей дворъ съ той причины гораздо на смѣхъ подняли Кизылбашскаго посла, сказуя, что я чрезъ два государства проѣхалъ и сытъ сюда прибылъ, всѣхъ и женерозно подарилъ, что всѣ контенты были; а онъ съ границы на границу перевалился и пріѣхавъ деньги на кормъ захотѣлъ, а подарки его зѣло плохи. И здѣшніе таковы, стыду не знаютъ и сами претендуютъ. Помянутый посолъ иной коммиссіи и не имѣетъ до Хана, токмо просить о добромъ союзѣ противъ общаго непріятеля Ширгазы Хана, дабы яко добрый другъ и сосѣдъ потрудился о перемѣнѣ его, понеже слышно было, что Ханъ намѣренъ былъ Темиръ-Султана высылать. Коммиссія также, но партикулярно чаю отъ оного посла была, чтобъ меня шпіонировать и въ некредитъ поставить; ибо мнѣ донесено, что при розныхъ случаяхъ Озбекамъ на васъ наговаривалъ, сказывая, прибыль будетъ Бухарамъ отъ дружбы Вашего Величества, понеже съ ними не граничите, и ежели дружбу желаетъ для купечества за свою прибыль, и такъ чрезъ Хиву и чрезъ Шаховы области торговые Русскіе непрестанно ѣздятъ, разсуждалъ все тѣмъ, что съ Вами крайнюю дружбу имѣть не надлежно, понеже знакомство Ваше имъ, а ничего не поправляетъ. И оный посолъ, дабы лучше Озбековъ о томъ увѣрить, сказывалъ же, что и Шахъ самъ тоже бъ учинилъ и съ Вашимъ Величествомъ великую дружбу весть не хотѣлъ бы, ежели бы между двумя государствами Каспійское море не было. Противъ такихъ посольскихъ словъ не оставилъ я нынѣ также Шаху услужить. Бухарскій и Кизылбашскій разный законъ моимъ словамъ кредитъ прибавилъ, а потому вѣдомости такія разсѣялись, будто Даубекъ, о которомъ я прежде сего писалъ, Шемаху взялъ и оною владѣетъ и будто Ваше Величество по его прошенію на секурсъ ему многочисленное войско послали, съ которымъ всѣмъ Ширванамъ завладѣлъ. Такія вѣсти хотя и фальшивыя были, однакожъ Ханъ радъ тому явился и сказалъ своимъ ближнимъ, что Ваше Величество также Кизылбашевъ не любите и вспоможеніе чините Лезгинцамъ, которые Сунліе и однаго суть закону съ Бухарцами. Что касается до комерціи, Вашему Величеству доношу, что оная комерція въ здѣшнемъ краѣ съ добрымъ порядкомъ, какъ индѣ практикуется, николи заведена быть не можетъ, развѣ тогда, какъ Ханъ получитъ соврените, Озбеки ему мѣшать не будутъ. Озбеки капитуляціи не разумѣютъ; они знаютъ токмо кого могутъ обирать; имъ все равно, что Русскіе, что басурманы, всѣхъ обижаютъ. Того ради и здѣсь одному пріѣзжему торговому за деньги вдругъ товаръ свой продать не возможно, для того, что здѣсь не сыщется такой торговый богатый; токмо перепродавцы, товаръ бе-

рутъ въ долгъ, а заплачиваютъ какъ продадутъ на лавки; не безъ того, что и денежный человѣкъ сыщется, однакожъ со страху отъ Озбековъ себя не оказуетъ. Другая также немалая причина, что на прикладъ купецъ одинъ отъ другаго товаръ купитъ на наличныя деньги и оный товаръ продержитъ хотя три года, потомъ захочетъ назадъ отдать, и то по Озбецкому суду позволено, и прочія. А что касается до товару здѣшняго, то онаго сыщется довольно; нѣкоторый на Руси годится, а нѣкоторые и далѣе; а Русскій товаръ здѣсь весьма потребенъ. Однакожъ послѣ учинившейся съ Хивою недружбы, Нагайцы весь торгъ здѣсь попортили для того, что премножество товару привозятъ и дешево отдаютъ, или на иной таваръ мѣняютъ, чтобъ поскорѣе на своихъ верблюдахъ назадъ возвратиться. Предъ пріѣздомъ моимъ великъ Нагайскій караванъ былъ здѣсь, который опасаясь меня, какъ скорѣе могъ распродалъ свой товаръ и поѣхалъ. По пріѣздѣ моемъ также караванъ большой въ Хиву прибылъ, и съ того каравану верблюдовъ съ триста товару сюда привезено, а именно сукна, порешинъ, бобровъ, стали, олова и стволовъ на фузеи, цѣлые три верблюжные юки; и я хотѣлъ отобрать такой заповѣдный товаръ и послалъ я къ караванъ-башѣ и къ другимъ при караванѣ пріѣзжимъ Татарамъ человѣка, чтобъ ихъ ко мнѣ позвалъ, и оные не послушались, сказавъ, мы степные Татары, а не Астраханскіе и посланника не знаемъ; а между тѣмъ пошли къ аталыку новому бить челомъ о заступѣ, чтобъ я ихъ не изобидѣлъ. И оный аталыкъ, взявши отъ нихъ подарокъ, прислалъ ко мнѣ съ прошеніемъ, чтобъ оныхъ новопріѣзжихъ Татаръ степныхъ, яко суть уругу его Мангуцкаго, не изобижалъ, а что не послушались и не пришли ко мнѣ, и тобъ я имъ простилъ. Чего ради я болѣе оныхъ и не прошалъ. Оные Татары всѣ степные сказались опасаясь меня, а то были и Астраханскіе и Казанскіе; также весь товаръ, который привезли ни одинъ не былъ подъ клеймомъ и за оные пошлина не заплачена, яко тихимъ образомъ высланъ изъ розныхъ мѣстъ отъ торговыхъ и врученъ помянутымъ Татарамъ, яко прикащикамъ и, какъ я слышалъ, большая часть была Индійскаго товару изъ Астрахани съ Русскимъ и Армянскимъ товаромъ вмѣстѣ; много же товару, сказано мнѣ, изъ Саратова къ Калмыкамъ и Татарамъ приносится и при томъ товарѣ юковъ по десяти, по двадцати бываетъ вдругъ курковъ и винтовочныхъ стволовъ, которыхъ нынѣ въ Хивѣ тьма продано отъ Нагайцовъ; а помянутые три юка токмо сюда привезли Нагайцы ради того, чтобъ всегда съ Хивою недружба велась, чтобъ товаръ чрезъ ихъ руки посыланъ былъ. Сами же Нагайцы при здѣшнихъ басурманахъ говорятъ, что по древнему поведѣнію имъ однимъ, а не Русскимъ, съ товарами какъ въ Хиву, такъ и въ Бухару пріѣзжать довелось. Какъ повелитъ Ваше Величество объ здѣшнихъ полоненныхъ Русскихъ казакахъ, солдатахъ и прочихъ, не токмо которые при князѣ Бековичѣ взяты, но и при иныхъ отъ Каракалпаковъ и Казаковъ заполоненныхъ? Ко мнѣ непрестанно прибѣгиваютъ нѣкоторые, про окупъ просятъ, а иные и милостыню

требуютъ, ибо хозяева худо ихъ кормятъ при такой дороговизнѣ, и я дѣлаю что могу однаго Христа ради, понеже и самъ не знаю какъ бы своихъ людей прокормить, и то въ долгъ, пока милость Вашу получу, объ которой прошу Вашего Величества, изволите надо мною умилосердиться и узрѣть на такія мои многія иждивенія чрезъ такое долгое время. Сей куріеръ по повелѣнію Вашему объявить можетъ о Русскихъ полоненныхъ при Ханѣ и при придворныхъ его двѣсти пятьдесять наберется, а во всемъ городѣ съ тысячу, въ Самарканѣ и по инымъ городамъ и деревнямъ на степи при Озбекахъ, которые бунтуютъ, всего на все 2000; какъ сказываютъ, въ Балхѣ и въ Анкуе(?) также ихъ число немалое, а въ Хивѣ и Аралахъ тысячи съ полторы наберется (всѣ такіе люди при оказіи моглибъ служить, а оружія добраго не имѣютъ); въ Кизылбашахъ, въ Астрабадѣ довольно, понеже изъ Хивы непрестанно туды бѣгаютъ, надѣются на дружбу Шахову съ Вашимъ Величествомъ и паки вновь въ полонъ попадаются. Тоже буде человѣкъ Русскій отселѣ уйдетъ въ Хиву, полонятъ, а изъ Хивы сюда уйдетъ, полонятъ же. А ежели бы не то было, наши бы Русскіе собравшись по пятидесятъ, по сотницѣ, умѣли бы въ Кизылбашскую землю пробиться. Вашего Величества Всемилостивѣйшаго Государя нижайшій рабъ

Флори Беневени.

КОПІЯ СЪ ЦИФИРНОЙ РЕЛЯЦІИ ПОСЛАННИКА ФЛОРІЯ БЕНЕВЕНИ, КОТОРАЯ ПИСАНА НА СТОЛБЦАХЪ ПО ОБѢИМЪ СТОРОНАМЪ.

По указу Вашего Величества велѣно мнѣ освѣдомиться заподлинно, естьли въ рѣкѣ Аму, или какъ по здѣшнему именуютъ Амудерія, золото и сколь много онаго достать можно, чего ради когда мы сюда ѣхали и чрезъ оную переправлялись, я самъ все подробно осмотрѣлъ; сего жъ куріера и внизъ и вверхъ рѣки провѣдывать посылалъ; и вездѣ песокъ одинъ явился, а песокъ, какъ съ образца усмотрѣть можете, золотыя искры имѣетъ. Часа съ три ѣзды отселѣ, также рѣка Кюра именованная, изъ которой какъ къ резиденціи, такъ и по всѣмъ въ окружности деревнямъ наврачеваютъ (?) она зачинается изъ горъ Самаркандскихъ и паки впадаетъ въ помянутую Аму-Дерія, и песокъ также отчасти съ искрами золотыми; пробѣ надлежало, да секрету не имѣю. Доношу Вашему Величеству, что рѣка Аму изъ золотыхъ рудъ начало свое не имѣетъ; но между иными рѣками, которыя въ нее впадаютъ, рѣка Гіокча заподлинно изъ самыхъ богатыхъ рудъ

начало имѣетъ, а именно близко Бадакшану. При томъ началѣ крупное въ горахъ золото сыскиваютъ тамошніе жители, а наипаче во время овецъ стригутъ, шерсти ихъ въ воду кладутъ и засыпаютъ грязью и пескомъ, а потомъ на берегъ вытаскиваютъ и какъ шерсть высохнетъ вытряхиваютъ золото самое чистое. А въ горахъ золото и серебро искать заказано и непрестанно въ такихъ мѣстахъ караулъ держатъ. Тамошніе беги также не допускаютъ брать ляписъ-лазули, изъ котораго камени цѣлая большая гора стоитъ; однакожъ секретно вывозятъ непрестанно. Два часа далеко отъ города Батфавъ одна большая гора есть, въ которой драгоцѣнный лалъ; на сходу отколѣ лалъ вынимаютъ, желѣзные суть ворота подѣланы и накрѣпко затворены за печатью Ханскою и всѣхъ тамошнихъ беговъ, которые въ сорокѣ считаются, и безъ позволенія оныхъ Ханъ одинъ отворить не посмѣетъ. Народъ тамошній Калчасловетря (?) и Хана прежде сего надъ собою не имѣли окромѣ помянутыхъ беговъ, и недавно какъ иного Хана выбрали; имя его Мирарханъ, и тотъ нынче управляетъ. Когда отецъ сего Бухарскаго Хана въ доброй силѣ бывалъ и владѣлъ Балхомъ, во всѣ годы одного изъ своихъ ближнихъ посылалъ туды лаловъ собирать: и помянутые беги, опасаясь Бухарскихъ силъ, не отказывали и какъ лалъ, такъ и золото давали. Балхъ потомъ когда отъ Бухаровъ отцѣпился и себѣ особливаго Хана выбралъ, Хану Бухарскому весьма отказано и Балхскому стали давать оную дачу, однакожъ не надолго; ибо увидя, что и тотъ ослабѣлъ, всѣмъ генерально отказали и съ того времени помянутые ворота не отворены и лалу никто не бирывалъ.

Отселѣ до Балху съ верблюдомъ дней десять ѣзды, а изъ Балху до Кандегару семнадцать мензиловъ считаютъ. Нынѣ никто не ѣздитъ, для того что Озбеки между собою драку имѣютъ и вездѣ на дорогахъ грабятъ.

И какъ чрезъ Аму преправишься, на четыре дни степь и въ этихъ мѣстахъ три караванъ-сераля и воды колодезной довольно, а по тѣмъ самыя хорошія поселенныя мѣста зачинаютъ, хлѣбомъ довольныя и всѣмъ, что человѣку потребно на пропитаніе. За пять денъ отъ Бадакшана горы суть, въ которыхъ всякое удовольство, ни Хивѣ, ни Бухарамъ не въ примѣръ. Сіе слышалъ отъ одного человѣка, который во оныхъ мѣстахъ вездѣ ѣздилъ; оной же мнѣ такое слово сказалъ, будто Ханъ Бухарскій съ Озбеками вмѣстѣ весьма не съ ума, понеже лучше хочетъ въ нищетѣ и разореніи жить и другъ отъ друга непрестанныя нападенія терпѣть, нежели Бадакшанскія богатства доставать, которые съ небольшимъ трудомъ достать можно. Имѣю я также при мнѣ Армянина одного, который въ Бадакшанѣ тоже былъ и вышеописанное все вѣрно свидѣтельствуетъ. Въ Самарканскихъ горахъ, изъ которыхъ помянутая Кюрабъ рѣка зачинается, также золотыя руды сказуютъ; а что иныхъ металловъ и здѣсь въ Бухарахъ заподлинно довольно, какъ: мѣди, квасцовъ, свинцу и желѣза самаго добраго. По сю сторону отъ Араловъ въ Хивинскихъ областяхъ въ горахъ Шеджелильскихъ се-

ребреныя руды суть заподлинно; я то прежде слышалъ отъ Татаровъ, а потомъ подтвержденіе имѣлъ отъ одного полоненнаго, стараго Руссака, который мнѣ яко презентитесте сказывалъ, что при Аранъ Ханѣ Хивинскомъ (тому будетъ тридцать лѣтъ) одинъ Кизыльбашъ Хану донесъ, что въ такихъ горахъ серебро и онаго много достати можно; чего ради Ханъ, опредѣля работниковъ, послалъ онаго немедленно такое золото искать, и съ невеликимъ трудомъ сыскано и Хану на образецъ большой кусокъ камени прислано, изъ котораго при пробѣ больше половины серебра вышло; что услыша Озбеки большіе, собравшись, и вдругъ къ Хану приступили представляя ему, что такое серебро не токмо вынимать не надлежно, но про него ниже человѣку дати вѣдать не довелось, ибо могутъ съ того легко войну съ сусѣдами нажить. Чего ради Ханъ тогожъ часу велѣлъ сысканую руду по прежнему зарыть и онаго рудокопца живаго въ землю закопать.

Рѣка Аму въ старые годы заподлинно въ Каспійское море текла; но не вся, токмо половина; а для которой причины отвращена вода и такъ крѣпко запруженъ протокъ, никто о томъ вѣрно донесть не можетъ. Одни сказуютъ, будто рѣка пресѣчена, когда по той рѣкѣ внизъ къ морю жилія пустѣли; а другіе говорятъ, что по Аму рѣкѣ до самаго моря жилія было премножество и хорошихъ городковъ, а въ нихъ жилъ народъ самый непостоянный, отъ котораго Хива, такъ и Бухары, великія разоренія терпѣли по всѣ годы, чего ради всѣ Озбеки собравши вкупе поднялись на оной войною; однакожъ увидя, что вдругъ побѣдить не возможно, разсудили за благо воду весьма пресѣчь, дабы зжаждити его, и ретироваться тотъ народъ принужденъ былъ, а тѣ бы мѣста опустѣли.

Сей курьеръ породою Гречанинъ, при мнѣ служилъ яко казацкой сотникъ, вездѣ вѣрную свою службу со особливою смѣлостію оказалъ; ибо я его въ нѣкоторыя дѣла употреблялъ и въ разныя мѣста про золото провѣдывать посылалъ. Сталось было токмо послать плотину осмотрѣть, какова она и мочно ли вновь прорыть и потокъ учинить; однакожъ потребно бъ было инженера одного вмѣстѣ послати вѣрнаго все регулярно осмотрѣть, а такого человѣка я не имѣю.

Со всякою покорностію Вашему Величеству послѣднее мое слово предлагаю, что ежели вы желаете себѣ авантажъ добрый и довольную казну прибрать, лучшаго способу я не сыскалъ, что ко описаннымъ мѣстамъ собираться (сила всѣ резоны уничтожитъ); постороннихъ велико опасеніе не будетъ, а наипаче при нынѣшнихъ случаяхъ; ибо всѣ дженерально между собою драки имѣютъ: Озбеки Хивинскіе, Бухарскіе, также Пантхонскіе, Авгани въ войнѣ давно съ Кизыльбашами; одни Индѣйцы остались, и тѣ пуще всѣхъ въ безпокойствѣ обрѣтаются, для того, что тамошніе князья между собою въ жестокой войнѣ. А что Такшенцы, Киргиси, Каракалпаки и Казаки, и тіе никакое помѣшательство учинить не могутъ, а наипаче нынѣ; ибо черные Калмы-

ки оныхъ Казаковъ въ пень разорили и что наилучшій городокъ у нихъ взяли и тутъ засѣли. Ожидаю чрезъ сего курьера указу.

Вашего Величества
нижайшій рабъ
посланникъ *Ѳлори Беневени.*

Изъ Бухаръ,
10 го марта 1722 г.

При семъ доношу Вашему Величеству, что Ханъ Кули-Бавши посолъ, яко бусурманъ, Вашу Царскую милость весьма позабылъ и многія непристойныя слова про имя Ваше говоритъ; однакожъ я увидя такую инковеніенцію, немедленно чрезъ добраго все поправилъ. Сей курьеръ все скажетъ.

IX.

РЕЛЯЦІЯ Ф. БЕНЕВЕНИ, ПИСАННАЯ ЦИФРАМИ, ИЗЪ БУХАРЫ, ОТЪ 4-ГО МАРТА 1723 ГОДА.

Изъ Бухаратщи 4-го марта 1723 году покорнѣйшій рабъ Ѳлори Беневени. Прошедшаго году марта 18-го числа къ Вашему Величеству отправилъ я отселѣ съ письмами курьера, про котораго нынѣ токмо по прибытіи Нагайскаго каравана изъ Калмуковъ въ Хиву, съ великою радостію услышалъ заподлинно, что въ добромъ здравіи пріѣхалъ и письма въ цѣлости вручены, а чрезъ цѣлое лѣто не могъ подлинной добраться информаціи. Нѣкоторыя изъ Хивы вѣсти подали такія, будто Казаки, когда караванъ разбили, всѣхъ Армяновъ въ полонъ взяли, притомъ же и курьера моего; а другіе разсказывали, за письма на томъ мѣстѣ изрубленъ. Чего ради отправилъ я тогда вновь чрезъ Хиву и дупликаты и трипликаты; и тѣ пройти не могли, ибо изъ Хивы каравана не было, а съ Мангишлагскими Туркменами одному человѣку ѣхать опасно, и паки оныя письма ко мнѣ назадъ привезены чрезъ Кизыльбаши. Что дѣлати? Хотя и проѣзду не было, но понеже Ратскіе Авганы дважды на Мешедъ ѣхали и оной городъ въ осадѣ, а на степи вездѣ Текасмути и иные Туркмяни неотмѣнно, такъ, что и птицы не пролетѣть. Прошлаго году сколь много ни выѣхало карабановъ изъ Мешеду на Бухарищи, на Иратъ и на Испагань, всѣхъ или Туркмянцы, или Авганцы разбили; тутъ же Русскаго товару не мало явилось въ пропажѣ. Дороги вездѣ кругомъ залегли; токмо одна Балхская дорога отчасти служитъ, а и тамо нынѣ торгъ весь оскудѣлъ, ибо

четвертый годъ тому, какъ караваны не ходятъ въ Индѣйскія страны на Кабулъ, Элахоръ и прочіе городы; оттолѣ къ Кабулу также не проѣзжаютъ, ибо Узбеки въ горахъ сильны стали и непрестанныя промежъ собою драки имѣютъ.

Хивинскій Ханъ Ширгази въ прежнемъ обрѣтается состояніи со всѣхъ сторонъ, какъ отъ Узбековъ, такъ и отъ Аральцовъ; отъ первыхъ боится для причины Русской, ибо что будто ихъ въ гости ждутъ; отъ другихъ боится, дабы Шахъ Темиръ-Султанъ не сотворилъ надъ ними стратаджемъ такой, какой прошлаго году самъ надъ онымъ учинити хотѣлъ; чего ради въ народѣ и не кажется, и каждаго къ себѣ не допускаетъ, окромѣ троихъ, которые крѣпко держатъ его партію, и по ихъ совѣту поступаетъ помянутый Ширгазы-Ханъ. Стрататжемъ сей былъ прошедшаго сентября; подошлетъ къ Шахъ Темиръ-Султану въ Арали одного партизана изъ набольшихъ Узбековъ, именемъ Колуму, и дабы какимъ хитрымъ образомъ его Султана потеряти, и оной Колуму и такъ себя доброжелательнымъ и усерднымъ при Султанѣ окажетъ, что и фальшивымъ его словамъ и повѣритъ, тутъ же представитъ Султану, яко же бы самое удобное время Ширгазы Хана атаковати, обѣщевая своимъ другомъ великое учинити споможеніе, чему Султанъ весьма радъ покажется и тогожъ часу въ знакъ своея милости прикажетъ на оного Узбека самой богатый халатъ надѣти и всякую оному честь учинити; послѣ того объявитъ свое намѣреніе, что нѣсколько дней спустя ѣхать готовъ; чего ради помянутой Колумбей и напишетъ тогожъ часу къ Ширгазѣ Хану, что весьма надѣется врученную ему коммиссію исправити и дабы ему на встрѣчу къ урочному мѣсту войско свое немедленно высылалъ. Караулъ на заставѣ и поймаетъ такое письмо и привезетъ Султану, который какъ довѣдался, что думали надъ его головой сочинити, показавъ измѣннику письмо за собственною рукою, велѣлъ на томъ мѣстѣ самому голову отрубить, также и другимъ четыремъ Узбекамъ, и тѣ головы съ своимъ посломъ къ Хану въ тріумѳъ послалъ; а Ханъ взаимно со онымъ посломъ отправилъ къ Султану въ Арали посланнаго отъ Ширгазы Хана посла, что оной Султанъ коммиссію его послушалъ, отвѣтъ учинилъ надлежащій до Ширгазы. Гусей-Ханъ давно какъ фалшивымъ призналъ и присылки его весьма нелюбитъ.

Помянутый посолъ былъ законникъ Хаджа, ибо Ширгазы опасался иного послать, дабы сей Ханъ его не зарестовалъ по прежнему; а приказано было оному послу при здѣшнемъ дворѣ объявити, что Русскія войска заподлинно по первыми снѣгами приѣзжать хотѣли. Также представилъ какъ Хану, такъ и другимъ Узбекамъ, что ежели несчастіе надъ Хивою учинится, то и Бухарамъ того неминовати, и что понеже все единаго закону бусурманъ, и надлежало имъ межъ собою помиритися и паки приуготовляться на оборону противъ главнаго и общаго непріятеля, который не токмо единою Хивою, но и всѣмъ бусурманскимъ юртомъ завладѣти намѣреніе имѣетъ.

Ширгази-Ханъ понеже казны имѣетъ и своихъ Узбековъ доволь-

ствуетъ еще кое какъ, и съ Шахъ Темиръ-Султаномъ сладить можетъ; но со стороны Вашего Величества пущая ему бѣда предъ глазами является, и что день, то Русскихъ въ гости ожидаетъ.

Прошлаго году въ маѣ мѣсяцѣ Аюка-Ханъ чрезъ Тюкараганскихъ Туркменовъ Хивинскому Хану вѣдомость подалъ о пришествіи Его Величества на Саратовъ въ намѣреніи, чтобъ подъ зиму войско на Хиву посылати; также написалъ сколь много верблюдовъ и лошадей отъ Калмыковъ взято и колико велѣно построить арбовъ. Послѣ того вѣдомость подана; что войска отправлены противъ Лезговъ и сами къ Терку путь воспріяли, а что заподлинно по первомъ снѣгѣ и на Хиву также походъ будетъ. Чего ради всѣ Хивинцы устрашились и многіе сюда въ Бухары ретироватся хотѣли, ежели бъ пріѣзжіе Ногаи и Калмыки въ прошломъ декабрѣ оныхъ не обрадовали отчасти и сказали, что Русскіе зимою не будутъ, но весною всеконечно.

Ширгазы Ханъ по всяки день совѣты держитъ съ своими ближними Узбеками, какъ бы лучше при Вашемъ Величествѣ сіе дѣло поправить, и оной присудилъ за благо, чтобъ немедленно всѣхъ Русскихъ полоненіниковъ собравши, такожде прибрать къ тому самые дорогоцѣнные подарки и оные съ своимъ посломъ къ Вашему Величеству отправить, авось ли (такъ себѣ на умъ поставилъ) милость покажете и намѣреніе свое уничтожите. Къ сему Ханскому разсужденію Узбеки и пристали было; токмо одинъ Киксбей, фаворитъ его, не позволилъ, представляя, что такая посылка ежели заподлинно Ваше Величество надъ Хивинцемъ реванжъ учинить хотите, весьма мало пользы будетъ, и что надлежитъ въ началѣ на Бога положиться, а послѣ на свой умъ, думая какъ и прежде обманомъ отдѣлаться.

Помянутый Ширгазы Ханъ, слыша, что я еще здѣсь обрѣтаюсь, и то для дороги, дважды подсылалъ ко мнѣ нѣкоторыхъ особъ изъ здѣшнихъ жителей ему знакомыхъ, позывая меня, чтобъ я безъ никоторой опасности въ Астрахань возвращался чрезъ Хиву, а не чрезъ Кизылбаши, обѣщевая мнѣ всякую честь учинить и препроводить даже до Астрахани. Сіе мнѣ объявлялъ яко доброжелательный Вашъ другъ, а между тѣмъ ни однаго изъ торговыхъ не обыскавъ не имѣетъ ли Вашего Величества писемъ отъ меня, чрезъ Хиву не пропуститъ; призываетъ меня въ гости, а курьеръ мой на силу освободился отъ его рукъ и то за порукою головою.

Шахъ Темиръ-Султанъ, когда услышалъ про походъ Русскій на Хиву, присылалъ къ сему Хану со упрошеніемъ какимъ образомъ ему при такомъ случаѣ поступать доведется? Который отвѣтствовалъ, что съ Русскими надлежитъ весьма ласково обходиться и никоторую противность не показывати бъ, пока сами противиться не зачнутъ. Оной Султанъ съ пошлаго апрѣля Ширгазы-Хана партія его разбѣглась и по сію пору въ Аралахъ мѣшкаютъ и все то чрезъ измѣну Узбековъ; однакожъ нынѣ вновь прибираются ѣхати, ибо послѣ какъ женился въ Каракалпакахъ на сестрѣ Султана одного, много Каракалпаковъ къ нему пристало и надѣемся на сихъ дняхъ что нибудь услы-

шать. А по моему мнѣнію кажется мнѣ, что Хивинскіе Узбеки и Хана и Султана обманутъ и обоихъ потеряютъ, а посторонняго кто бы ни былъ на Ханство посадятъ Хана. Болѣе, яко въ Вашемъ Царскомъ гнѣвѣ обрѣтается, Султана не хотятъ, опасаясь, дабы оный не сталъ отмщать кровь отца его Мусе-Хана. Вашему Величеству въ прошломъ году описалъ я отчасти замиреніе, которое было тогда промежи здѣшнимъ Ханомъ и Узбеками, къ тому жъ приписалъ о томъ примиреніи, чего и ожидали, однакожъ опослѣ время такъ сбылось, понеже убитаго Аталика Ѳерастбея меньшій сынъ, который былъ подъ арестомъ, ушедъ къ брату его въ степь прошлаго іюля, гдѣ зачавъ отмщать смерть отца своего, на всѣ стороны бросится озорнически, деревни грабитъ, и такъ ему пощастится, завладѣлъ двумя городками, въ которыхъ и самъ засѣлъ, и хотя отъ Хана онаго посылка и была, однакожъ ничего учинити не могъ, и потомъ что день побѣды срядомъ послѣдовалъ и въ сентябрѣ бывшихъ его Хана аталикъ Киората Ликсисъ Брагимъ-Бей, что ни пуще врагъ, пошедъ на Самарканди, онымъ городомъ завладѣлъ. Послѣ того вкупѣ съ другими Узбеками одного изъ Ханской фамиліи, а именно Ширгази-Хана двоюроднаго брата, на Ханство поднялъ, нарицая его Редженъ-Ханъ Бухарскій, и выдалъ за него дочь свою, а самъ по старому въ аталыкахъ постановился. Также другіе придворные чины разнымъ Узбекомъ раздѣлилъ и много казны подарилъ и непрестанно даритъ, дабы за новаго Хана вѣрно стояли и поскорѣе бы Бухарскаго Хана, или живаго или мертваго увидѣти. Чего ради многіе малконтенты къ новому Хану Реджену пристали, а наибольшій одинъ изъ Узбековъ, на котораго сей Ханъ яко на своего брата надѣялся, послѣ какъ отселѣ честной халатъ посланъ, внезапно измѣнилъ и пришлетъ къ партіи сына своего, чтобъ здѣсь городу страхъ подалъ, а Хана изъ Самарканду въ свои городки сталъ призывати. И тотъ его сынъ великія пакости надѣлалъ, до самаго города съ одной страны до чиста разорилъ. Никто изъ Узбековъ на драку выѣзжати не хотѣлъ; претендовали, чтобъ и Ханъ выѣзжалъ и удовольствовалъ бы ихъ жалованьемъ, а все искали какъ бы лучше Хана потеряти; а въ городѣ страхъ такой былъ, что неподобной крикъ и вопъ; деревенскіе люди, которые спаслись уходомъ, чуть не принудили Хана изъ города бѣжать, ежели бъ Узбечье дѣло не управлено было; ибо Ханъ послѣднее раздѣливъ Узбекамъ, выслалъ оныхъ подъ командою нынѣшняго начальства, а самъ остался въ городѣ, обѣщая, что и онъ также съ достальными военными послѣдовать хотѣлъ (а не выѣзжаютъ). Нынѣ пятый мѣсяцъ какъ въ неотмѣнномъ страху живемъ, дабы внезапно Узбеки со стороны новаго Хана городъ не штурмовали (что Богъ да не допуститъ, понеже бы всѣмъ намъ сдѣлали тоже бъ отъ большой части Ханскаго двора учинили). Аталикъ какъ отселѣ поднялся мѣсяцъ тому минуло, а ничего не сдѣлалъ добраго; пишетъ, что Узбеки не хотятъ драться и будто безъ акціи и большая часть уже розошлась, и надлежитъ де самому Хану выѣзжать или на тритцать тысячь золотыхъ высылать для раздачи

Узбекамъ; а не такъ, и самъ назадъ будетъ. Новый Ханъ по сію пору въ Семаркандѣ и ждетъ пока въ силѣ станутъ лошади, чтобъ къ Бухарамъ походъ воспріяти, что всеконечно сбудется, ежели нѣкоторые Узбеки изъ Самарканскихъ горъ оному помѣхи не учинятъ, на которыхъ сей Ханъ великую имѣетъ надежду.

Сей Ханъ, такожде и нѣкоторые его ближніе, зѣло бъ ради были при нынѣшнихъ случаяхъ услышати про Русскія войска, что въ Хивѣ; ибо въ декабрѣ непрестанно посылалъ ко мнѣ разныхъ спрашивати, не имѣю ли я подлинное извѣстіе, будетъ ли Величество Ваше посылать на Хиву, или нѣтъ. И я хотя и отвѣтствовалъ, что я изъ Астрахани курьера не получалъ и Ваше намѣреніе вѣдать не могу, а ежели бы такая посылка учинилась, тобъ противъ непріятеля общаго; и Ханъ не повѣрилъ, думая, тихимъ образомъ письма получилъ, а не объявляю (а все то другіе ему внушаютъ на зло мое); однакожъ нынѣ и повѣрилъ; донесено ему, что отправленный ко мнѣ отъ Астрахани курьеръ на дорогѣ убитъ. Годъ тому минуло какъ я отправилъ курьера, а за моимъ несчастіемъ отвѣту получить не могу; токмо бѣду чуть не нажилъ; письма потерянныя сыскать труждался, то и меня самого шпіономъ оклеветали недобрые люди, которые также сказали, что убитые оба ко мнѣ за шпіонствомъ ѣхали и того ради убиты. И Хаджа Улѳетъ однакожъ крѣпко за меня стоялъ предъ Ханомъ, съ которымъ (какъ нынѣ я его на мой коштъ призналъ) никогда дѣло управить не можно; каждому доводчику вѣритъ легко и часто премѣняется; также весьма фуріозъ, а что ни пущій секретъ содержать не умѣетъ, такъ что тогожъ моменту одному и другому за конфиденцію объявлялъ, такъ что ни письма, ни слова секретнаго подать не возможно. Прошу Вашего Величества дабы надо мною Вашу Царскую милость показать, меня изъ Узбецкихъ непостоянныхъ рукъ высвободити изволили, чтобъ занапрасно болѣе не мучиться при семъ варварскомъ и безъ основанія управительствѣ; ибо всѣ Хана, а больше для фигуры токмо, и слушаются ему тогда какъ увидятъ, что изъ такого дѣла интересъ свой партикулярно зависитъ.

Податель сего будетъ Башкирецъ одинъ торговый человѣкъ, именованный Мола Максу, Дюнусовъ сынъ, прозвищемъ Амремзей, изъ Уфимскаго уѣзду; и оный съ начала какъ сюда пріѣхалъ, пришедши ко мнѣ показался, что онъ яко вѣрный Вашего Величества подданный желаетъ заслужиться и увидѣть Царскія очи Ваши; чего ради употребляется въ семъ дѣлѣ, и чтобъ какъ скорѣе можно съѣздилъ съ отвѣтомъ паки назадъ, или моремъ, или сухимъ путемъ, ко мнѣ возвратился; ибо ожидаю указу Вашего Величества при нынѣшнихъ случаяхъ, какъ бы мнѣ поступить и по которому тракту ѣхать, о чемъ прежде сего было прошеніе мое.

КЪ ДУПЛИКАТУ СЕЙ РЕЛЯЦІИ, ОТПРАВЛЕННОМУ ИЗЪ БУХАРЫ 10-ГО АПРѢЛЯ 1722 ГОДА, ПРИБАВЛЕНО:

Пріѣзжіе Нагайцы, человѣкъ шестнадцать, нѣкоторые изъ Астрахани, а нѣкоторые изъ степи, сказывали разныя вѣсти; одни подтверждаютъ, что Ваше Величество при настоящей кампаніи, какъ на Шамаху, такъ и на Хиву войско посылать намѣреніе имѣете; а другіе сказываютъ, будто на Лезгинской сторонѣ болѣе дѣла не будетъ, понеже посылка противъ Лезгинцевъ, а наипаче пришествіе Ваше въ Астрахань Султану Турецкому немалую подало суспицію, чего ради зачалъ со всякимъ поспѣшеніемъ войско собирати на оборону, а межъ тѣмъ будто писалъ до Вашего Величества, спрашивая, за какую причину и подъ какимъ намѣреніемъ пріѣхать изволили; также на письмѣ объявилъ, ежели далѣе подлѣ границъ его войско посылать будете, то онъ Султанъ войну декларовать будетъ. И Ваше Величество будто отвѣту учинили, яко же пріѣздъ Вашъ въ Астрахань случился гульбы ради; а что касается до войска, оное посылали противъ Лезгинцевъ для отмщенія токмо и приведенія ихъ своевольства; однакожъ по окончанію велѣли войску паки назадъ возвращаться въ Астрахань, понеже и съ Хивинцами такое же дѣло имѣете, а что сами въ скорыхъ числѣхъ къ Санктъ-Петербургу путь воспріять намѣрены, и прочее. Мѣсяца съ два тому, какъ набольшій при Ханѣ Хаджа Улѳетъ спрашивалъ меня: не вѣдаю ли я противъ кого Султанъ Турецкій на войну вступилъ, противъ Вашего Величества или противъ Шаха Персидскаго, сказывая мнѣ, будто такія слова слышалъ отъ однаго дервиша, который прошлаго году въ апрѣлѣ, когда изъ Меки назадъ сюда ѣхалъ чрезъ Турецкія области, видалъ по указу Султанскому безчисленное войско маршировать къ Константинополю, такъ что большая часть деревень тамошнихъ опустѣла и токмо одинъ женскій полъ остался; и помянутый дервишъ будто слышалъ отъ тамошнихъ, что Султанъ имѣетъ войну съ Нѣмцами. Узбеки всѣхъ Европейскихъ Нѣмцами почитаютъ; однакожъ я помянутому Хаджѣ растолковалъ и показалъ, что ежели Султанъ войну имѣетъ, съ иными имѣти не можетъ окромѣ Цесаря, и то для возвращенія потеряннаго въ прошлой войнѣ. Всѣ Узбеки дженерально ради бы были услышати такую причину надъ Русскими, нежели надъ Нѣмцами, чтобъ Вашему Величеству помѣха была и не могли бы войско на Хиву посылати; ибо нынѣ надъ оными Узбеками (чему весьма вѣрятъ) пророчество изъ книгъ является, что имъ въ здѣшнемъ краѣ не надолго владѣтъ, но иному постороннему Государю; притомъ же слышатъ, что Ваше Величество въ этомъ и миръ ужъ сочинили, тѣ зѣло опасаются, дабы помянутое пророчество не упредило, чего Татжикъ и Хиредъ непрестанно отъ Бога просятъ, чтобы изъ подъ Узбецкаго несноснаго хомута скорѣй вырваться.

Сей дупликатъ отправляю чрезъ Кизилбаши съ Астраханскимъ Татариномъ, бывшимъ при мнѣ толмачемъ, вмѣстѣ съ камердинеромъ моимъ, которымъ я приказалъ ѣхать на Астарабатъ, а оттуда по Мазандеранской дорогѣ подлѣ моря на Гилянь, или на иныя мѣста по ихъ разсмотрѣнію. Прошедшаго марта мѣсяца въ послѣднихъ числѣхъ отправилъ ориджиналъ чрезъ Казацкіе юрты съ однимъ Башкирцемъ, который сюда за торгомъ пріѣзжалъ; помянутаго Татарина толмача (хотя я его въ секретныхъ дѣлахъ и не употреблялъ) отсюда со обнадеживаніемъ высылаю, ибо въ нѣкоторыхъ случаяхъ отчасти на онаго подозрѣніе имѣлъ. Чего ради пока я здѣсь обрѣтаться буду, паки его ко мнѣ болѣе посылати не надлежало; но въ Астрахани такожде въ надеждѣ до времени приудерживати. При моей здѣсь бытности не оставилъ вѣрныхъ своихъ людей посылати въ округлость по Узбецкимъ юртамъ, для осмотрѣнія нѣкоторыхъ мѣстъ, такъ ли, какъ я отъ другихъ слышалъ; посылалъ такожде чтобы получить подлинное извѣстіе, въ которыхъ мѣстахъ золото выходитъ, также въ которыхъ горахъ серебреныя руды суть и прочія; чего ради отправляю курьеромъ сего моего камердинера, который бы могъ объ всемъ, что слышалъ и видалъ, на словахъ реляцію учинити. Се я посылалъ его въ Балхъ съ товаромъ, яко торговымъ человѣкомъ и далѣе еще даже до Бадахшана; я было имъ до Лахору приказалъ бы ѣхати; но понеже тогда отъ Узбецкихъ набѣговъ караваны проѣзжати не могли, паки изъ Балху назадъ возвратился.

Посылаю чрезъ сего камердинера на образецъ золоту, которое по Сыръ-рѣкѣ (по здѣшнему Сырдерья) по берегамъ въ пескахъ встрѣчается; оное золото привозятъ сюда на размѣну золотыхъ печатныхъ, или на товаръ, ибо тамошніе не имѣютъ монеты иной, окромѣ нѣкоторыхъ серебреныхъ денегъ, при отцѣ сего Хана печатанныхъ, когда оныя мѣста подъ его командомъ были. По помянутой Сыръ-рѣкѣ вездѣ можно золото сыскати; но въ Индиджанѣ и Мергаланѣ зѣло довольно; а что въ иныхъ мѣстахъ, сей курьеръ вѣрно объявитъ. Я бы душою радъ все персонально объявити, но за моимъ несчастіемъ принужденъ на письмѣ и чрезъ другихъ информацію посылати. Я сполна не описываю, какимъ образомъ посланные изъ Астрахани курьеры въ дорогѣ пропали, что отъ писемъ учинилось и прочее, также какія на меня фальшивыя при семъ дворѣ доношенія поданы были, а наипаче отъ Туркистанскаго Хаджи однаго, съ чего при семъ для меморіи списокъ посылаю, понеже приказалъ ему курьеру все пространно на словахъ изъяснити Вашему Величеству. Прошлаго году изъ писемъ моихъ донесено про Астраханскихъ Нагаевъ, которые безъ указу сюда пріѣхали и везли заказные товары, все то на лишнюю мою бѣду написали, ибо новопріѣзжіе Татары жаловались, что я худо на нихъ написалъ къ Астраханскому губернатору и весь ихъ торгъ пресѣкъ; также (что ни пуще) нѣкоторые Бухарцы, которые изъ Астрахани пріѣхали, сказывали, что нѣсколько Бухарцевъ за арестомъ въ приказѣ сидятъ и пропуску онымъ

не даютъ, почитая ихъ шпіонами Ширгазы-Хана Хивинскаго. Чего ради всепокорно прошу Величества, дабы надо мною Вашу Царскую милость показати и не допустити меня къ крайней бѣдѣ, а наипаче въ нынѣшнихъ случаяхъ, повелѣвая, пока я здѣсь обрѣтаюсь, чтобъ никакой гнѣву Вашего видъ надъ Бухарцами не показывали, а то бъ мнѣ и здѣсь также воздано не было; ибо Узбечье разсужденіе весьма грубое.

Вашего Величества

всепокорнѣйшій рабъ

Өлори Беневени.

Изъ Бухаръ,
10-го апрѣля 1722 г.

X.

А присланной отъ него посланника Өлорія Беневени изъ Бухаръ съ вышеписаннымъ дупликатомъ реляціи, камердинеръ Николай Минеръ, въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ апрѣля въ 15 день 1724 году сказалъ:

Поѣхалъ де онъ Николай изъ Бухаръ отъ него Өлорія 1723 году апрѣля 10 дня и ѣхалъ отъ Бухара чрезъ Трухменскія степи въ каравнѣ съ Бухарскими Туркмены на Персидскую область, а именно до Гирата, осемнадцать дней, и жилъ за опасностію отъ бунтовщиковъ Авганцевъ пять мѣсяцевъ и шестнадцать дней, для того, что у нихъ было великое замѣшаніе и безпрестанная драка и многихъ Россійскихъ купцовъ въ то время ограбили; а изъ Гирату поѣхалъ онъ съ нѣкоторыми Туркмены и Бухарцы знакомыми въ каравнѣ въ Мешетъ и ѣхали чрезъ осемнадцать дней, и тамо жилъ семь недѣль за тѣмъ же раззореніемъ и бунтомъ; а изъ Мешета ѣхалъ на провинціи Астрабатъ и Мизандронъ и до Гиляни, гдѣ за наступленіемъ зимы жилъ до вскрытія воды шесть недѣль, а потомъ отправилъ его оттуда брегадиръ Левашовъ водою до Астрахани; и тако за вышеписанными причинами онъ въ пути принужденъ былъ такъ долгое время медлить. А ежели бъ де безъ задержки ѣхать, больше бъ не было мѣсяцевъ двухъ. А въ бытность его при посланникѣ Өлори Беневени въ Бухарахъ посыланъ онъ былъ отъ него Өлорія изъ Бухаръ въ Балхъ, разстояніемъ отъ Бухаръ двѣнадцать дней по верблюжьему ходу, который счисляется по тридцати верстъ Россійскихъ на день, и оттуда въ Бадаксанъ, отъ Балха восемь дней ѣзды, для провѣдыванія о рудахъ

золотыхъ и серебреныхъ, которыя де городы подались къ Индіи, а отъ Персидскихъ городовъ не близко, развѣ де изъ Астрабаду, то будетъ ѣзды до Балху дней двадцать, а до Бадаксану съ мѣсяцъ. Въ бытность де его въ Балхѣ и въ Бадаксанѣ присмотрѣлъ онъ слѣдующее: купечество въ Бадаксанѣ болѣе товарами Бухарскими, холстами бумажными и кожами, который товаръ мѣняютъ тамошнимъ Бадаксанскимъ жителямъ на песокъ золотой и на сплавное серебро, которое не гораздо дорого, напримѣръ за червонный золотой придетъ близъ тридцати пяти золотниковъ чистаго серебра; а песокъ золотой мѣняютъ какъ на товаръ, оцѣня, такъ и на червонные золотые, напримѣръ на сто червонныхъ песку вѣсомъ противъ двусотъ, изъ котораго въ передѣлѣ убываетъ токмо по десяти со ста съ угаромъ и съ работою, а очистится на сто прибыли восемдесять червонныхъ, и тѣ де товары они Бухарцы тамо содержатъ гораздо высокою цѣною. Изъ Россійскихъ де товаровъ видѣлъ онъ въ Балхѣ и Бадаксанѣ токмо изъ мелочей, а именно: иглы, зеркалы, ножницы, перлы бисерные цвѣтные, что изъ стекла изъ мелочей, выдры, бобры, юфтъ, лосины, или замши, сукно подлое самое изъ цвѣтовъ зеленыхъ, васильковыхъ и красныхъ и малое число суконъ добрыхъ Англійскихъ, которыя токмо на однѣ шапки покупаютъ, которые де товары мѣняютъ, такожъ на золото и на серебро. Тѣ де городы Балхъ и Бадаксанъ вольные, подъ особыми Ханами, которыхъ де Хановъ перемѣняютъ зѣло часто, для того, что не наслѣдные. Золото и серебро получаютъ въ Балхѣ изъ Бадаксана, а въ Бадаксанѣ берутъ изъ рѣки Дарьи въ лѣтнее время, а именно: въ іюлѣ, въ іюнѣ, въ августѣ и въ сентябрѣ, когда бываютъ жары и вода въ той рѣкѣ мала. Оное золото натуральное, а не руда, и берутъ изъ песку, который берутъ изъ рѣки Дарьи и моютъ въ котлахъ, а потомъ высуша на кожахъ, бьютъ прутками и тако оное золото межъ пескомъ означивается и вывѣвается отъ вѣтру песокъ, а остается самое чистое золото, и хотя и бываетъ нѣкоторая малая часть песку, то оная въ сплавкѣ выгараетъ, и берутъ то золото подъ самымъ Бадаксаномъ. И слышалъ де онъ про все то заподлинно отъ тамошнихъ жителей, а самъ того не видалъ, для того, что былъ не въ такое время когда дѣлаютъ, а былъ де онъ тамо уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Онаго де золота тамо зѣло много, какъ онъ самъ видѣлъ, что когда время было мирное, то въ годъ изъ Бадаксана чрезъ Балхъ и чрезъ Туркменской городъ Анхой въ провинцію Хорасанскую въ столичной городъ Мешеть, (которою провинціею нынѣ владѣетъ бунтовщикъ Меликъ Махмудъ-Ханъ, бывшій провинціи Шегистанской владѣлецъ) хаживало съ золотомъ и серебромъ каравана по два, по три и по четыре, и тамо оное золото и серебро передѣлываютъ въ монету Персидскую, съ платежемъ работныхъ денегъ, и прочая, и на оную монету покупаютъ ихъ Персидскіе товары. И что про вышеписанное все извѣстенъ и знаетъ подлинно бывшій въ Бухарахъ и въ Харасанской провинціи прикащикъ Матвѣя Евреинова Василій Поповъ, который нынѣ сюда въ Москву недавно пріѣхалъ, для того, что они тамо имѣли

торговый промыслъ и золото и серебро дѣланное тамо покупали и на оное товары вымѣнивали. И по той же де рѣкѣ есть золото и въ иныхъ городахъ, а именно: въ Каскарѣ, Маргилянѣ, Идизанѣ и Таскентѣ, а и гдѣ есть или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ. Оная рѣка Дарья идетъ изъ Индіанской земли изъ горъ отъ города Кабулы, мимо нѣкоторыхъ Индіанскихъ городовъ и подошла подъ Бадаксанъ, а изъ подъ Бадаксана идетъ мимо нѣкоторыхъ городовъ и деревень Бухарскихъ и Хивинскихъ и впадаетъ въ Аральское море; а изъ Каспійскаго моря водою до той рѣки хотя и бывалъ путь и ѣзды было дней съ шестнадцать, токмо де нынѣ пресѣкли тотъ путь Хивинцы и виденъ токмо одинъ знакъ гдѣ хаживали и былъ протокъ изъ Дарьи-рѣки въ Каспійское море изъ подъ самой Хивы; а какъ тое рѣку или протокъ называютъ и въ коемъ мѣстѣ въ Каспійское море впадала, того онъ не вѣдаетъ; а нынѣ де все стало сухо и воды нѣтъ. Также де близъ Бадаксану есть одинъ небольшой городокъ, разстояніемъ отъ Бадаксану верстъ съ пять, въ которомъ сдѣлана мина за печатьми главныхъ тамошнихъ жителей, изъ котораго Бадаксанцы получаютъ въ тѣхъ минахъ каменья лалы, да изъ горъ ломаютъ камень лапизъ-лазарумъ, котораго тамо зѣло много; токмо де украдкою оной камень купцы провозятъ въ Балхъ и продаютъ тамо батманъ, въ которомъ вѣсу двадцать пять фунтовъ, по три червонныхъ тамошнихъ, въ которыхъ Россійской монеты будетъ рублевъ съ пятнадцать, а въ прочихъ государствахъ оной камень, а именно въ Россіи, покупаютъ фунтъ рублевъ по осьми; дѣлаютъ изъ него всякія галентеріи, напримѣръ: уборъ къ паникадиламъ, доски къ евангелію, табакерки, чашки, печати и прочее, такъ изъ большихъ, какъ изъ мелкихъ вещей. Однакожъ де нынѣ отъ смятенія оные промыслы у нихъ остановились и никого туда не пускаютъ и торговать тѣми каменьями запрещено. Отъ того жъ де Бадаксана есть одна гора, полдня ѣзды на рѣкѣ Дарьѣ, въ которой, сказываютъ, будто есть множество золота и приставленъ къ той горѣ на проходѣ караулъ Хана Бадаксанскаго, для того, дабы не показать того никому. А слышно де что можно бъ тамъ золото и кусками сыскать, токмо они по ихъ обыкновенію туда не ходятъ подъ прещеніемъ смертной казни, а получаютъ то золото токмо пескомъ изъ рѣки Дарьи, которой отъ той уже горы водою наносъ; каково оное золото, тому онъ привезъ съ собою пробу, такожъ и камени лапизъ-лазару, который камень купилъ онъ въ Балхѣ, а больше де того тамо онъ не видалъ. Хлѣба де, скота и лошадей тамо много и недорого. До онаго Бадаксану, ежели ѣхать отъ Астрабада, то ѣзды болѣе мѣсяца не будетъ и мѣста индѣ жилыя, а индѣ и степи. Такожде слышалъ онъ еще, что отъ Бухаръ въ разстояніи дней по двадцати есть вольные городы: Каскаръ, Маргилянъ, Дизанъ, Таскентъ, о которыхъ выше показано къ Сибирской сторонѣ къ Тобольску близъ Черныхъ Калмыкъ, къ которыхъ де родится золото, серебро, мскусъ, тензуй, ревень; а онъ въ тѣхъ городѣхъ не былъ, токмо де слышалъ, что съ тѣхъ городовъ полать сбираютъ токмо Черные Калмыки. А одинъ изъ

нихъ, городъ называемой Каскаръ, владѣнія Черныхъ Калмыковъ, которые подъ Сибирью, токмо они въ томъ городѣ никогда не живутъ, а кочуютъ около въ степяхъ. А въ Бухарской де землѣ, кромѣ всякихъ земныхъ овощей и скота, родится изъ одного небольшаго дерева въ степи изъ червей одна дорогая краска, называемая кремезъ, а по Нѣмецки кушенина, которую въ Россіи покупаютъ фунтъ рублевъ по осьми, и оной де краски тамо зѣло много; токмо де Бухарцы не знаютъ того секрету какъ ее дѣлать, а набираютъ токмо тѣхъ червей и продаютъ множество жидамъ, а жиды тѣхъ червей трутъ и тое краску дѣлаютъ, а потомъ ее мѣшаютъ съ Нѣмецкою. Оною краскою красятъ шелкъ, а въ иныхъ государствахъ красятъ ею сукна и прочіе, которые сукна называютъ кармазинами. Оная степь отъ города Бухара разстояніемъ днихъ въ двухъ къ Караколской сторонѣ, а оной городъ Караколъ Бухарской же; на оной степи пашни и сѣву ничего нѣтъ, для того, что зѣло песчана, а родится только та одна краска. Тамъ же де въ Бухарской землѣ, разстояніемъ отъ Бухаръ въ трехъ дняхъ, есть городъ Карси, около котораго въ поляхъ находятъ всегда лѣтнимъ временемъ манну, на подобіе сахару леденцу, малыми кусками, которое идетъ въ лекарство въ аптеки и оного де тамо зѣло много, такъ что употребляютъ вмѣсто сахару въ конфекты и вмѣсто меду въ яствы кладутъ и пьютъ съ чаемъ; продаютъ оную тамо батманъ алтынъ по десяти Россійской монеты, вѣсу въ томъ батманѣ десять фунтовъ; онымъ городомъ нынѣ владѣютъ бунтовщики Узбеки, а больше де того онъ не вѣдаетъ. Народъ де Бухарской, какъ онъ присмотрѣть могъ, что люди обходительные и многіе изъ нихъ заводны, токмо де въ нынѣшнее время усмотрѣть прямо не возможно, для того, что все оное государство отъ своевольства Узбецкаго въ замѣшаніи и бунтѣ. Ружье де у нихъ обыкновенное Татарское и у нѣкоторыхъ есть ружье жагреное, а у прочихъ токмо копья и луки; пушекъ у нихъ нѣтъ, токмо де въ городѣ Бухарѣ есть пушекъ съ тринадцать Индіанскихъ мѣдныхъ безъ станковъ и безо всего, и стрѣляютъ токмо временемъ, когда празникъ, изъ одной пушки, а прочія такъ лежатъ: ядеръ, бомбъ и мортиръ у нихъ нѣтъ; пороху де у нихъ много и дѣлаютъ сами сколько хотятъ, для того, что матеріалы: селитра и сѣра, родятся у нихъ, а свинецъ получаютъ изъ иныхъ странъ и не дешевою цѣною. Сверхъ того приказывалъ де ему посланникъ Өлорій донесть, что въ бытность его въ Бухарахъ, житель города Таскента изъ Туркистанской орды, именемъ Хаджи-Раимъ, доносилъ на него Өлорія Хану Бухарскому словесно, яко бы онъ Өлорій шпіонъ равно такой, какъ въ Хиву посланъ былъ Бековичъ, а притомъ подалъ Хану письмо въ такой силѣ, яко бы курьеры, которые къ нему Өлорію посылаются, шпіоны и ѣздятъ подъ именемъ купечества и осматриваютъ земли Бухарскія, Хивинскія и Туркистанскія, съ котораго де письма Ханъ Бухарскій далъ ему Өлорію копію на оріентальномъ языкѣ, которую онъ съ нимъ Николаемъ прислалъ сюда. А оной де Хаджа-Раимъ имѣетъ купечество въ Тобольскѣ и на Уфѣ, переѣзжая чрезъ Казац-

кія орды въ Хиву и въ Бухары, у котораго де имѣется въ Астрахани родной своякъ Хаджа, который живетъ на Бухарскомъ дворѣ. Отъ котораго де его Хаджина доношенія всѣ Бухарскіе Узбеки знатные стали быть на него Өлорія зѣло злобны и только де одинъ Ханъ Бухарской къ нему еще по прежнему ласковъ является, отъ чего де онъ Өлорій нынѣ тамо въ великой опасности, и велѣлъ онъ донесть, что можно того Хаджу поймать на Уфѣ, или въ Тобольскѣ, понеже де онъ тамо имѣетъ купечество и называется двумя именами, а именно: Хаджа-Раимъ и Хаджа-Накипъ. И проситъ де онъ Өлорій милосердія Его Императорскаго Величества, чтобъ его оттуда высвободить такимъ образомъ, дабы послать Его Императорскаго Величества грамоту, или предложить чрезъ министра своего Шаху Персидскому, ежели при ономъ имѣется, чтобъ онъ Шахъ далъ указъ свой, дабы его Өлорія отъ границы Бухарской Персидскимъ государствомъ пропускали безъ задержанія и давали бы провожатыхъ отъ нападенія ихъ бунтовщиковъ. А Бухарскою де землею до границы Персидской до города Мавра, который нынѣ подъ владѣніемъ Хана Мешетскаго, можетъ онъ Өлорій испросить у Хана Бухарскаго провожатыхъ, которыхъ де онъ надѣется получить, и что уже онъ въ томъ отъ Хана Бухарскаго и обнадеженъ, и для того болѣе Ханъ Бухарскій его при себѣ и удерживаетъ, представляя ему, что нынѣ Персидскимъ государствомъ, при настоящемъ смятеніи, проѣхать не можетъ. Онъ же де Өлорій проситъ о присылкѣ жалованья на уплату долговъ и чѣмъ бы ему оттуда выѣхать, понеже де онъ занимая тамо у купеческихъ людей Россіянъ, Армянъ и Астраханскихъ Магометанцевъ, такожъ и у тамошнихъ Бухарскихъ жителей, на многое число одолжалъ и выѣхать не можетъ и нельзя, а сколько числомъ онъ долженъ, того онъ не вѣдаетъ, и онъ Өлорій ему не сказалъ; а которое де было ему дано жалованье на проѣздъ и на подарки, то все роздалъ Хану и Ханской матери и женамъ его и двѣнадцати человѣкамъ знатнымъ Узбекамъ, шестнадцати человѣкамъ ясауламъ, да одному Маймандару за неволю, понеже де безстыдно съ великими угрозами просили; сверхъ того, что бывшій въ Россіи посланникъ Бухарскій Ханкулы его Өлорія тамо огласилъ, яко бы съ нимъ посланы отъ Его Императорскаго Величества многіе подарки, а именно: на тридцать тысячъ рублевъ, которыхъ по тому его оглашенію у него Өлорія вымогали, и тако онъ, что ни имѣлъ, то все роздалъ. Такожъ проситъ онъ Өлорій, чтобъ послать отъ господина канцлера листъ о свободномъ его пропускѣ къ Хану Мешедскому Меликъ-Мамуту, который нынѣ оною Мешетью владѣетъ. Онъ же Өлорій велѣлъ ему Николаю Минеру донесть, что явились де ему Өлорію въ Бухарахъ въ прошломъ году купеческіе люди Россійской націи и Армяне Астраханскіе жители и прикащикъ Евреинова и объявили ему Өлорію, что ѣдучи де они въ пути чрезъ Хиву, выпросили для безопасности своей у Хивинскаго Хана подъ Армянскими именами провожатыхъ, за что де у нихъ Хивинскій Ханъ взялъ три тысячи денегъ Хивинскихъ мѣдныхъ, кото-

рые у нихъ ходятъ непостоянно, временемъ за червонной сорокъ денегъ, а временемъ сто и двѣсти, и далъ имъ сорокъ человѣкъ Туркменовъ; и на дорогѣ де отъ Хивы до Бухаръ бывшіе съ нимъ въ купечествѣ жъ Астраханскіе жители Нагайскіе Татары научили Туркменовъ ихъ Россійскихъ кущовъ и Армянъ ограбить. По которому ихъ наученію взяли у нихъ Туркмены товару на шестьсотъ на двадцать на девять червонныхъ Бухарскихъ по тамошней цѣнѣ, что де учинитъ на Россійскія деньги больше трехъ тысячъ рублевъ. И по прибытіи де въ Бухары, по челобитью ихъ ему Өлорію, тѣ Нагайскіе Татары сказались, что будто они не Россійскіе подданные и не Астраханскіе жители, но изъ степи Калмыцкой владѣнія Аюки-Хана; при нихъ же де было много заповѣднаго товару, а именно: сталь, булатъ, фузейные стволы и прочее. И для подлиннаго извѣстія и сыску тѣхъ Нагайцевъ, прислалъ онъ Өлорій съ нимъ Минеромъ роспись именамъ, а именно: Ядияръ, Мулагидай, Шеймеметь, Кочакъ, Мула Магамей, Аивасъ Баки, Дурсунъ-Кочекъ, Исмаилъ, Устачарокъ, Мейбеть, Байбембеть, Чаршамба, Бекмай, Авайкатаръ, Хожа Шекирумъ, Худай Верди, всего шестнадцать человѣкъ.

Nicolo Minier.

XI.

РЕЛЯЦІЯ Ф. БЕНЕВЕНИ, ИЗЪ БУХАРЫ, 16 МАРТА 1725 ГОДА.

Изъ Бухаръ шестаго на десять марта мѣсяца тысяча семьсотъ двадцать пятаго года, по указу Вашего Императорскаго Величества, отправленный ко мнѣ отъ пятаго декабря двадцать третьяго года рескриптъ съ Башкирцомъ Моли-Максудомъ Юнусовымъ, сего марта шестаго вѣрно получилъ, и чрезъ иного Башкирца Мачакбая Пулатова, ибо помянутый Максумъ въ Каракалпакахъ задержанъ, и Каркалпаки, пока отъ двора Вашего Величества на прошеніе ихъ о мирѣ добрые и пріятные отвѣты не получатъ, онаго ни сюда, ни назадъ отпускать не хотѣли, чего ради посланный съ нимъ рескриптъ принужденъ тайнымъ образомъ чрезъ Казаки съ помянутымъ Башкирцомъ товарищемъ его отправить, котораго паки Казаки, не доѣзжая до сего мѣста на дорогѣ ограбили, такъ что безъ рубашки, токмо въ одномъ нарочито худомъ камзолѣ, въ которомъ письма зашиты были, сюда ко мнѣ прибѣжалъ. Въ помянутомъ рескриптѣ Вашего Величества получилъ указъ, чтобъ мнѣ отселѣ ѣхать ко двору Вашему безопаснымъ путемъ, чрезъ которыя мѣста наилучше и безопаснѣе усмотрѣть бу-

ду; противъ чего доношу Вашему Величеству, что Бухарское владѣніе въ крайнемъ обрѣтается разорѣніи; дороги кругомъ всѣ залегли и проѣздъ весьма опасенъ и труденъ; вездѣ разбои и вездѣ бунты. На сихъ дняхъ вѣдомость получена, что прежній Балховскій Ханъ Балхомъ завладѣлъ и убивъ настоящаго Хана, братъ Шахъ-Темиръ Султана Хивинскаго претендента, паки Ханомъ сталъ. Ширгазы-Ханъ изъ Хивы ужъ въ третіи какъ тайкомъ засылаетъ ко мнѣ людей съ письмами, чтобъ я не опасаясь къ нему ѣхалъ въ Хиву; ибо меня оный, яко Вашего Величества посланника хотѣлъ со всякою честію даже до Астрахани препроводить, дабы чрезъ такую услугу желаемый миръ получить; объявляя что князь Бековичъ войною, а не посломъ пріѣзжалъ,—на что Аюку, Калмыцкаго Хана, въ свидѣтели поставляетъ, имѣя за печатью онаго письмо. Я хотя онаго Ширгазы-Хана словамъ и не повѣрилъ, но въ отвѣтъ противность нѣкоторую не показывалъ и всегда учтиво отговаривался такими словами, что я о томъ ко двору Вашего Величества ужъ писалъ и ожидаю указу, безъ котораго ни коимъ образомъ, опасаясь гнѣву Вашего, мнѣ ѣхать не возможно. По отправленіи дупликатовъ моихъ чрезъ цѣлые два года, какіе я при семъ варварскомъ и непостоянномъ дворѣ смертельныя страсти претерпѣлъ, при семъ описать невозможно, и сколько ни труждался объ отпускѣ моемъ, ни которую на то резолюцію получить не могъ; токмо обманами и разными претекстами меня удерживали и проводили съ обнадеженіемъ, что честно отправить хотѣли, ежели бъ Шахъ Темиръ-Султанъ въ Хивѣ Ханомъ постановленъ былъ; а то не сбылось, ибо помянутый Султанъ дважди ужъ съ Аральцами и съ Каракалпаками вмѣстѣ подъ Хиву подъѣзжалъ и проигралъ, такъ, что уходомъ едва жизнь свою спасъ въ Аралахъ, гдѣ чаю ему и скончиться будетъ, понеже Ширгазы-Хана партія нынѣ посильнѣе стала и весьма труждается, чтобъ онаго Султана потерять поскорѣе, имѣя въ намѣреніи противъ сего Хана подыматься. Прошлаго году августа 24, послѣ когда все что имѣлъ роздалъ на посулки здѣшнимъ министрамъ, а все когда непрестаннымъ прошеніемъ весьма не доскучилъ, чтобъ меня отселѣ отправили, получилъ отъ Хана конжетъ-авдіенцію, при которой грамота мнѣ вручена и отпущенъ токмо на словахъ; ибо Ханъ хотя и приказалъ было тогда о мнѣ министрамъ своимъ, чтобъ меня во всемъ удоволили и скоро отправили, опредѣляя мнѣ конвой, который бы въ добромъ здравіи препроводилъ меня даже до Персидской границы; и оные министры ни мнѣ удовольства никотораго не учинили, ниже скоро отправили, и болѣе двухъ мѣсяцовъ продержали. Притомъ вѣдомость получена, что Реджень-Ханъ вновь поднялся изъ Самарканду и ѣдетъ сюда городъ атаковать, что весьма сбылось бы ежели бы неслучилось ему несчастіе; ибо не доѣзжая до сего мѣста, нѣкоторые при немъ Озбеки измѣнили и прошли въ сторону, то онъ Ханъ съ такой причины назадъ ретировался; а то сей городъ готовъ былъ сдаться и такъ оробѣлъ было. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Народъ здѣшній жилъ въ непрестанномъ страху дней съ двадцать. Ханъ самъ въ намѣреніи былъ изъ города бѣжать и переправиться чрезъ Аму-рѣку къ Чарджову городку пограничному; а потомъ какъ непріятель отошелъ, прежестокая зима и великіе дожди явились, чего ради, хотябъ и отпускали, тогда ѣхать не возможно было и принужденъ ждать до самаго февраля мѣсяца, въ который едва кое-какъ отдѣлался отъ сего варварскаго двора; а именно 16 помянутаго февраля прошедшаго, взявши конжедъ отъ нѣкоторыхъ министровъ, на которыхъ дружбу долѣе надѣялся (тѣ меня и погубить хотѣли), поѣхалъ совсѣмъ въ дорогу, съ намѣреніемъ, чтобъ не захватая Мавровъ (ибо и тамъ непрестанныя суть драки между Татарами и Кизылбашами, и городъ безъ Хана въ самовольствѣ), а иною дорогою степью на Мечеть ѣхать, чего ради намѣренъ былъ нарочнаго проводника взять, о чемъ тогда пріобщилъ и оные за благо и удобно разсудили, чтобъ я тою дорогою ѣхалъ, а межь тѣмъ выслали напередъ вѣдомости Туркменамъ прочимъ, чтобъ меня на такомъ трактѣ ожидали. Окромѣ того, отъ тѣхъ же Туркменцовъ особливые при нашемъ каравапѣ шпіоны были и когда мы пріѣхали подъ Чикчи, городокъ въ десяти верстахъ въ разстояніи отъ Аму-рѣки отъ перевозу, оные шпіоны впередъ уѣхали ко Туркменамъ вѣдомость объ насъ подати; и то учинилось предъ полудни. Тутъ же по нашемъ счастіемъ дождь насъ задержалъ, а на другой день по утру получилъ я вѣдомость, что Туркмены по ту сторону рѣки насъ ожидаютъ, а на сей сторонѣ двѣсти также въ готовности были за нами къ перевозу поспѣть и удариться хотѣли на насъ тогда, когда бы мы перевозилися черезъ рѣку и половина бы людей нашихъ на томъ берегѣ была, а половина на семъ берегу, чтобъ имъ полегче было насъ съ обѣихъ сторонъ разобрать. Что услышавъ, я разсудилъ за благо поскорѣе назадъ возвратиться, дабы и на томъ мѣстѣ на насъ не ударились, что весьма могло статься для того, что тутошніе Чикчинскіе жители съ Туркменами за одно были. Также вѣдомостъ подалъ было мнѣ одинъ другъ мой, что не токмо изъ Чарджова, но и отселѣ изъ города Ханскіе Калмыки съ Озбеками вмѣстѣ, человѣкъ съ двѣсти, за нами погнались было, чтобъ также насъ атаковать; Богъ однакожъ явилъ свою милость и отъ каждаго худаго ранконтру уберегъ, и мы сюда возвратились марта 2-го; а по возвращеніи на третій день несчастливая моя ѣзда въ счастливое обратилось возвращеніе, ибо чрезъ помянутаго Башкирца сподобился Императорскій указъ получить. Подалъ я на письмѣ сему Хану доношеніе обо всемъ, какъ ѣхалъ и для чего возвратился назадъ; и никакого отвѣту не получилъ, для того, что самому стыдно. Нѣкоторые добрые министры похвалили, что я возвратился назадъ и себя отъ бѣды спасъ; а другіе, которые смерть мою ищутъ, не постыдились сказать, будто я напрасно на Туркменовъ и на иныхъ доносилъ; они же подали вѣдомость Туркменамъ и своихъ собственныхъ людей на

грабежъ выслали было. Нынѣ, какъ я признаваю заподлинно, съ подозрѣнія имъ внушеннаго отъ новыхъ недрузей, ужъ давно какъ зачали яму про меня копать и хотѣли было меня погубить чужими руками, а не своими, опасаясь, дабы рукъ не обморать, какъ и Хивинцы. Чего ради я внѣ ума моего обрѣтаюсь, не знаю что дѣлать, какъ бы отъ сего варварства освободиться; вездѣ страхъ, вездѣ смерть признаваю; на Мечеть ѣхать намѣреніе имѣлъ, но и тамъ не безъ опасности; а се никоимъ образомъ ѣхать невозможно.

Доношу Вашему Величеству, что понеже и здѣсь, и на дорогѣ страхъ великъ, опредѣлилъ на Хиву ѣхать на послѣдкѣ.

Вашего Императорскаго Величества

нижайшій рабъ

Өлори Беневени.

Постскриптумъ. 16-го марта означенную реляцію при возвращающихся Казакахъ къ своему юрту отселѣ, съ помянутымъ Башкирцемъ паки назадъ получилъ, ибо помянутые Казаки отъ сего двора назадъ возвращены были. Чего ради при семъ Вашему Императорскому Величеству принужденъ со слезами паки донесть заподлинно, что на сихъ дняхъ думъ былъ при семъ дворѣ о мнѣ, а именно, чтобъ меня потерять и ограбить, а людей всѣхъ въ полонъ взять, и одинъ придворный Ханскій ближній министръ токмо за меня храбро постоялъ и такую варварскую мысль отговорилъ и уничтожилъ на время, предлагая Хану, со всякою меня, яко гостя, честію отправить и препроводить до Персидской границы, а не допускать меня въ обиду, а именно: не нажилъ бы имя, какъ и Ширгазы-Ханъ со всею Хивою и прочая. А что впередъ будетъ, Богъ одинъ вѣсть; и для того принужденъ въ скорыхъ числахъ на Хиву ѣхать, хотя и съ опасеніемъ, при крайнемъ отчаяніи моемъ или смерть или животъ добуду, авось либо чрезъ трудъ и стараніе мое посчастливится, что Ханъ меня въ добромъ здравіи и пропуститъ и скоро; токмо бы Императорскаго Величества Вашего милость надо мною была съ сожалѣнія одного о моемъ мизерномъ состояніи. Принужденъ тайнымъ образомъ отселѣ выѣхать. Сего году или кампаніи сему Хану все конечно конецъ сбудется, ибо къ тому многіе уже суть признаки. 24 марта противъ реляціи.

Өлорій Беневени.

XII.

ДНЕВНИКЪ ПРЕБЫВАНІЯ Ф. БЕНЕВЕНИ ВЪ ХИВѢ.

BREVE GIORNALE DELL' ANNO CORENTE 1725 DAL MESE DI FEURARO; DELLA MIA PARTENZA DA BUHARA PER MESCET, DEL MIO RITORNO DAL FIUMA AMU E QUESTO CAUSATO DALLI TURCHMENI CHE M'HAUEUANO INSIDIATO, DELLA MIA FUGENDA D-TA BUHARIA, COME ANCO DEL MIO ARIUO E PASAGGIO PER HIJUA E DELLA MISS-NE DELL' AMB-R HIJUESE ALLA CORTE DI SUA M-TA IMP-LE E MIO ARIUO SECO LUI IN ASTRAHAN.

Del 1718 per ordine della beata e d'eterna memoria degna di Sua M-ta Imp-le sono stato spedito per Inuiato al Han di Buharia,

Del 1721 suli p-mi di 9-bre sono ariuato nella capitale d-ta Buhara, e questo per la Persia, conforme nel giornale del mio uiaggio, sara chiaramente e distinctam-te anotato.

Nella detta capitale di Buharia sono stato necessitato dimorare in sino mai alli 1725 per fine li 15 Feuraro et in quella mia colla' dimora il Han di Hijua, d-to Scirgasi, quel med-mo ch'e' stato in tempo del Principe Bechouich, s'haueua preso l'assunto di scriuermi in diuerse uolte, e questo secretamente, e per mezzo delli propry subditi, e per mezzo delli mercanti Buharesi, e di farmi parlar pure á bocca per inuitarmi, et indurmi acio io uenissi à passar per Hiua e sue terre. Io pero di tutte sue scrittemi lettere non ho riceuto altro che due sole lettere, una nell' anno 1723 e l'altra nell' anno 1724, con le quali m'inuitaua scriuendomi che con tutti li mercanti russi uenissi in Hijua e che non dubitassi di nulla perche m'aurebbe dato libbero il passo, acompagnato d'ogni honore et asistenza in sino alli confini russi, senza danno di sorte et altro (conforme si uedera nel giornale nella traduz-ne delle dette lettere).

Jo non ho uolsuto mai prestar fede alle false promesse ed inuiti traditori del Han Scirgasi, che percio' con bella forma mi scusauo sempre, ch' io non puoteuo intraprender un tal uiaggio per due mottiui:

Uno perche non haueuo tali espressi ord-ne dalla Corte di Sua M-ta, altro perche temeuo del Han di Buharia, ateso che si dichiaraua publicamente suo nemico e non mi permeteua di passar per Hijua; per altro io, come amator di gloria, quale senza dubio dissi m'haurei guadagnato ogni qual uolta mi sortiua di pacifficar con Sua M-ta al d-to Scirgasi Han, fingendo ch' io a tall' oggetto haueuo spedito un mio coriere a Sua M-ta e che da giorno in giorno atendeuo una fauoreuole riposta e con cio l'honore di uenirlo à truouar in Hijua.

Di più ho fatto intender al Han Scirgasi ch' io ritrouauo assai mal contento del Han di Buharia e delli suoi ministri e' che affatto ero in-

tenzionato di far qualche rissoluzione contra ogni lor consenso, ma ch' atendeuo il tempo a proposito.

Dal 1724 nel mese di 7-bre il Fauorito del Han Scirgasi d-to Dostum Bai, informato dalli mercanti Armeni, ò dalli proprij Hijuesi ò pure dalli mercanti Buharesi, qualmente io, doppo tante mie instanze, haueuo riceuto finalmente l'udienza et il congedo dal Han di Buharia, e che ero affatto intenzionato di partir per Mescet, mi manda à dir in due uolte, da un mercante Buharese e quasi con minaccie, che se io partiuo per Mescet, e non per Hijua, mi sarei pentito assai, e che tutti li miei disegni sarebbero usciti a uento etc. — e che percio non dubbitassi di nulla, e con buon cuore mi risoluessi di uenir in Hijua à ritrouar il Han suo Padrone, che m'atendeua con impazienza.

Capito che hebbi io le parole del d-to Dostum Bai (cio è che lui haurebbe spedito li Turchmeni nel deserto su la strada di Mescet o di Maura, per sorprendermi e farmi schiauo si come haueua fatto quando io dell' anno, 1721 ueniuo in Buharia; ma il disegno l'era quella uolta uscito à uento perche li Turchmeni o non hanno ardito d'attacarmi o per mia buon hora non m'hanno riscontrato), alli p-mi di Nouembre ho spedito uno delli miei Tartari con lettere et al Han Scirgasi et al suo Fauorito Dostum Bai, e queste lettere faccio scriuer da un molla tutto confidente del Han Scirgasi e che seruiua alla sorella del Han, e questo habittaua in Buharia nel uicinato del mio quartiere, anzi per mezzo di qualche piccolo regalo insinuatomi nella sua grazia, haueuo fatto con una sua lettera al fratello ancor acompagnar la mia, facendoli intender che la barbarie di Buharia (si come à ella med-ma: era noto à bastanza) come pure la brama di ueder il suo fratello Han Scirgasi e l'honor di seruirlo, benche non hauessi per anco riceuto ordine alcuno dalla nostra Corte per l'intrapresa d'un tal uiaggio mi necessitaua di partir per Hijua, ma con tutta secretezza, ch'altrimente ero perso, etc.

Il contenuto della mia lettera scritta al Han Scirgasi, come anco al Dostum Bai suo Fauorito, era in parte nella seguente forma:

Hauendo io sempre couato in me grande brama di ueder la di lei felice presenza e d'impiegar le mie debbolezze in seruirla, e questo mia brama fauorita dalli di lei replicati inuiti, ancor che io per hor non habbia riceuto dalla nostra Imp-le Corte ordine alcuno sopra il mio ritorno; al presente pero come mal sodisfatto da questo Han e suoi ministri, ardisco di far una precipitosa rissoluzione d'intraprender il mio uiaggio, e benche la Persia, cio è Maura e Mescet m'offrano la strada aperta; con tutto cio non la uoglio abracciar, ma assolutamente ho deliberato di uenir in Hijua. Ma perche in questo particolare, a riguardo ch'il Han di Buharia d'un pezzo s'e dichiaro suo nemico fa d'uopo usar tutta la secretezza, ho finto d'intraprender la strada di Mescet et andarmene a dirittura uerso il fiume Amu, doue giunto che sarò sul traghetto m'imbarcaro sopra le barche Hijuesi e uenirò sicuramente in Asaris (una picola città Hijuese), che perciò con la presente ui do parte acio si compiacia di giudicar sopra questa mia rissoluzione et ordinar

acio d'Asaris o d'altre parti mi sian spedite dele barche suficienti per la mia suitta, come anco in luoghi pericolosi il conuoglio, come le parera piu à proposito. Atendo la risposta etc.

Questo passo io ho fatto, à fin che se il Han Scirgasi hauesse hauto l'intenzione ferma di mandar li Turchmeni per sorprendermi nell' intenzionata strada di Mescet, in uirtù poi della mia littera non lo facesse, credendo ch'io sarei uenuto in Hijua.

Dall' altra parte ho fatto à posta, e spedito il mio homo per spiar il paese, e l'intenzioni del Han Scirgasi, come pure per indagar li progressi del pretendente Sciah Temir Sultan, che quella uolta si ritronaua in Aral, minaciando per la terza uolta l'assedio di Hijua.

Il mio spedito messo in uenti giorni è andato, e ritornato da Hijua, e m'ha apostato le risposte, e dal Han, e dal suo fauorito Dostum Bai, e s'e che m'atendeuano con ansieta, dandomi il coraggio, che non dubitassi di nulla, e che ogni qual uolta ueniua ad intender la mia partenza m'haurebbe mandato all' incontro il conuoglio, etc.

Il d-to mio messo à bocca poi m'haueua rifferto d'hauer parlato, e con il Han, e con il Dostum Bai tutto con dolcezza, e blandimenti affermandoli ambèdue, che se io ueniuo, ero ben uenuto e ben riceuto come forestiere amico, non come nemico, come é stato il Prencipe Bechouicz, et non tardassi di piu in Buharia apresso un cosi catiuo Han, che non ha saputo farmi honore e ricompensarmi, come meritauo per tanti regali da me presentatili, et altro, etc.

Il mio messo fece quella uolta intender al fauorito Dostum Bai, che lui era uenuto da Buharia per aqua, e que secondo il mio ordine doueua subbito ritornarsena per terra con la risposta, e che perciò pregaua per un cauallo, e per la recomandatione nella carauana in sino à Buhara.

Il fauorito ha risposto al mio messo, ch' in quanto alla racomandazione nella carauana, gli l'hauerebbe data, ma che non aueua cauallo per darli la uettura, e che perciòsi prouedesse con il proprio denaro come meglio puoteua; anzi all' incontro il fauorito alla prima uisia haueua domandato il mio messo, se haueua portato da parte mia qual che regali per il Han Scirgasi, e per lui med-mo ancora etc.

In somma il mio messo, per quanto s'è trouato in Hijua, non ha hauto trattamento alcuno, cioé ne quartière, ne alimento ne il cauallo per ritornarsene, et é stato costretto di comprarselo con proprio denaro.

Questa inciuiltà del Han, o sia del suo feuorito, m'ha fatto diffidar maggiorm-te anzi affatto del loro buon e sincero cuore e che non cercauano altro che d'inganarmi et attirarmi in Hijua per spogliarmi, e nel med-mo tempo aprofitarsi della beneuolenza Osbecha; e questo mia opinione é stata conffermata da qualche mio amico da Hijua, motiuatomi ch' io douessi pensarui bene sopra una tal rissoluzione, e che non mi douessi fidar troppo nelle promesse traditori del Han, in particolare del suo fauorito, (presuposto ch' io sicuramente ueniuo quella uolta in Hijua).

Doppo hauer io riceuto le soprad-te risposte da Hijua, benche non per anco licenziato dal Han di Buhara, perche m'era stata fatta la promessa del med-mo per qualche miserabbile ricompensa per il mio uialtico, quale nemeno haurei ateso molto, se non costretto da qualche degno riguardo, come sarebbe per maggiormente acreditarmi apresso il Han e li suoi ministri, e farli affatto creder, che partiuo contento perche il grande Eunuco del Han, ch'è il p-mo ministro souente mi s'haueua espresso escusato assieme, dicendomi, che perdonassi al piccol trattamento, poichè il paese si ritrouaua in grande disordine e continui disturbi, e che il Han era necessitato di dar la propria camisa alli Osbechi perche li siano fedeli, e lo diffendino dal nemico, etc. Incominciai à mettermi in ordine per partir alla uolta di Mescet, e questo per il deserto senza toccar la citta di Maura, ne alcun altra citta, non come ho fatto nel uenir in Buharia.

Alli 10 di Feuraro, licenziato affatto dal Han di Buharia, e col consenso di tutti le suoi ministri, sono partito alla uolta di Mescet in numere quasi di 200 huomini, fra schiaui Russi e mercanti del paese, e nel terzo giorno doppo la mia partenza giunssero corieri spediti dalla citta di Buhara, dalli corispondenti delli mercanti, con gl' ordini che douessere ritornarsene in dietro et abandonarme, perche l'auisuan che li Turchmeni, in numero di 700 huomini, m'atendeuano in strada dall' altra parte del fiume Amu, per sorprendermi e massacrarmi. Li mercanti adunque riceuti tali ordini et auisi, che percio fatta una precipitosa rissoluzione di ritornarsene, uennero da me per comunicarmelo e mostrarmi, quello l'era stato scritto dalla città; io però in cosi fatto incontro ho procurato di dissuaderli dal ritorno, incoragendoli al proseguimento del uiaggio, e prometendoli ogni asistenza, purchè ancor loro in ogni cimento non tralasciassero di far la parte del proprio debbito, che li Russi non haurebbero sparegnato l'ultima goccia del loro sangue per la difesa. A questo miò parlar la maggior parte delli mercanti del paese fù aquietata e la rimanente intimorita, et ostinata sene ritornò alla Città.

Io poi partito da quel luogo in quatro giorni, mi sono reso nelle uicinanze dell'Amu fiume, e per mia buon hora in distanza di tre miglia mi sono fermato per infformarmi prima del traghetto, e quante barche si ritrouauan per passar il fiume e trouai che u'eran due barche, et una sola che puoteua seruirmi in tempo freddo, che non puoteua far passar à note li cameli, perchè moriua la maggior parte.

In fra questo, ch' io m'ero fermato, uien nuouamente spedito dalla citta di Buhara alli sopranomati mercanti coriere sopra coriere, ch' in tutte le forme ritornassere in dietro, auisandoli che seicento Turchmeni da quell' altra parte del fiume Amu, e da questo parte trecento stauan pronti per sorprendermi al hor quando io fossi traghettato alla metà della mia gente, e le forze hauessi disunite d'ambe le parti. La onde li mercanti senza punto badar alle mie persuasioni, deliberaron in un momento di ritornarsene.

Con tutto questo non curandomi io del loro rittorno ne tampuoco

di quelli auisi, uolsi persister nella mia opinione, e portarmi al traghetto, e nissuna cosa non m'haueua tanto intimorito, quanto la mancanza delle barche per il passaggio all' altra parte.

Mentre io tittnbauo nell' ultima mia disperata rissoluzione, un mercante Turchmeno, che ueniua meco in Mescet con la mercanzia, anzi uno della med-mo tribù di quelli Turchmeni che m'atendeuano per sorprendermi, uenne conffidarmi et assicurarmi della uerità, che ueramente li d-ti Turchmeni m'atendeuano per assalirmi sul traghetto del fiume (conforme di ciò era lui stato auisato da un suo fratello), e che perciò mi consigliaua di ritormarmene senza altro in Buharia: e che non azardassi contro tanta gente nemica.

Certi mercanti Hivesi, fra quali u'era due russi mercanti, mi consigliaron d'andar à dirrittura in Hijua, per terra da questa parte del fiume; iò pero per tre degni riguardi non ho uolsuto a consentir al loro consiglio:

Il primo motiuo è stato, perche in tutto il lempo ch'io ho dimorato in Buhara, non haueuo riceuto ordine alcuna dalla Corte du Sua M-ta Imp-le sopra il concernente della strada;

L'altro motiuo è stato, non ho potuto mai fidarmi delle promesse del Han di Hijua; —

Et il terzo sié, perche ueniuo auisato dal sopranomato Turchmeno, che piu di 150 Osbechi eran sortiti dalla med-ma città di Buhara per inseguitarmi (conforme di poi s'è reso palese) et uniti con li Turchmeni, attarcarmi da questa parte del fiume; di modo che se anco hauessi uolsuto intraprender la strada di Hijua, sarei stato sempre dalli med-mi inseguitato, e per ragion da tutti li Buharesi, tanto più che la maggior parte delli ministri del Han di Buharia giamai non ha amato ch'io partissi per Hijua, anzi sempre mi ha disuaso da quel uiaggio, dicendomi, ch' il Han di Hijua d-to Scirgasi é un traditore, che non mantiene le promesse nè tampoco il giuramento fatto sopra il *curan*, non osserua, conforme fù esperimentato, al hor, quando a buona fede e con nodo di giuramento accolse al Prencipe Bechouich amb-re e pollo fece perder.

La onde io per timore, ch' il nemico mal intenzionato non ueniste ad attaccarmi anco in quel luogo, doue mi ritruonauo fra li sabioni, sono stato costretto di far una cellere deliberazione con buon ordine e ben guardingo di ritornarmene in dietro, conforme ho fatto felicemente e senza alcun sinistro incontro.

Sei giorni intieri ho marciato in dietro, et ariuato in distanza di uenti miglia dalla citta di Buhara, ho spedito messi al Han e suoi ministri coll' auiso dell' incontrato caso sul fiume *Amu*, e che perciò, non uolendo azardar in un luogo cosi debbole col nemico, ero necessitato di ritornarmene in Buhara, con grande mio dispiacere; e che perciò pregauo un altra uolta per il quartiere.

Li ministri del Han non solamente non hanno saputo cosa rispondер alli soprad-ti miei messi, ma ne meno, hanno compassionato le mie disauenture, solamente m'hanno fatto intender, che li quartieri

in citta eran impediti, ma che m'aprossimassi alla med-ma, e pro tempore mi fermassi nel' foborgo in un asegnatomi dirocato quartiere.

Ariuato io nel d-to quartiere fuori delle muraglie della città, ho licenziato tutti li mercanti, quali se n'entrarono nella città nelli loro carauanseragli, rimanendo in quel luogo con la sola suitta, et alquanti schiaui russi liberati.

Nel quarto giorno del mio ritorno, e nelli maggiori miei dolori, et ultime mie disperazioni, sono stato raconsolato con gl' ordini della nostra Corte Imp-le speditimi con tal Baschirez d-to Molla Maksud, e quelli non ho riceuto per mani proprie, ma per mezzo d'un altro huomo da lui spedito, perche lui é stato dalli Carracalpachi arestato di lá dal fiume *Sijr* d-to; anzi quell' istesso huomo é stato pure assasinato per strada uicino à Samakand città di Buharia, dalli Casachi partegiani di Regeb Han, tanto che ha hauto per grande fortuna di saluar la propria uita e le lettere in un straccio di camisola cuscite, il resto tutto nudo.

Il sucinto degl' ordini Imp-li era questi, ch' io douessi intraprender il uiaggio e ritornarmene per quella strada, che truouauo piu à proposito e fuori di pericoli; ma io per quanto hauessi procurato, ne m'era nè permesso per ritornarmene, ne ritruouar puoteuo strada alcuna, che fosse senza pericolo, perche tutto all' intorno di Buharia non si sentiua altro, che guerre e disunioni grandissime.

Ho uolsuto intraprender la strada dell' Indie meridionali, cioè il Moggol, e questo per uia d'Irat e Candehar, con l'ocasione q'un fù amb-re in tempo mio apresso il Sciah di Persia, rispedito nuouamente dal Han di Buharia al Grande-Moggol per amb-re e per esser stato mio amico, e mal contento del Han, m'haueua inuitato di partir in sua compagnia. E questo amb-re per amicizia che mi proffessaua in due incontri fedelm-te m'haueua seruito, anzi dalla morte liberato. Io però non ho potuto intraprender per due cause la strada per l'Indie: perche per esser stata grande e lontana, non haueuo spese per farla, e questo è la principale; secondariamente perche dubbitauo del passo non hauendo la lettera di Sua M-ta con cui mi puotessi mostrar alla corte del Grande Moggol.

Del 1723 sono stato intenzionato di fugirmene nascostamente, perche apertamente non l'hauerrei potuto far dal Hontaigi Han delli negri Calmuchi, ch' al hora si ritrouaua per 10 giornate lontano da Buhara, nella città d-ta Zarechend dall' altra parte del' fiume *Sijr* cioè dalla parte di Sibiria all' Oriente. E questo uoleuo far con l'ocasione d'un amb-re di d-to Hontaigi, che se n'era fugito da Buhara per paura di non esser ammazato dal Han, quale nemeno li ha uolsuto dar l'udienza, anzi gl' aueua tramato la morte, come sdegnato per la comissione, che il d-to amb-re haueua.

La comissione dell' amb-re dalla parte del nomato Hontaigi, era d'offrir al Han di Buharia l'alianza Calmucha contra qual si sia suo nemico, in particolare contro il nuouo creato Han dalli rebbelli in Samarcand d-to Regeb Han; ma che il Han di Buharia li facesse tribbu-

taria la città di Sammarcand con le sue adiacenze, come heredittarie di Hontaigi, chiamandosi q-ti oriundo dalla stirpe del Grande Tamerlano. E se il Han di Buharia non si contentaua di cio, ne uoleua far la cessione di Sammarcand, e farlo tribbuttario al Hontaigi, l'amb-re haueua l'ord-ne di dirli, che il suo Pad-ne sarebbe uenuto à prenderlo con la spada, tanto piu che con quella ocasione haurebbe truouato anco li suoi nemici, che son li Casachi ricouerati in quelle parti di Samarcando, o altroue per timor della sua spada.

Il d-to amb-re di Hontaigi (perche per mezzo d'altri corispondeua meco, anzi si uoleua meco ueder, mai io non ho uolsuto, perche temeuo di non esser scoperto) m'haueua confidató, qualm-te il suo Padrone, cioè il Han dei Negri Calmuchi, pregiaua molto di coltiuar una sincera ámicizia et alianza con Sua M-ta Imp-le tutto che la med-ma si compiacesse di darli (per una renomata solam-te) il braccio contro li di lui capitali nemici, come sarebbe Indiani e Casachi, e che à questo oggetto il Hontaigi haueua spedito amb-ri à Sua M-ta et atendeua le risposte.

Di piu ch' il Hontaigi era intenzionato doppo preso la città di Hogiand col suo territorio, uenir a prender Samarcand, e se il Han ueniua ad opporsi, non haurebbe perdonato ne meno à Buhara, e doppo ch' haurebbe massacrato o scaciato il Han con gl'Osbechi, rendeua il paese nell' antico gouerno facendolo gouernar dalli Giagatai, come é stato in tempo del Grande Tamerlano.

Onde il d-to amb-re, in uirtu di quanto m'haueua confidato, et inteso ch' io non ero congedato per alhora dal Han, e che non u' era strada per ritornarmene in dietro, m'haueua pregato, che seco lui fugissi in Taschend, prometendomi ch' il suo Han m'haurebhe con sommo piacere acolto, e rispedito con honore grande, acompagnato d'un suo amb-re e conuoglio in sino a Mosca; ma io non ho uolsuto azardarmi, uno perche non puoteuo prender tutta la mia gente meco, e cosi euidentem-te ueuiua à perdersi, l'altro-perche temeuo di non esser scoperto o preso per strada con puoca gente; nulla di meno ho uolsuto scusarmi coll' amb-re, che non puoteuo partir, o fugirmene con lui, perche non ero congedato dal Han di Buharia, e poi ch'haueuo molta gente apresso di me, e non puoteuo abandonarla e prouedermi in un momento della uettura, che era impossibbille etc. etc.

Conforme ho di sopra anotato, formalo ch' io m'hebbi nell assegnatomi quartiere nel soborgo della capitale, oltre che quel ritorno m'haueua sensibbilmente mortificato, in quel luogo pure non mi ritrouauo sicuro, come adogni momento dalli conoscenti auisato, che li Turchmeni, non haueuan quitato per anco d'insidiarmi, che percio intenzione haueuan di sorprendermi, et assassinarmi nell' istesso sobborgo. Finalm-te nel sesto giorno il sopranomato amb-re spedito al Gran Mogol, mi manda auisar da buon amico, che sarrei stato in quella med-ma notte dalli Turchmeni et Osbechi insolenti sorpreso, e che perciò senza punto indugiar entrassi nella città, e senza cercar il quartiere dal Han, mene

andassi ad allogiar nel Carauanseraglio delli mercanti, in sin à tanto che si uedesse, come andauan le cose, là onde io (come auisato d'un esperimentato amico) ho fatto in quella sera med-ma un precipitoso ingresso nella citta, hauendo preso il quartiere da mia posta nel d-to Carauanseraglio, in cui addotto affatto nell' estremé disperazioni, non sapeuo cosa piu farmi, ne o qual partito opigliarmi, tanto più che uedeuo, che don solom-te il Han, ma tutti li ministri, e quelli pure m'eran amici, non faceuan conto alcuno del mio deplorabbil stato, senza puoter ottener rissoluzione alcuna à tante mie rapresentazioni e preghiere quotidiane, che lor mi truouasser qualche modo di sortir, e mi dasser un fidato conuoglio per in sin al confine, e non haueuo altro in risposta ch' un «pensaremo» e «uederemo», senza considerar in che forma io con tanti huomini, caualli, e cameli puoteuo sostendarmi d'avantaggio.

Finalm-te, doppo scorso un mese di tempo, il grande Eunuco del Han mi fa intender, ch' il Han haueua deliberato e dato ord-ne, che l'Arap Hoggia, un capo delli Turchmeni d-ti Zechie e Gemut, o sia si (se non quello) il Echim Imbrahor del Han, pure che comanda ad un altra legione delli Turchmeni (conforme si discorrerà di qu-ti nel mio giornale) douesse conuogliarmi: cioè á dir il Han mi daua per conuoglio quelli med-mi ladri et assassini, che di già eran intenzionati di sorprendermi et asassinarmi per la prima uolta.

Uengo doppo di questo replicatam-te auisato da buona parte, che li sopranomati capi delli Turchmeni, seddotti d'altri insolente Osbechi, haueuan di già rapresentato al Han, ch' io ero un spione, e ch' indagauo doue ni fossero le miniere d'oro et altri metalli, e che perciò non era conueniente di lasciarmi partir uiuo; perche non puotessi far il raporto à Sua M-ta di quanto haueua uisto e sentito in Buharia, ma perdermi e far schiaua tutta la mia gente: lodando in ciò la condotta del Han Scirgasi, per quello haueuo operato nella persona dell' aub-re il Prencipe Bechouich, ch' era uenuto per scauar l'oro dalle miniere et impadronirsi del paese, e Hijuese, e Buharese.

Il Han, come un giouine di puoca condotta et instabbile, hebbe quasi acudito à tali loro inique proposizioni, e quasi in procinto di darli ampla libertà di perdermi; ma il grande suo Eunuco, che d'apresso li staua, ha saputo in bella forma rapresentar al Han, che non era decente di far una simile azione, perche si guadagnaua quel nome che s'ha guadagnato il Han di Hijua per la nefanda azione, usata nella persona d'un am-bre di Sua M-ta Imp-le, quale sarà impossibbile, che si scordi dell' affronto, e che non uoglia uendicarsi una uolta alla fine, e se la uendetta perhor non si uede (diceua lui) non per questo è perdonato il pecato, e quanto più tardi altre tanto più rigorosa sarà la uendetta.

Di più il d-to Eunuco rapresentò al Han in questa forma, cioè, se si deue per qualche degno riguardo o sospetto perder l'amb-re, si deue perder in forma tale, che non resti machiata la nostra mano, e non nella città, ma fuori non solamente della med-ma, ma anco del

territorio Buharese, che cosi sempre sarebbe data la colpa alli ladri, e noi, benche complici, saressimo illesi d'ogni machia o cattiuo nome.

Il Han, udito che hebbe questi belli sentimenti del suo Eunuco, mutò subbito dell' opinione, et in mio fauor rispose alli sopraacenati capi delli Turchmeni, che nella capitale sua fossi ileso d'ogni male e poi, quando fossi partito et uscito dal territorio di Buharia o suo dominio, facessero di me quello li pareuo e piaceua, etc.

Riceuto ch' io hebbi dall' Eunuco l'auiso dell' ord-ne del Han per il mio conuoglio, e nel med-mo tempo auisato di cosi barbara intenzione loro, ho finto d'esser più che contento d'un si nobbil conuoglio, ma che non mi truouauo in stato di partir un altra uolta, se non doppo passato un mese, o due, e che haueuo intenzione di partir legiermente con soli cauali e uender li cameli per puotermi sostentar pro tempore, et intanto (ho fatto intender al d-to Eunuco) haurei forsi riceuto per mia direzione auisi più certi di Mescet et d'altri luoghi, per li quali mi conueniua far il uiaggio·

Ho uenduto tutti li miei cameli, che n'haueuo quella uolta diecisetto, lasciando soli quatro calmuchi cameli di buon passo per la portatura d'aque, come intenzionato alla disperata di sottrarmi dalla morte con la fuga, e questo per Hijua (conforme ho rapresentato nella mia relazione, spedita alla Corte di Sua M-ta con quell' istesso huomo, con cui io haueuo riceuto dalla med-ma gl' ord-ni, qual huomo temo che non sia preso per non esser in sin à questa hora comparso) con la speranza sola d'inganar in qualche forma al Han Scirgasi che mi dasse un passo libbero, o dal med-mo esser inganato, e perdermi affatto; ma il piu che mi faceua sperar buon essito del mio inganno s'era che in quel tempo il Scirgasi Han temeua assai dal pretendente Sciah Temir Sultan, che quella uolta si ritrouaua in Aral; e m'imaginauo che con la mia uenuta in Hijua il d-to Han Scirgasi s'aquistaua qualche piccol concetto apresso li mal-contenti Osbechi, che giornalmente li rinffaciano il tradimento fatto al Prencipe Bechouich.

Alli 8 del scorso Ap-le, con la scorta d'un Tarttaro che tengo à posta apresso di me, all' improuiso, senza a farlo intender ad alcuno (per tema di non esser scuoperto) fuor ch'à un mercante russo nell' ultimo giorno, perche li haueuo racomandato il mio bagaglio da spedirsi per aqua, hauendo p-ma spedito secretam-te li quatro cameli, quali mi doueuan atender fuori del territorio, à mezza notte in compagnia di uenti sette huomini partij da Buhara, correndo à briglia sciolta in sino mai che sono sortito fuori dell' abitazioni e uillaggi in deserto, doue mi sono trouato al far del giorno, hauendo colla ritrouato al aqua il mio condotiere con li d-ti quatro cameli, quali caricati di quell' aqua, e fatto abeuerar li miei caualli, m'ingolfai alla prouidenza di Dio in quel deserto tutto per il sabione con un caldo intollerabbile e senza aqua.

Il terzo giorno à mala pena habbiamo ritrouato certi pozzi, e qu-ti arenati con un aqua e sallata, e puzolente, quale se non ritrouauamo

in quell giorno; tutti li nostri caualli, sarebbero crepati dalla sete per il grande colore et anco gl' huomini.

Nel quarto giorno sono ariuato al fiume *Amu* e per le sponde di quel fiume habbiamo caminato due giornate intiere in abbasso in sino al traghetto, sotto un castello Hijuese d-to Asaris in distanza di 50 miglia da Hijua che é la capitale.

Traghetatomi all' altra parte del fiume, mi sono fermato sotto il d-to castello Asaris in una casa di campagna del Han, doue il suo fattore m'ha trattato amichauolm-te.

Ho spedito di là nel seguente giorno due miei messi con un parente del fauorito del Han Scirgasi d-to Dostum Bai (quale haueuo meco espressam-te amenato da Buharia) per far intender al Han il mio saluo ariuo in Asaris, e per far pregar per il quartiere fuori della città, acio in ogni ocasione fossi libero per fugirmene.

Doppo un giorno, che fu alli 18 senza atender le risposte da Hijua, mi sono incaminato ancor, io con tutto il mio seguito à quella uolta, et alli 19, che fù nel seguente giorno, ariuato in distanza di quatro miglia da d-ta Hijua, fui rincontrato dalli d-ti miei messi con il raporto, ch' il Han, come anco il fauorito suo Dostum Bai, godeuan molto del mio felice ariuo etc., che il fauorito del Han, per fauor particolare, m' haueua esibito la sua casa di campagnia, che era la migliore, e la più capace, che sia in Hijua.

Qualmente il med-mo fauorito sarebbe uscito per incontrarmi et acompagnarmi alla sua casa al quartiere, e che in tanto haueua spedito un Meimandar con 15, o 16 huomini per darmi il benuenuto, etc.

Per due miglia lontano dalla citta m' incontrò il d-to Meimandar, doue complimentatici uicendeuolm-te seguitassimo assieme uerso la citta. Ma si come io uestiuo da uiaggio all' Osbecha et haueuo la barba, che percio non m'ero uestito alla franca, il d-to Meimandar hauendomi prima rapresentato, che il suo Han haueua e d'amici, e d'inimici ancora, e che per far comparsa maggiore, mi pregò di uolermi uestir alla Francha, e nelli migliori habbiti ch' io hauessi; e cosi hauendo io meco quella uolta un habbito proprio, mi sono uestito in una casa apresso di quel' abbito per compiacer al d-to Meimanear e per raporto anco agl' altri, e cosi messomi nuouam-te con quel abbito alla marchia, uengo incontrato qualche passi dalla città, dal fauorito del Han d-to Dostum Bai, doue abbraciatomi e salutatomi con esso lui, uenne ad acompagnarmi per di fora le muraglie della città in sino al quartiere, ch' era la sua casa di campagna, ete.

Per la prima, qu-to fauorito del Han, mi disse, che ero da tanto tempo bramato, e per qual cagione di prima non mi ero indotto di uenir in Hijua, e di che temeuo doppo, d'esser stato con tante lettere del Han assicurato et inuitato, forse (soguense lui) non u'hauete fidato alla fine su la mia parola.

Io li ho risposto in questa precisa forma: io non ho temuto giamai, ne diffidato dell' esbizioni e promesse fattemi tanto del Han,

quanto da lui; ho ben temuto del sdegno di Sua M-ta Imp-le, uenendo senza la permissione, e contro l'ord-ne della Corte à passar per Hijua, sopra qual particolare io da bel principio, quande sono ariuato in Buharia, haueuo scritto alla d-ta Corte e pregato per la permissione; quale ancor supongo mi sia di già stata inuolata con un corriere speditomi d'Astrahan, ma per mia disgrazia quello fù massacrato dalli Casachi e le lettere si son perse, etc.

Con tutto questo (sogiunsi) io ho uolsuto azardar rissoluto di portarmi senza alto in Hijua, ma per timore del Han di Buharia, che non fossi scuoperto et impedito dal med-mo, non sapeuo come partir, ne qual strada a prendere; ateso che li ministri del Han (nominando tali, quali son nemici capitali del Han Scirgasi) mi consigliauan sempre, ch' io mi fermassi in Buhara per fin che il pretendente Sciah Temir Sultan ueniua ad assodarsi Han in Hijua, e che altrimente non andassi, perche sarrei tradito, conforme è stato tradito il Prencipe Bechouich al hor che à buona fede e con giuramento sopra il curan, riceuto all' udienza dal Han, fù miseramente massacrato; ma io (seguitai à dir) non ho abadato mai alle parole delli sud-ti ministri, presuposto che parlauano male per mera inimicizia, che proffessano al Han Scirgasi, che non amano di uederlo amico con alcuno, et in particolare con la Russia, perche con cio sperano il suo paese in riposo, et essente d'ogni danno et insulto, come con scordatisi peranco dell' ultima incurssione hauta in Karraghiol (città Buharese) per ord-ne del uostro Han etc. Onde (tornai à dir) ho stimato à proposito di spedir prima qui in Hijua un mio messo con tutta secretezza al Han per darli parte ch' ero rissoluto di uenir i Hijua per aqua, e tosto riceuto che hebbi la fauoreuol risposta, tanto dal Han, quanto da lei, ho finto di partir per Mescet, con intenzione non di uenir per aqua, perche di poi non mi eparso à proposito una tal intrapresa, ma passar il flume Amu, e di poi per quell' altra parte del fiume portarmi con tutto il seguito in Hijua; qual cosa non hà potuto riuscir, perche sono stato insidiato dalli Turchmeni, e costrette di ritornarmene un altra uolta in Buhara indietro, abandonato e dal Han e da tutti li suoi ministri, doue ho hauto due giorni doppo la fortuna di riceuer finalmente gl' ordini dalla Corte di Sua M-ta, e questi in sucinto, ch' ogni qual uolta partir douessi da Buharia, intraprendessi quella strada, che mi pareua più à proposito, e piu sicura. Per il chè io, hauendo di prima fatto l'ultima mia rissoluzione, non ho uolsuto impegnarmi con l'altra nuoua, perchè la strada di Hijua ho sempre truouato à proposito, la piu sicura e la più honoreuole per me et auantagiosa.

M'interogò il fauorito Dostum Bai, perchè chiamaro to honoreuo le per me la strada di Hijua, et in qual senso io diceuo?

Et io risposi d'esser stato in Buhara tanto tempo giusto indarno, e con puoco honore e sadisfazione propria, per esser stato malamente corisposto tanto dal Han, quanto dalli suoi ministri, che tutti comunemente mi son rimostrati affatto ingrati, doppo d'hauer consumato tutto

quel che haueuo per regarlarli e con la mia uenuta in Hijua sperauo, e spero almen d'aquistarmi, e honore, e gloria, ogni qual uolta il Han Scirgasi si contentaua d'impiegarmi nel publico bene della S-ta Pace.

A queste parole con grande piacere s'espresse il d-to fauorito, dicendo: é piu che uero, et io l'affermo, che la uostra gloria sarrà immortale, e figlioli de' uostri figlioli goderano della med-ma per esser tal impiego pio e santo, e noi pure à tal oggetto n'habbiamo sempre bramato, e ci dispiace che siate ariuato tonto tardi.

Di piu sogiunse il fauorito, il Han di Buharia e li suoi ministri, haueuan ragione di parlar male del Han Scirgasi, perchè si ricordano ancor del suo rigore, e l'hauranno ancor da prouar in apresso assai maggiore, perchè giustamente lo meritano à causa, che li nostri mercanti Hijuesi son da quelli maltrattati e spogliati delli lor beni. In quanto poi s'aspetta alla uostra persona, come inuiato hospite et amico, li d-ti ministri ui dauano consigli assai ingiusti, perchè chi uien da noi amico, da tale è trattato dal nostro Han, e chi uien da nemico, pur da neco è corisposto.

Con questo, quella sera, in cui io sono ariuato al quartiere, si disporti da me il d-to fauorito, etc,

Per la p-ma sera, per ordine del Han, fui regalato dalli uechiardi della città con cinque castrati, cento panetti e quindeci misure di sorgo per li caualli, e cose seguitò per soli quindeci giorni, con l'agiunta di quatro, o cinque carri di paglià in tutto.

Tre giorni doppo il mio ariuo, un altra uolta uenne à truouarmi il fauorito Dostum Bai e fra gl' altri discorsi, mi domandò: cosa credete, inuiato, Sua M-ta acettarà la pace, e che siamo amici come prima, e che li mercanti tanto dalla uostra, quanto dalla uostra parte possan liberamente mercantegiare?

Io ho risposto al fauorito: sua M-ta é un clementissime monarca, e se il Han s'arenderà alla ragione et alla guistizia, puotrà facilm-te piegarlo, e suponongo che il Han habbia di già qualche lettere dalla nostra Corte riceuto, e secondo il tenor di quelle si puotrà regolare.

A questo sorise il fauorito, e seguitò à parlar in questa forma: adesso il Han nostro, con sua M-ta ua del pari, perche il Han ha fatto perder il Prencipe Bechouich suo amb-re, uenuto da nemico in Hijua, e Sua M-ta ha fatto auelenare nel suo dominio il nostro amb-re, e se il Han ha pecato, Sua M-ta ancora similm-te ha pecato.

Ho replicato io con grande amirazione, e dissi: questa sarà la prima uolta ch' io sento una cosi strauagante nuouità, ma (mi compatisca, dissi) quello, che ue l'hà raportato, hà d-to una grandissima buggia, e questo per due forti ragioni: la p-ma siè che nella Christianità non s'e sentito mai, che Potentato alcuno si sto uendicato sopra qualche amb-re, perche l'amb-re non porta la pena, ma quello da cui é mandato.

La seconda regione é, che dato caso ancor (il che é impossibbile à credersi) che Sua M-ta hauesse uolsuto prender la uendetta sopra il uostro am-bre, l'haurebbe fatto morir publicamente auanti tutto il popolo, e non secretamente per mezzo d'un ueleno, perche con cio adimostrarebbe che teme della potenza Hijuese, quando un Europa intiera trema d'un suo solo nome.

In quanto poi che dite (ripigliai) dell' amb-re Prencipe Bechouich, che fosse uenuto in paesi uostri come nemico, Sua M-ta per questo non sa niente, perche lui haueua comiss-ni amiche, e non nemiche à riguardo d'alcuno: ma siasi stato come lei dice, nemico, e riconoscuito per tale, con tutto ciò non era decente ne di ragione di perderlo, ma nobbilm-te arestarlo, tanto più che si ritrouaua nelle uostre mani, e di poi puoteuate farlo intender á Sua M-ta, che lui l'aurebbe saputo come punirlo, se colpeuole fosse stato.

A questo, pure soridendo, il fauorito rispose: l'inuiato, uostre parole se son assai acute, e son giustam-té d-te, ma la cosa é gia fatta, il Han med-mo in quel tempo non era pad-ne di se stesso, e se fossi stato io in quella azione presente (perche questo fauorito si ritrouaua quella uolta in Buhara) non haurrei permesso la morte, non solam-te al Prencipe Bechouich, ma ne meuo ad alcuno delli suoi. Basta al presente bisogna scordarsi del iutto, perche ogni qual uolta, Sua M-ta si piegarà alla pace, il Han li renderà tutti li russi che si ritrouan in Hijua (che credo non si ritrouarà in tutto cento huomini.)

Io non uolsi più proseguir il discorso con il d-to fauorito, anzi lo troncai con domandarlo: quando puoteuo hauer l'udienza dal Han? e che mi dispiaceua di mostrarmi con mano uote; e lui mi rispose, che fra puochi giorni m'haurebbe auisato e con ciò disparti da me, senza nominar niente per li regali.

Passati due giorni il fauorito mi manda à dir, che il Han fra due giorni mi daua l'udienza e che perciò preparassi li regali per il med-mo Han, e per alcuni ministri Osbechi, e per lui istesso, m'haueua fatto dir, che haurebbe osseruato cosa di bello haueuo preparato.

Questi son gl'inuiti e le promesse ch'inuece di darmi, pretendeuano di prender da me, e li dispiaceua, che non ero uenuto di p-ma non per altro fine, se non per spogliarmi, e per hauer maggior proffitto, perche quanto più tardi sono ariuato in Hijua, tanto piu pouero, e di lor minor uttile.

Ho fatto per tanto intender al fauorito, ch'io mi ritrouauo sprouisto d'ogni cosa e come lui med-mo puoteua raffigurarsi, e che tutto quel che haueuo, ho dato al Han, et ogl' Osbechi di Buharia, e speso per mantenermi tanto tempo iu quelle parti, e che non teneuo altro, che due milla pelli d'agnelli per donatiuo; nulla di meno il residuo di qualche galanterie espressam-te conseruate, esibiuo alla sua disposizione che lui disponga, come stimarà più à proposito.

Doppo d'hauer al fauorito fatto intender il d-to tenore, il giorno seguente uenne solo à ueder, cosa haueuo di bello per donar al Han

et altri, ma più tosto per ueder, se u'era qualche cosa per lui. E cosi li ho fatto ueder un paro di uolpi negre bello, et à posta risseruato per seruirmi in ogni bisogno, un orologio d'argento, un uaso d'argento per l'herbathe, una dozena di ciccare di porcelina, sei pezze di merlo russo d'argento, una lira di fil d'argento, un spechio di mezzo braccio con le sfaggie d'ambra bianca e un bichiero e setuchiò d'ambia bianca e un bichiero grande di christallo con il suo coperchio, un paro di pistole belle, un paro dip ettenei d'osso di pesce. Per li ministri poi cinquanta pelli d'agnello delle più belli, uenti pezzi di sctoff di Buharia, curtelini e diuers fascie, etc.

Il fauorito ha uisto tutto questo, e non ha parlato niente e parti da me, quasi in collera; et io feci seguitarlo d'un mio huomo per sentir cosa parlaua il d-to fauorito con li suoi huomini: onde mi raportò l'huomo che lui hauesse in questa forma parlato.

E che? crede forsi l'inuiato di sbrigarsi con queste piccol bagatelle? Quel che m'ha mostrato non fa niente di bisogno al Han. Ha saputo l'inuiato dar tanti regali al Han di Buharia et alli suoi ministri, e per il nostro Han, e per me non truoua niente? Doue (disse) son li panni scarlati, fasce d'argento, e brieglie d'argento di gran ualore che biene, caualli et altro? etc. Haura con chi da parlar, adesso si ritroua nelle nostre mani.

Udito che hebbi io questo raporto, sono restato piu che attonito, et in un grandissima inquietezza, e uedendo che non u'era altro rimedio che d'unifformarmi al genio di d-to fauorito, di cui tutto il paese trema, e più é capace di far ch' il med-mo Han Scirgasi, essendo un huomo d'un spirito diabolico, e di gran regiro; mando il giorno seguente da lui il nomato Tarttaro mio guida, e fidato per ueder di placarlo, e per informarsi cosa lui da me pretendeua, pregandolo, che mi consigliasse d'amico, cosa fosse decente per presentare al Han, e se cal cosa io non haueuo, puoteuo prouedermi dagl' altri mercanti in credito, come sarebbe panno.

Questo mio Tarttaro si portò dal fauorito, e gl' espose come meglio li suggeri il spirito, affermandoli con giuramento ch' io non haueuo niente fuor di quello gl'haueuo fatto ueder, e che haueuo un paro di fasce d'argento alla Turcha con una richa benda del Turbante all' Indiana, lasciato apresso un mercante in Buhara, e che se li agradiua l'hauerei ancor fatto portare, in somma ch' ero pronto in tutto à riceuer li suoi amicheuoli e sinceri consigli, del che (sogiunse il Tarttaro), che puoteuo ben esser assicurato, mentre io ero uenuto in Hijua con un suo solo inuito.

Il fauorito li rispose: io procuro il ben per l'inuiato, e l'ho per amico pure; e che farebbe bene d'ascoltar le mie parole, ma se non li truoua buone, che s'adrizzi ad altri. In quanto poi alli regali, é necessario di regalar del panno, e so da quel mercante si ritroua, e quel li puotrà anco dar in credito (et il panno era suo proprio) e le fasce con la benda, che l'inuiato li facci passar nella nota delli regali, e

quando l'hauerà riceuto da Buharia, li puotra quella uolta dare etc. come anco che douessi regalar otto ministri Osbechi, dicendo ch' il Han l'auesse ord-to.

Il seguente giorno il fauorito mi mandò il d-to panno con un mercante suo fattore, e di poi ariuato ancor lui med-mo, fingendo che non fosse il suo panno et in presenza sua è stato fatto il mercato, cioè il braccio à quatro milla et quatrocento denghe, denaro Hijuese, che son cinque zechini di Buharia, et haueuo preso uenti due braccia.

Doppo di questo il d-to Fanorito si pose à distriabuir à suo bellaggio li regali alli ministri Osbechi, et in uece di otto persone, contò e la lista di (sic) uenti quatro, mandando in presenza mio a cada uno per due e tre sctoffe di Buharia due pelli d'agnello, un curtelino, et una fascetta, forzandomi di prender in creddito dagl' alti quello io non haueuo. Di più si portò il d-to fauorito nella mia stalla e scelse a suo gusto li più belli due caualli *uinohodzi*, ordinando che li d-ti caualli, assieme con le mostrateli galanterie, quando andar doueuo al udienza del Han, li menassi per regalo, et il panno comprato, come anco le due uolpi negre, le mandassi in quel mio Tarttaro, e questo secretamente. Conforme ho fatto et il fauorito s'è preso una ueste di scarlato di sei arscini perse, come anco la migliore uolpe negra, et il resto acompagniò col mio Tarttaro al Han, quale ha fatto finta di scurarsi perche io li hauessi fatto quel presente, o per dir in altra forma, li dispiaque perchè il regalo non era più nobbile.

Nell' 8-mo giorno fui chiamato all' udienza del Han; et ariuato al di lui palazzo nella citta et introddotto (sic) nel med-mo ritronai nel primo ingresso sotto il sottoportico tutti li più riguardeuoli ministri del Han et in particolare il Nakib, il più riguardeuole del paese; doue fatto a tutti il saluto, mi fù mostrato il luogo per sedere alla maniera del paese.

Il d-to Nakib, come il più uechio, et il più riguardeuole, mi saluta con il benuenuto, bramato tanto dal Han, quanto da tutta la t-ta radunanza, asserendo, che godeuan molto di riceuer un hospite inuiato, come ero io, che ueniuo paciffico, e con tutto il douere, non come ha fatto il Prencipe Bechonich, che era uenuto in paesi loro da nemico e con l'armi in mano.

Ho replicato io, chi mi maranigliauo sommamente, e che non credeuo che l'amb-re Prencipe Bechouich hebbia ardito contro gl'ordini di Sua M-ta uenir nelli lor paesi con hostillita, poiche sapeuo di certo d'esser stato lui spedito da Sua M-ta d'amico, conforme s'usan spedir gl' amb-ri in tutto il mondo; e se il med-mo ha di fatto transgredito gl' ordini del monacra, era ben degno anco del castigo, e che cio haurebbaro in uiui effetti esperimentato, ogni qual uolta l'hauessero arestato e rimaneato a Sua M-ta, con la specificazione del di lui peccato. Il Nakib rispose: come non? é uenoto ueram-te con hostilita, perche ha fabricato per la p-ma una fortezza alle sponde del mar Caspio, et un altra qui non troppo lontano da Hijua, dalla qual for-

fezza s'ha diffeso e batuto con gl' eserciti del Han; onde noi habbiamo fatto quello può'l far nemico al nemico, e corisposto nella med-ma forma.

Io, udito questo, non ho uolsuto per ogni degno riguardo, et á mio disauantaggio ingolffarmi d'auantaggio, ma troncato il discorso, ho proseguito di parlar in questa forma: in qnesto mondo chi pecca fa d'uopo per ragione faccia anco la penitenza, e chi cerca il male se lo truoua facilmente; (ma si lasci digrazia à parte tutto il resto) si suol dir ch' un ambassadore porta o guerra o paccio, sono amico non nemico amb-re che per ragion porto pace, e non guerra. Tre anni son scorsi che mi ritrouo in Buhara in continue agitazioni, senza uerun frutto d'honore ò gloria, e prego Sua diuina M-ta d'aquistarmi in un paese nemico quello, che non mi sono potuto aquistar in un paese per quanto si credeua almen amico, cioè d'assodarui nell' anticha amicizia, con Sua M-ta, e che il popolo uostro goda li frutti della pace et io dell' orazioni, e benedizioni.

A questo mio parlar tutta l'assemblea sese grazie á Dio con dir *amin* (sic) di poi leuatisi tutti dal luogo, se n'andaron á truouar al Han in un cortile di dentro, pure sotto il portico, che l'atendeua, doue di poi fui ancor io intromesso.

Ariuato alla presenza del Han e resoli il saluto, mi fù mostrato il luogo da sentar in faccia sua in mezzo alla maniera del paese.

Il Han per la p-ma mi disse: ben nenuto inuiato, tanto bramato! et io sogiunsi in questa forma:

Da bel principio del mio ariuo penoso in Buhara ho sempre seruato la brama intrinseca di ueder la di lei felicissima presenza, et hauer l'honore di seruirla; qual mia brama é stata secondata dall' inuito che lei m'ha fatto in diuerse uolte con le sue stimatissime, aciò' io m'inducessi d'intraprender il uiaggio, e ritorno per il di lei felicissimo dominio, qual rissoluzione io non ho potuto cosi presto abbracciar per due mottiui. Il primo s'è per tema che non fossi scoperto, e ch'il Han di Buharia, come nostro nemico, non mi facesse qualche insulto. Con tutto cio nel passato Feuraro uolsi azardar e partij da Buhara per uenir in Hijua dall' altra parte del fiume *Amu*, fingendo d'andarmene in Mescet in Persia, ma non m'ha riuscito, perche, respinto dalli Turchmeni, sono stato sforzato di ritornarmene un altra uolta in Buhara, doue (grazie á Dio) alli 4 di Marzo scorso, ho hauta la fortuna di riceuer finalmente gl' ordini et ampla libertá dalla Corte di Sua M-ta, che ogni qual uolta partir douessi da Buhara, intraprendessi quella strada, che mi sarebbe parsa più á proposito, e senza pericolo; la onde io, et in uirtù degl' ordini della nostra Corte, et in uirtù del di lei inuito, sourattomi da Buhara con la fuga, mi sono portato qui in Hijna per riuerirla e seruirla, hauendo per auanti, cioè nell' istesso mese di Marzo, rispedito il med-mo coriere alla nostra Corte, e rapresentato alla med-ma l'inuito che m'ha fatto lei di partir per Hijua, e che di giá ero per partir; e rendo grazie á Sua diuina M-ta che sano e saluo sono ariuato alla sua presenza da tanti patimenti che soffriuo in Buhara.

Il Han rispose in questa forma: io ho inteso, che sete stato puoco sodisfatto del Han di Buharia e suoi ministri, quali han saputo ben come riceuerui per proprio proffitto, ma non han saputo degnamente trattarui e rispedirui con honore. Io haueuo, due anni son, spedito un mio amb-re al Han di Buharia (mostrando un Hoggia che alla destra sedeua) da cui ha riceuto un uillano trattamento, ateso che, messolo in aresto, e publicamente suergognatolo, lo spedi in Aral alla discrezione del mio nemico Sciah Temir Sultan. Di più il Han Scirgasi incomincio à racontar come il Han di Buharia spogliaua li suoi sudditti mercanti, e che li faceua mille inginstizie et inciuilità, e che lui (cioè il Han Scirgasi) tutto altrimente operaua con gl'amici hospiti e forestieri mercanti, siansi di qual si uoglia nazione, e che gl'accoglieua con tutto la ciuiltà, facendoli ogni giustizia e libbero traffico nel suo dominio, e poi il d-to Han sogiunse con esagerazione grande in simili termini:

Il Han di Buharia, quell etc., con tutti li suoi consil-ri, se saro uiuo, me la pagarà: li farrò ueder con che pretende di cozzar, e quanto puòl il Han Scirgasi etc. etc.

Io all' incontro, per mio particolar interesse e per insinnarmi maggiormente nella beneuolenza del Han Scirgasi e suoi ministri, affermauo il tutto, in particolare testimoniaua l'azione fatta al suo amb-re, ch'io in quel tempo mi ritrouauo in Buhara, e che ueramente era un azione indegna, e da non farsi sopra un rapresentante etc. E queste mie affermazioni son state di sodisfazione al Han Scirgasi, quale seguitò cosi à parlarmi:

Inuiato, uoi sete hora mio hospite, perche sete uenuto come amico, e percio rispettato e tratato con tutto honore e ciuiltà, et ogni qual uolta uorrete partir per Astrahan, io ui lasciarò partir e ui darò anco per la strada il conuoglio, ma bisogna prima informarsi, se la med-ma é sicura. Il uostro d-to amb-re Prencipe Bechouich è uenuto da nemico per prender il mio paese, et io da nemico li ho corisposto, del che Sua M-ta non sapeua niente, ne li haueua dato dal comiss-ne, come anco di fabricar fortezze, et altro.

Io ho risposto al Han: restto molto stupeffatto, per quanto si compiace di motiuarmi et ho à caro d'intenderlo. Suplico al presente sua diuina omnipotenza mi dia la grazia d'esser partecipe del bene delle orazioni del popolo (quali presupongo sarebbero infinite, ogni qual uolta ueniuo ad esser instromento della bramata rapacificazione), e quello non ho potuto aquistar dall'amico, possa goderlo d'un creduto nemico.

Il Han Scirgasi sogiunse, che quello del P. Bechouich era più che uero, pesuadendomi ch'à tempo proprio lo rapresentassi io à Sua M-ta, e che il mio nome (diceua lui) rimarebbe immortale se io procurauo con tutto il cuore per il ben del popolo, che brama la pace.

Doppo questo discorso fu messa la mangeria in tauola, e doppo hauer collà (sic) pranzato mi licenziai a me n'andai in casa.

Otto giorni doppo di questa udienza, un giorno auanti del Ramasan, fui chiamato dal Han al banchetto nel giardino, nella sua casa di

campagnia, puoco discosta dalle mura della città; doue portatomi con tre soli huomini (perche cosi era ordinato); ho trouato al (sic) Han solo col nomato Nakib Hoggia e due altri Osbechi delli più confidenti, et il fauorito Dostum Bai, che si diuertiuano con la musicha; onde messomi à seder anco io. Il Han incominciò meco à complimentar più alla confidente di quelle haueuo fatto la prima uolta, doue io ancora ho procurato d'insinuarmi maggiormente nel di lui affetto e d'incontrar il suo genio, palesandomi dispotiss-mo per seruirli, dicendo che haurei impiegato tutta la mia attiuità per la tranquilezza delli suoi sudditi, e ciò per mero interesse di gloria; tanto che il Han hebbe ad esprimersi, se io eseguiuo quel tanto che prometeuo, la mia gloria sarebbe sempre immortale e che anco li figlioli delli miei figlioli sarebbero per partecipar della medesima.

Di poi il Han disse, quasi per un secreto: Sua M-ta non sa l'azioni del Prencipe Bechouich, et se li sapesse, mi darebbe credo ogni giustizia, perche quello procuraua sempre per il proprio interesse, e non per l'interesse di Sua M-ta.

Di piu mi disse che lui bramaua la pace, prometende, che ogni qual uolta li fosse mandato dalla parte di Sua M-ta un amb-re l'hanrebbe dato tutti li Russi che si ritrouauan in Hijua.

Nomino ancora al (sic) Han Kulli, fù amb-re apresso la nostra Corte, acompagnando il di lui nome con diuersi ingiuriosi epitetti (presuposto che lui hauesse hauto qualche mala comiss-ne per la Corte di Sua M-ta) e di poi m'interogò, per qual affare il Han Kulli fosse stato alla nostra Corte, e per qual ragione, ritornato in Astrahan, non è passato per Hijua che è il più corto uiaggio, ma è passato per la Persia, et à uoi med-mo ho consigliato quella strada.

Io ho risposto ch'il Han Kulli era uenuto alla nostra Corte per dar parte ch' Abulfeis Han era creato nuouamente Han di Buharia; e perche nel ritorno non sia passato per Hijua, io med-mo lo malediceuo sempre, perche non m'haurebbe fatto patir tanto, quanto ho di gia patito.

Di poi, passati qualche triuiali discorsi, il Han Scirgasi tornò ad interogarmi, qual comiss-ne hauessi io hauto dalla Corte di Sua M-ta per il Han di Buharia.

Io li risposi, che la mia commiss-ne era solamente per la congratulazione con l'Abdulfeis Han per il nuouo Hanato.

Il Han Scirgasi (parlando susseguentemente meco delle parti di Buharia) mi domandò, qual paese mi piaceua più, Buharia o pur Hijua.

Io risposi al med-mo cosi: e questa e quella mi piace, perche l'una e l'altra è bella; ne truouo di brutto altro, sol che si patisce del caldo, et io, si come non ero assuefatto, mi ritrouano semper indisposto, e nel mio paese sempre mi ritrouauo sano, perche freddo; onde il mio paese piu mi piace e di Buharia e di Hijna per esser luoghi caldi.

No (replicò il Han) Buharia e bella, e richa, perchè in quella ui son miniere d'oro *asai* riche.

Io ridendo ho risposto al Han Scirgasi se l'oro si ritrouasse in Buharia et in abondanza, sarehbe piu il prezzo ma uedo tutto al contrario, che l'oro corre più à buon mercato in Russia, ch'in Buharia; onde la Russia è più richa d'oro, d'argento e d'altri metalli, che la Buharia.

Sopra di ciò il Han m'interogò, doue fossero nel dominio Russo le miniere d'oro; et io li risposi, che li miniere d'oro ui son nella Siberia, et in grande quantità nuouamente da Sua M-ta ritrouate e che li miniere d'argento ui son in diuersi luoghi, come anco ogni sorte di metallo.

Mi domandò di poi il Han, come s'adoprauano da noi le bombe, le granate, e che effetti faceuano?

Io ho risposto, che le granate seruon nella zuffa iu campagna aperta, o pure sul attacco di qualche città alla brechia, ateso che una granata era capace d'amazzar d'un colpo uenti huomini, e la bomba d'atterrar la più fortissima città, talmente che doue uien à cascar, o doue si uol, che caschi rouina per fin alle fondamenta: ne è capace città al mondo, che possi resister al suo rigore.

Tutta quell' asemblea, il Han in particolare, à questo mio parlar restò stupefatto, e non si faceuo altro, che guardarsi uno con altro, e farsi delle merauiglie grandissime, domandandomi, chi auesse inuentato le bombe?

Io risposi, che l'inuenzione delle bombe correua da molto tempo, ma che Sua M-ta l'ha ridotto à perfezione, e l'adopra con felicissime successo, come s'è uisto (sogiunsi) nella inespugnabbile fortezza di Baku in Sciruan, che fù presa con la bomba e poi con assalto.

Di poi entrai in discorso col Han, toccante li nostri Casachi irregolari e millizie regolari, come combatton in campo, perche il Han lodaua assai li Casachi; et io li dissi, che li Casachi eran braui soldati, come irregolari, ma che la milizia regolare era asai piu braua, mentre 10 m. soldati Russi son capaci d'abbatter 100 m. d'irregolari, e che quando un soldato à comandato, o abbatte, o si perde, un é capace di ritroceder ancor, che ueda la morte nelli ochi, siasi à pie, o à cauallo il soldato.

Il Han rispose, che li loro soldati non usan marchiar à piedi, ma tutti à cauallo, ma che non son cosi obedienti, e non si battono se non nel primo o secondo impeto che fanno, e se non li riesce d'abbatter il nemico, retrocedono senza troppo azardar la uita.

Sogiunse il Han, che haueua sentito dagl' altri, che per adietro li Russi gueregiauano à cauallo alla maniera loro.

Et io li risposi, che era uero, e che Sua M-ta è stato quello, ch'ha in tutto instructa la nazione Russa e resa formidabbile per tutto l'uniuerso.

Al hor tutta l'asemblea affermò che era uero, e uero replicatamente.

Il fauorito Dostum Bai, auanti che ci fossimo messi à seder, m'haueua suggerito di domandar dal Han, un ambassadore, ma che non domandassi l'udienza del congedo in sino alle feste del loro Bariam, perche non me la puoteua il Han dar in Ramazan.

Onde io, nel mentre si menteua in tauola, il mangiar pregai al Han, che uolesse spedir in mia compagnia un suo amb-re ch'io in grata riconoscenza delle ciuiltà, che il Han m'usaua, haurei impiegato li buoni officij per li suoi interessi apresso il nostro monacra. E il Han subbito mi s'offerse e promise d'acompagnar meco un amb-re, come anco di spedirmi quanto p-ma, e che per farmi maggior piacere il Han mi disse che haueua dato ordine, che si spargesse uoce in tutte le città di Hijua ch' io non partiuo più per Astrahan, e che ero fermato insino all' auttuno in Hijua in atendenza delli Calmuchi etc. aciò che li Casachi non m'atendessero sula strada, che si discorreua quella uolta, che ui stauano io grande numero.

Questa espressione del Han Scirgasi non m'ha niente piaciuto, anzi m'haueua messo in grande confusione, tanto più, che qualche giorni auanti haueuo inteso da qualch'un, che l'intenzione del Han era di non darmi per alhor la strada.

Il fauorito med-mo (forsi perche iò non m'accorgessi della frase) parlò al Han in questa forma: quell' ord-ne ua ben per li nemici, ma non per gl'amici, stante che li rimanenti Russi in Buhara o altri mercanti, udito che haurano l'aresto del inuiato, per paura non ardirà alcuno di uenir in Hijua.

Al hor il Han ripiglio e disse, che non si facci publicar in quella forma, ma sol che si sparga la uoce, che per hor non parte l'inuiato.

Doppo di questo licenziato io dal banchetto; il Han con li suoi restò collà per discorrer in particolare, sopra la mia persona, che perciò io nel partir haueuo dato la comiss-ne ad un amico di spiar, cosa si doueua discorrer doppo ch'io ero partito.

Hebbe dunque il Han, doppo partito io, da dir con tutti l'astanti, qualmente io ero prattico del tutto, e che sapeuo risponder con acortezza ad ogni sua proposizione, in particolare alla domanda fattami per l'oro, dicendo in questa forma il Han: come mai lui non sa quanto oro sorte in Buharia et in quali luoghi sorte; faccia Dio, che non sapia ancora, quello nel dominio mio si ritroua, per qual cagione il Prencipe Bechouiz era spedito quella uolta, che perciò era intenzionato il med-mo di far scorrer il fiume Amu nel Caspio, come anticamente scorreua.

Di più parlò il Han: già per hor l'inuiato non parte, ne lui credo non si uorrà azardar, perchè più di 10 m. Casachi stanno con le loro case su la rotta per Astrahan, ma atenderei insino che li Calmuchi di Dorgi uengano da Jaich, conforme usano uenir ogni anno nella carauana. E cosi haueremo l'auiso, cosa passa in Astrahan, perchè habbiamo hauto gl'auisi ultimamente, che Sua M-ta uoleua spedir l'armata sua in Astrabat in Persia e molti milla cameli doueuan esser amenati per terra in d-to Astarabat da Jaik.

Sul fine del Ramazan (perche io giornalm-te pregauo per la partenza) il Han, fece il consiglio con li suoi Osbechi, se mi doueua esser dato il passo libbero per Astrahan, o pur arestarmi ciuilm-te in sino che s'hauessero le più distinte nuouità di là; e questo consiglio é stato

causato, perche il Han haueua (non so come) penetrato, che li Tarttari del Jurt d'Astrahan, haueuan riceuto gl' ordini dalla nostra Corte di spedir huomini in Buharia e di conddur me sano e saluo in Astrahan, e nominalm-te, che il Hoggia uechiardo del Jurt Tarttaro doueua uenir à quell'oggetto per amb-re in Hijua et in Buhara; che perciò diceua il Han, che era à proposito di trattenermi in Hijua insino alla uenuta di d-to Hoggia.

Dall' altra parte il Han Sscirgasi consigliaua da barbbaro, dicendo, che non staua ben di lasciarme andar uia, perche haueuo tutta la prattica del paese, e che puoteuo dar à Sua M-ta distinta relazione del tutto, e che era asai à proposito di spedir prima un coriere da parte loro con uno delli miei huomini per dar parte al gonernatore d'Astrahan, ch'io ero ariuato in Hijua, per osseruar, qual risposta li sarebbe data dal d-to gouernatore o pure dalla Corte di Sua M-ta.

Questa barbbara opinione del Han fù tenuta e conffermata da tutti gl'Osbechi; solamente il Nakib Hoggia, mia coltiuato amico (in uirtù di quello io haueuo rapresentato nel p-mo incontro, che io haueuo di già rispedito il coriere alla Corte di Sua M-ta, con la notifficazione, che partiuo per Hijua) non la stimò à proposito, dicendo, se l'inuiato è pratico del paese, e che puoteua dar à Sua M-ta distinta relazione del tutto, l'hauerà di già dato con il suo spedito coriere da Buharia, e coll' arestar l'inuiato qui in Hijua irritaremo maggiormente à sdegno Sua M-ta; e se uogliamo cercar la pace, qu-ti son li mezzi, cioè di dar libbero il passo al suo inuiato e spedirlo con honore, perchè con ciò adimostraremo, che chi uien da noi hospite amico, è trattato da amico, e chi da nemico uiene, da nemico anco e corisposto, come il Prencipe Bechouich, etc.

Con questo è stato terminato il consiglio, senza alcuna decisione.

Doppo il Bariam incominciai nuouamente, e con tutto il calore à suplicar per il congedo coll' apoggio di d-to Nakib Hoggia, e mi fù risposto, che fra breue sarei spedito, e che perciò mi mettesi in ordine; ma si come io mi ritrouauo sprouisto del denaro per comprar cameli e caualli, e li mercanti temeuano di darmi in creddito denaro in sino à Astrahan (perche non sapeuan l'esito delli miei affari, e se il Han mi lasciaua partir) pregai espressamente al fauorito Dostum Bai, che lui col pegno delle mie pelli d'agnello mi fauorisse del denaro per mettermi in ordine, o che me lo facesse dar dalli mercanti del paese, perchè li nostri Russi erano restati in Buhara, e lui mi fece dir, che non haueua denaro per imprestarmi, e che perciò uendessi le d-te mie pelli, e con quello comperassi camelli e caualli; ma il fauorito a posta pretese, che io uendessi le mie pelli per niente à qualche mercanti aciò poi lui per forza li potesse ripigliar dal med-mo, conforme ha fatto, doppo ch'io li uendei à uilissimo prezzo per premura di partir presto, che erano 1400 pelli di Buharia.

Il Nakib Hoggia, come mio amico et assicurato da me, che Sua M-ta non haurebbe mai fatto afronto alcuno al loro amb-re, e che se

anco non uolesse piegar, si alle preghiere del Han Scirgasi per la pace, l'haurebbe con tutto l'honore rispedito in dietro, promosse uno delli suoi amici all' ambasciaria e fù confermato dal Han ancora. E qu-ti era un huomo che è stato una uolta in Astrachan, benchè di basse condizioni, perche nissun altro di grossi mercanti o Osbechi ardiua d'azardarsi à causa che ad ogni uno morde la conscienza e s'atende il castigo.

Io di già m'ero messo in ordine et il nomato amb-re ancora, ma non si uedeua il fine, ne la rissoluzione del Han, che non uoleua da rei l'udienza del congedo, procrastinando la med-ma sotto uarij pretesti, hora mi ueniua risposto, che non bisognaua partir, perchè mi sarei perso per strada, che li Casachi m'atendeuano; hora mi diceuan che faceua gran calde, e che perciò era impossibbile di marchiar — e molte altre inuenzioni, etc.

Siamo alli 10 di luglio senza rissoluzione alcuna, ne dichiarazione dell' aresto mi diceuan ne mi negauan la strada, ma ogni giorno con qualche nuouo pretesto mi faceuan disperar et impedirmi la partenza.

Il fauovito del Han uolse arestar tutti li Russi schiaui liberati, in numero di 49 persone huomini, donne e figlioli, quali da mano in mano eran ariuati doppo di me da Buhara: espressòsi il d-to fauorito, che non uoleleua lasciar alcuno di quelli partir, se non alhor, quando cadauno l'hauesse pagato uenti zechini per testa, e mille altre insolenze.

Menazaua à me, che haueua meco da far molti conti e che staua in lui di lasciarmi partir, o di non lasciarmi affatto.

Mi capitano per mano d'un Hijuese mercante le due fascie d'argento con un uelo, che serue per il turbante et il d-to fauorito le prende per forza dalle mani del mercante senza nemeno farmeli ueder; anzi, hauendo io mandato un huomo da lui per domandar solamente se li hauesse riceuto, ando in gran collera, esprimendosi con dir: e chè all' inuiato dispiace che ho preso le sue fasce? soprò ancor e d'auantaggio prender da lui.

Fascio presente al d-to fauorito d'un cauallo, che lo uoleua hauer in tutte le forme; e poi lui med-mo doppo qualche giorni uien in casa mia, e senza dir ad alcuno ne farlo saper à me, mi prende dalla stalla un altro cauallo buono, et in luogo suo lassa uno delli suoi, che non ualeua niente; et io, hauendoglielo fatto intender, che io m'ero preso à male per una cosi fatta libertà di prendermi un cauallo, che mi doueua seruir per la strada, pure andiede in collera, rispondendomi, che se io ho preso da mia posta il cauallo dell' inuiato, pretendo d'hauerli fatto honor.

Io tutte queste sue insolenze e dispetti, che mi faceua, ho sempre con prudenza e pazienza grande sofferto, e quanto più lui mi corispondeua con l'ingratitudine, con altretanto amore e generosità io lo coltiuauo.

Il d-to fauorito m'haueua promesso due schiaui russi e s'è un tal Pietro Sibisceu et un Cercasso, ambedue presi con Bechouich, che

perciò l'haueuo fatto presente d'una bella briglia d'argento alla Turcha, che costaua per 80 rubli, per non hauergliela poi à dar per forza, perchè sapeua che l'haueuo, e che m'era stata mandata nuouam-te da Buharia, perchè l'haueuo impegnato da un mercante. E con tutto questo m'ha inganato et in uece di darmi le d-ti due schiaui, l'ha messo in aresto aciò non fugissero meco.

Di più, per regalar tutta laschiatta di d-to fauorito, ho squarciato tutti li miei habbiti, e con questo ancor non è stato contento; tutto quel che uedeua, o sapeua che haueuo, mi domandaua senza discrezione alcuna.

Li faccio intender, che per mantenermi haueuo squagliato sino all' ultima uichiaro d'argento, e che non m'era restato ne meno un piatto di stagno, che haueuo uenduto tutto. E lui, in contracambio, mi faceua saper, che e la mia uita e la mia morte staua in sue mani, e se uoleuo partir, douessi spogliarmi del tutto e per regalo saluarmi l'anima solamente.

Per fine, doppo tanti e tanti strappazzi, pensò il d-to fauorito di sforzarmi, che io m'imposessasi di 10 m. pelli, ch'un mercante russo haueuo mandato in Hijua, e li uendessi, aciò poi lui mi puotesse mangiar il denaro, e che con quello comprassi tanti schiaui russi da lui; ma io li ho fatto intender chiaramente, ch'io uender non puoteuo la robba degl' altri, bensi impegnar puoteuo pro tempore per un debbito, che là in Hijua haueuo, cioè che doueuo 100 zechini ad un parente del fauorito, e 107 zechini che doueuo per il panno presentato al Han, et à lui ancora (che pur era suo danno) conforme ho fatto pigliando due balle di pelli di Buharia di d-to mercante, e sopra di quelle ho fatto alli creditori un assegnazione di 200 zech-ni di Buharia, con patto, che quando uenirà il mercante Russo da Buhara, debba sborssar li 200 zechini, e prender le pelli indietro, etc.

Il d-to fauorito per mia disgrazia anco uenne ad inimicarsi col Nakib Hoggia per causa di quell' amb-re, che lui haueua promosso e fatto conffermar dal Han, et anco uedeua che lui teneua la mia parte, e rengaua per me fortemente apresso il Han, et io che haueuo penetrato questa lor inimicizia, e che si trattaua male delli miei interessi, perche uedeua ch' il fauorito non procuraua altro che spogliarmi affatto, e per ragion perdermi, e postomi in ultima disperazione, ho pensato di fugirmene da Hijua, come ho fatto da Buhara, e prender meco soli 10 huomini con uenti caualli per prouedermi del uitto e dell' aqua, acompagnato dal mio guida Tarttaro, et il resto della mia gente abandonar in Hijua alla prouidenza di Dio.

Mandò à dir al fauorito che se il Han non mi uoleua lasciar partir, almeno me lo facesse intender per liberarmi di tante spese, haueuo in mantener cameli e caualli miei, perche non ero capace ne meno di mantener li miei huomini.

A questo mi fù risposto, perchè tanto s'affretta l'inuiato di partir in giorni cosi caldi, e che atenda alquanto, che fra breue lo spedire-

mo; e bisogna anco che ritrouiamo qualche altra strada per partir, perche per la dretta e comune strada non si puol passar, per causa ch' il nemico (intendo li Casachi) sta su la strada in grande numero.

Io, rissoluto affatto di fugirmene, e senza atender altre rissoluzioni, mando tutti li miei cameli al mercato per uenderli per fingendo di restar in sino l'autunno, e replico anco per la seconda, perche nissuno non li compraua, et il mercato si fa solamente due uolte alla settimana: in tanto io con tutta secretezza, senza confidarlo al alcuno della mia gente, andauo aparechiandomi al uiaggio per puoter in un subbito et all' improuiso con finta d'andarmene à spasso (che perciò per assueffar il popolo con la presenza, usciuo ogni giorno in campagna à cauallo) fugirmene nel deserto.

Fù subbito rifferto da un mio amico al Han, ch' io uendeuo li cameli e che per alhor non partiuo più, perche m'era negato il passo, et il Han domando: e che l'inuiato era forse pronto e uoleua partir? Di poi sogiunse il med-mo: la mia intenzione era di trattener l'inuiato con belle maniere, senza che si prendesse à male, e pensauo che lui istesso non sarebbe partito per timore delli Casachi, ma già che è cosi rissoluto, io lo lasciarò partir; ma non credo ch' andarà à saluamento, perche 10 m. Casachi stanno sopra la strada per la quale deue passar.

Nel seguente giorno la matina à buon hora uenne da me il fauorito, e senza altri preamboli mi dice: ui lodo, S-r inuiato, hauete fatto molto bene di mandar li uostri cameli in piazza per uenderli, perchè con ciò hauete dato ad intender alli Casachi, che mercantegiano qui in Hijua, che uoi per hora non partirate, e cosi loro non ui staranno suluareo (sic) sopra la strada, e farete meglio ancora, se anco per la terza uolta li mandarete in altre città di Hijua per uenderli, e non li uendete; perchè in quelle città é il maggior concorso delli Casachi. Ma mi dica di grazia (sogiunse il fauorito) l'hauete fatto espressamente à fin che li Casachi credano, che uoi non partite perhora, o per altro fine? et io li ho risposto sul sodo (sic), che no, ma solamente perchè non uedeuo rissoluzione alcuna per la mia spedizione, nè per quella del uostro amb-re, che perciò ero necessitato di uender li miei cameli, et anco per uender li miei caualli, perchè non li posso più manterer.

Mi rispose il fauorito, ridendo: il nosto amb-re è pronto, e li ho ordinato che ui uenga à truouar, e quando ui piacerà, partite con nome dio Dio, che in quanti caldi il nemico non dimora nel deserto, doue non truona l'herba, ma bisogna che habbiate un brauo guida, che ui faccia ouiar certi luoghi pericolosi.

Quella uolta io li dissi, che pregasse lui il Han, aciò secondo la promessa fattami, mi dia un conuoglio, come anco delle guide.

Et il fauorito mi rispose: molto bene; e con questo si disparti da me.

Di poi mi manda à dir il fauorito con un suo huomo, che se uoleuo hauer 50 Turchmeni per il mio conuoglio, che il Han me l'hauerebbe dato, ma che douessi io darli la montura e farli tutte le spese.

Io li ho risposto, che s'hauessi denaro superfluo (che ne meno haueuo per dar piena montura alle miei huomini) prendeuo per mia difesa della gente più tosto da mia posta, ma (sogiunsi) sarebbe una uergogna per il med-mo Han, se io dassi la montura alla sua gente di conuoglio; ma che ariuati à saluam-to à Jaik nostro confine, riconoscer non mancarei la loro buona seruita con qualche regali, come si costumaua da per tutto.

Con tutto questo non s'è potuto far niente, che di poi sono stato obligato di domandar in grazia un solo Turchmeno per condotiere, et il fauorito m'ha esibito due, ma e per questi ha uolsuto per forza, che fosse data la montura, et è stata dalli 6 m. denghi, ch' io per certa politica ho fatto dalli schiaui russi presentar al d-to fauorito Dostum Bai, aciò non l'importunasse più ne li molestasse.

Doppo di questo il fauorito mi manda à domandar, in che forma si duoueua scriuer la lettera à Sua M-ta, e che io li facessi un esemplare à mio gusto, e da, buon amico, dicendo ch' il Han non sapeua, che termini adoprar et sopra di che fondarsi.

Io ho risposto ch' ad un huomo sauio non mancaua mai materia di scriuere tanto in bene, quanto in male, et ogni honesto huomo parla e scriue, quel tanto li detta la propria conscienza, e che io non sapeuo à fondo l'intenzione del Han che solamente quello m'hauena parlato à bocca, che son concetti giusti e sauij, e si è che brama la pace, onde la puoteua cercar e pregar la med-ma, ch'io da parte mia non mancarò di secondar le sue sante intenzioni.

Non contento di questa mia risposta, il fauorito mi mandò per la seconda uolta à dir, che senza altro douessi io scriuere la lettera in negro, o li dassi qualche picol lume in scriptis, che lui secondo quel lume haurebbe fatto scriuer il resto della lettera.

Io li rispondo, ch' iò non lo puoteuo far, ne sapeuo dar li altri lumi, bensi puoteuo giudicar (ogni qual uolta fosse la lettera sul negro scritta, e mostrata à me) quello fosse bene o male scritto.

Il fauorito pure, non contento ci ciò uenne il seguente giorno in persona à parlarmi; et io med-mte li ho risposto, ch'io non lo puoteuo far ne che era di ragione, ch'iò l'insegnassi à scriuer. Il fauorito mi disse, che loro intenzione era di descriuer il mio ariuo in Hijua, come m'hanno riceuto et alogiato con honore etc.; et io l'affermai, dicendo che questi era un bel periodo e di sodisfazione.

Di poi m'interogò il fauorito: comanda, che si ramemori nella lettera l'affare del Prencipe Bechouich?

Io ho risposto: uoi la sapete meglio di me, tanto più, che in Buharia ho inteso che il Han habbia di già riceuto qualche lettera dalla nostra Corte, e che sopra di quella si puoteua rogolare facilmente.

Il fauorito rispose con puoco gusto: quella lettera non ci fa di bisogno, il Han non è tanto in colpa, quanto gl'Osbechi. Se Sua M-ta mandarà un amb-re, il Han li dara tutti li Russi schiaui, e che perciò

à lei non da al presente alcuno, perchè li conserua espressamente à tal riguardo.

Temendo io che li due Turchmeni assegnatimi per guida non fosser traditori, stimai à proposito di prouedermi oltre del guida Tarttaro, ch' haueuo apresso di me, d'un altro brauo condotiere, e si come conosceuo in Hijua un Turchistano di nazione, et amogliato in Astrahan, d-to per nome Subhan Kulli, lo mandai à chiamar che di fresco era ariuato d'Astrabat, e li parlai se uoleua meco uenir, et seruirmi fedelm-te in quel mio uiaggio? e questo doppo hauermi fatto moltis-me difficolta, e per causa delli grandi caldi, e per causa delli inimici Casachi, finalmente per amor mio s'indusse d'abracciar il seruizio e d'acompagnarmi in Astrahan (e perche io qualche giorni auanti inteso haueuo, ch' il fauorito non uoleua in alcuna forma, che l'amb-re promosso dal Nakib Hoggia andassi meco) mandai espressam-te questo Subhan Kulli dal d-to fauorito e che li comunicasse conforme io lo uoleuo hauer per guida.

Il fauorito, intesa questa cosa, introdusse il d-to Subhan Kulli dal Han, quale li parlò in questa forma: già che l'inuiato ui brama per guida, io pure, se uolete, ui daro lettere per Sua M-ta e ui faro amb-re mio. Conforme segui, e fù nomato per tale, cioè amb-re, o uoglia dirsi inuiato, o coriere, perche in quelle parti tutto è uno, e chi porta la lettera d'un Han, si dice amb-re. E di poi il fauorito lo mandò da me per domandarmi, se io ero contento, che lui porti le lettere à Sua M-ta? et io che non cercauo altro che di liberarmi dalle loro barbbari mani dissi, che ero più che contento, tanto più che era quelli mio conoscente.

In quelli giorni s'haueuan riceute nouità cattiue da Aral, che li partegiani del Han Scirgasi eran stati batuti dalli partegiani del Sciah Temir Sultan, e che lui si preparaua di uenir per la terza uolta sotto Hijua; e perciò tutta la Hijua si ritrouaua in grande consternazione, et il Han non ardiua di sortir dal suo palazzo per tema di non esser tradito, e per questo il mio affare restò sospeso per alquanti giorni ancora. Finalmente, auanti che uenisse à suceder inconueniente e disgrazia, e per tema che il Sciah Temir Sultan non assediase Hijua, mi mesi al' ultimo sforzo per hauer il mio congedo ancor che il Han non mi puotesse dar lo publice.

Ho representato al fauorito Dostum Bai ch'io bramauo di partir con tutta secretezza, che ne meno gl' Osbechi lo sapiano, non chi li Casachi, o la città, e che perciò la suplicauo d'impetrarmi dal Han una secreta udienza del congedo, e ciò di notte tempo, perchè mi sarebbe stata di grande mio auantaggio.

Questa mia rapresentazione hebbe felice ruiscita poiche, e il fauorito e il Han la truouaron à proposito; e cosi alli 25 di luglio à un hora di notte fui chiamato all' udienza, et in quel giorno il fauorito mi mandò in luogo del Kaftan (come s'usa dare) denghi, monetta del paese, 14 m., che son 15 zechini di Buharia, facendomi dir il fauorito che non haueuan un Kaftano à proposito per donarmi, e che perciò

m'haueua mandato in denaro, tanto più ch'io haueuo di bisogno per la spesa, e questa è stato l'unico regalo riceuto in Hijua; ma non passò molto ch'il fauorito si fece ben pagare per li 14 m., mentre il giorno seguente mi prese dal capo una bella baretta di zibelini et una camisola di sctof negro, che la uolse per forza hauere.

Mi portai dal Han quella sera con tre soli huomini uestito alla maniera del paese tutto in silenzio, quale ritrouai tutto solo, ma in grande consternazione nel uolte, perche temeua da tutti quella uolta. Mi mostrò ciera (sic) ridente, ma si uedeua chiaramente, ch'era un riso forzato.

Più d'una hora, soli à soli con il d-to Han, mi sono sentato, hauendomi rinouato il med-mo tutto il discorso, che nella prima udienza ha meco hauto.

Toccante li schiaui Russi ha d-to, che lui li teneua pronti ad ogni minimo cenno; sogiungendo à me, che se ueniuo mandato per amb-re da Sua M-ta in Hijua, m'haurebbe fatto honori grandissimi e regali asai superbi.

Io ho risposto ch'ancor cosi ero obligato alle sue grazie, e che pregauo Dio di goderle anco in apresso con ocasione, che Sua M-ta s'acompiacerà d'hauerlo per amico, e che speraua, che presto per mezzo del suo spedito amb-re Subhan Kulli, haurebbe riceuto fauoreuoli auisi.

Il Han mi disse queste precise parole: io bramo d'hauer con Sua M-ta una stretissima amicizia, come l'hanno sempre hauto gl'altri miei antenati, e che li mercanti d'ambe li parti coltiuino il comercio come prima; poiche dall' inimicizia non nasce alcun bene, Sua M-ta non ha bisogno del nostro ponero paese, ne io del suo, Hijua è lontana assai dal confine della Russia. Sua M-ta haurebbe sempre pena grande di uenir nelli nostri paesi, et io sono incapacissimo d'andar nelli suoi.

Mi pregò per fine il Han, che douessi rapresentar à Sua M-ta per parte sua, qualmente il Prencipe Bechouich, perche pretendeua d'esser dalla famiglia di Giege Han e che contro gl' ordini di Sua M-ta haueua preso seco tanti milla soldati per uenir in Hijua e farsi Han nel suo posto, come creditario suo e che non era uenuto come amb-re, e come Sua M-ta l'ha creduto.

Et io ho risposto al Han: Sua M-ta non ha bisogno del uostro paese, se ancor fosse piu uicino. Il Sciah li ha offerto un reguo intiero, aciò l'auite contro gl'Augani, e riprenda per conto suo l'Ispahan, e Sua M-ta l'ha aiutato; non perchè li fa di bisogno, perche n'ha di propri regni, e megliori di quelli una centenara, ma l'acetta per esser regalo d'un antico amico, come in obligo d'aiutarlo e difenderlo.

Doppo di questo discorso, uolsi io licenziarmi, et il Han, contro la uolontà del suo fuorito, che non uoleua ch'io là cenassi, fece metter in tauola e uolse che cenassi con lui.

Fra il cenar, mi dice il Han, ch'era un grande amatore delli crece — ti, et io li promisi mandar d'Astrahan con li suoi Turchmeni un paro, ma non li ho mandato niente.

Mi disse pure il Han (ma era tutto falso) d'hauer mandato un ordine

espresso per tutte le città di Hijua, che tutti li mercanti Casachi siano per 10 o 15 giorni trattenuti, e non li lascino partir prima ch'io fossi partito da Hijua, per il che lo ringraziai infinitam-te, etc.

Domandai al Han per l'amb-re Subhan Kulli, pregandolo ch' il giorno seguente li uolesse congedar.

Et il Han mi rispose, che non mi dubitassi, e che tosto il Subhan Kulli fosse ritornato (perche era stato mandato per le città di Hijua à radunar le spese del suo uiaggio, cioè per ogni città un homo doueua prender un camelo e cinque milla denghe) l'hauerebbe congedato. E con questo mi sono licenziato dal Han.

Doppo il congedo hauto, sei giorni sono stato forzato di restar in Hijua, perchè atendeuo il nomato amb-re Sub Han Kulli.

Auanti un giorno della partenza, per ausa d'un schiauo Russo fugito d'un Osbecho, che credeuan fosse da me, il Han mi mandò questo complimento: guardateui, inuiato, che qualche Russo fugito non si ritroui da uoi, o tra la uostra gente, ne qui in Hijua, ne fuori di Hijua, perchè sarete uisitato, e se si ritrouarà, sarete deputato per un ladro, e mandarò gl' Osbechi che ui spogliuo e faccino uoi med-mo schiauo, etc. etc.

Et io ho risposto: non sono uenuto io in Hijua per rubar li schiaui, che se fossi stato ladro delli schiaui, ne puoteuo una centenara rubar da Buhar con l'ocasione, che sono di là fugito, e quelli schiaui Russi, che tengo da Buhara o son stati comprati col denaro, o regalati, o lasciati in libertà per amor di Dio; e che sarebbe cosa asai ingiusta (ho sogiunto) se il Han permeteua alli Osbechi per tradirmi, per che io pretendeuo d'esser inocente. Non basto questo bel semacho (sic).

Nell' ultimo giorno della mia partenza tanto sospirata, il fauorito del Han, mi mandò con un suo huomo un stropiato cauallo dalla parte del Han, facendomi dir espressamente, ch' il Han uoleua hauer quel cauallo uinohod, che il Han di Buharia haueua mandato in regalo à Sua M-ta, e che in luogo di quello prendessi quel stropiato.

Io ho risposto che quel cauallo non aparteneua à me, ma à Sua M-ta, che perciò non puoteuo disponer del med-mo; se poi uoleua seruirsi delli miei proprij, era in suo piacere di prender tutti; se poi il Han uoleua per forza hauer il d-to cauallo, non haueua da far altro (dissi al messo) che d'andar da sua posta à desligarlo dalla stalla, et ameuerà lo via, come fece quel huomo, mentre desligato il soprad-to cauallo legò al suo luogo il suo, e quello se l'amenò dal Han.

Capito in questo mentre da me il congedato amb-re loro Subhan Kulii e li contai l'acidente, che restò stupefatto: et io lo pregai che l'ardasse à far intender à qualche d'uno delli m-tri et in particolare al amico mio Nakib Hoggia, il quale operò asai, mentre confidato questa nefanda azione ad altri m-tri, che fecero un grandiss-mo bisbiglio, con dir che non era un azione da farsi, che era una chiara rapina, e che non restaua che darmi un intiero spoglio e farmi schiauo, etc.

Uenuto questo in orechie del Han e del suo fauorito, subbito in

quel momento mi fù rimandato il cauallo col med-mo huomo con la presente scusa: Il Han u'à rimandato il cauallo indietro perchè non li ha piaciuto, e perchè lei non si prenda à male e resti di buon cuore, etc.

Alli p-mi d'Agosto sono partito da Hijua in compagnia dell' acenato Subhan Kulli et in 25 giorni di penosiss-ma marchia di giorno e di notte, siamo ariuati à Jaik suli Uciughi, nel castello Ghiurghieu, doue per respirar da un cosi crudel uiaggio ci siamo tratenuti per qualche giorni, et alli 17 di 7-bre siamo ariuati, grazie à Dio, in Astrahan.

L'Ambassadore, si come haueua nel Jurt la sua moglie e parenti, pregò, che li fosse dato il quartiere in casa d'un suo parente nell' istesso Jurt Tarttaro. Io per parte mia li ho donato uenti rubli e pregato nella Cancellaria d'Astrahan, che pro tempore li fosse asegnato per suo sostentam-to un rublo al giorno.

Li due Turchmeni guide non son uenuti in Astrahan, forse perchè temeuano e son rimassti dal Dorgi nelli Calmuchi, per atender la carauana.

Il d-to Subhan Kulli non sarebbe mai uenuto come amb-re per timore, che come uien anouerato fra li sudditi di Sua M-ta, non li uenisse fatto del male; ma io sopra la mia parola l'ho preso e promesso, che non li sarà fatto male alcuno, anzi che sarebbe anco ricompensato per hauermi liberato da quelli paese.

Tiene apresso di se dieci huomini et e inbasissime fortune; é amogliato et in Hijua, et in Astrahan, et in Buhara; supongo lui é nato in Turchistan; è da trenta e piu anni che prattica in Astrahan, e seruiua altre uolte alli mercanti per capo delle carauane, che andauano in Hijua et in Buharia, che perciò é nomato Subhan Kulli *Carauan Basci.*

Il regalo che porta dalla parte del Han di Hijua d-to Scirgasi, uie un paro di pelli di bars, o uoglia dirsi leopardo, noue curtelini, none guanti, e noue pelli d'agnello uolnitte etc.*)

Florio Beneueni.

---

*) При семъ изданіи Дневника Ф. Беневени соблюдены какъ формы языка, такъ и правописаніе подлинника, со всѣми особенностями. П.

1853

1640